

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ISSN 2073-2929

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА

EURASIAN INTEGRATION:
ECONOMICS, LAW, POLITICS

欧亚一体化：经济、法律、政治

Том 16 / Vol. 16

№4 (42) ————— 2022

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:

ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА
Международный научно-аналитический журнал

Том 16, № 4 • 2022

Тема номера:
БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ — ПРОСТРАНСТВО СОТРУДНИЧЕСТВА

Партнер журнала — Евразийская экономическая комиссия

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям (Распоряжение Министерства науки и высшего образования Российской Федерации о включении в перечень рецензируемых научных изданий от 25.12.2020 номер 469-р):

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки); 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки); 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки), 5.5.4. Международные отношения (политические науки).

Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде. Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
<https://www.eijournal.ru>

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2022
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2022
- © Редакция журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (составитель), 2022
- © Все права защищены

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
NORTH-WEST INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

EURASIAN INTEGRATION:

ECONOMICS, LAW, POLITICS

International Scientific and Analytical Journal

Vol. 16 No 4 • 2022

Topic of the Issue:
GREATER EURASIA IS A SPACE OF COOPERATION

Partner of the journal — Eurasian Economic Commission

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: 199004, St. Petersburg,
V.O., 8th line, 61
Ph.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Fax: (812) 335-42-16
Website: <https://www.eijournal.ru>

- © Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2022
- © North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2022
- © Editorial Board of the Journal „Eurasian Integration: economics, law, politics“ (compilation), 2022
- © All rights reserved

It is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, Член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции СЗИУ РАНХиГС, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, эксперт РАН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

МЯСНИКОВИЧ Михаил Владимирович, Председатель международного научного совета, Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор экономических наук, профессор

ШАМАХОВ Владимир Александрович, научный руководитель международного научного совета, советник ректора РАНХиГС, научный руководитель СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович, заместитель научного руководителя международного научного совета, советник научного руководителя Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат исторических наук

АЛИМБЕКОВ Мусабек Тургынбекович, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук (Казахстан)

БЕБЕНИН Сергей Михайлович, Председатель Законодательного собрания Ленинградской области

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович, заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, кандидат юридических наук

КОГУТ Виктор Григорьевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

КУЧЕРЯВЫЙ Михаил Михайлович, доктор политических наук

ЛОКЯН Арсен Багдасарович, ректор Академии государственного управления Республики Армения, доктор психологических наук

МАКСИМЦЕВ Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор

РАХИМИ Фарход Кодирович, действительный член, президент Академии наук Республики Таджикистан, доктор физико-математических наук, профессор

САТВАЛДИЕВ Нурбек Абдрашитович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

САФАРЗОДА Бахтовар Амиралли, заместитель Генерального секретаря ПА ОДКБ, полномочный представитель Маджлиси Оли — парламента Республики Таджикистан, доктор юридических наук

ХАНЬ Лихуа, старший научный сотрудник Университета международного бизнеса и экономики (Китай), PhD, профессор

ЧИЛИНГАРЯН Айк Марселолич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Республики Армения в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат экономических наук

ШУХНО Сергей Степанович, заместитель начальника отдела Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии

ЭРКЕБАЕВ Абдыганы Эркебаевич, академик Национальной Академии наук Кыргызской Республики, председатель совета Ассамблеи народа Кыргызстана, доктор филологических наук

ЯКУНИН Владимир Иванович, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АБАЙДЕЛЬДИНОВ Ербол Мусинович, профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)

АКАЕВ Аскар Акаевич, доктор технических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук (Кыргызстан)

АСАУЛ Максим Анатольевич, доктор экономических наук (Россия, Москва)

ВЕТРЕНКО Инна Александровна, заведующая кафедрой социальных технологий СЗИУ РАНХиГС, директор Исследовательского аналитического центра «Русская мечта», доктор политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ДЕНИСОВ Андрей Иванович, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, кандидат экономических наук (Россия, Москва)

ЕНГОЯН Ашот Пайлакович, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Ереванского госуниверситета, доктор политических наук, профессор (Армения, Ереван)

ЕРЕМЕЕВ Станислав Германович, депутат Законодательного собрания Ленинградской области, доктор экономических наук, кандидат политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, директор аналитического центра Института международных исследований Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук (Россия, Москва)

КАШКИН Сергей Юрьевич, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

КАЮМОВ Нуриддин Каюмович, академик Академии наук Республики Таджикистан, доктор экономических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, академик РАЕН, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, редактор раздела «Право» (Россия, Санкт-Петербург)

КРОТОВ Михаил Иосифович, Полномочный представитель Федерального Собрания Российской Федерации — заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва, Санкт-Петербург)

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор, редактор раздела «Экономика» (Россия, Санкт-Петербург)

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Россия, Москва), доктор политических наук, профессор

ЛИВЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, профессор кафедры международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических и юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

НОВИКОВА Ирина Николаевна, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

РЕМЫГА Владимир Николаевич, генеральный директор Координационного центра «Экономический пояс Шелкового пути», доктор экономических наук (Россия, Москва)

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, декан юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

СТАРОВОЙТОВ Александр Александрович, эксперт юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС, доктор политических наук, редактор раздела «Политика» (Россия, Санкт-Петербург)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала, доктор юридических наук (Россия, Москва)

ХАШ-ЭРДЭНЭ Самбалхундэв, председатель общества «Знание» Монголии, доктор социологических наук, профессор (Монголия, Улан-Батор)

ЧЭНЬ ЧЖИГАН, вице-президент Китайского делового центра в Санкт-Петербурге, доктор экономических наук (Китай, Пекин)

CHIEF EDITOR

GLAZYEV Sergey, Member of the Board — Minister in charge of Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

DEPUTY CHIEF EDITOR

KEFELI Igor, Leading Researcher of the Research Laboratory Institute for Strategic Planning and Eurasian Integration, North West Institute of Management, RANEPA, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Expert of RAS

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

MYASNIKOVICH Mikhail, Chairman of the International Scientific Council, Chairman of the Board of the Eurasian Economic Commission, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Economics, Professor

SHAMAKHOV Vladimir, Scientific Supervisor of the Council, Advisor to the Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Research Supervisor of the North-West Institute of Management — branch of the RANEPA, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class

SLUCHEVSKY Vyacheslav, Deputy Scientific Supervisor of the Council, Advisor to the Research Supervisor of North-West Institute of Management of RANEPA, PhD in Historical Sciences

ALIMBEKOV Musabek, honorary professor of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor of Laws

BEBENIN Sergey, Chair of the Legislative Assembly of the Leningrad Region

BONDUROVSKY Vladimir, Deputy Executive Secretary of the CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Law

KOGUT Viktor, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Belarus in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

KUCHERYAVY Mikhail, Doctor of Political Sciences

LOKYAN Arsen, Rector of the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, Doctor of Psychology

MAKSIMTSEV Igor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor

RAHIMI Farhod, President of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Physics and Mathematics, Professor

SATVALDIEV Nurbek, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

SAFARZODA Bakhtovar, Deputy Secretary-General, Secretariat of the CSTO Parliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of Majlisi Oli — Parliament of the Republic of Tajikistan, Doctor of Laws

HAN Lihua, Senior Researcher of University of International Business and Economics (China), PhD, Professor

CHILINGARYAN Ayk, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Armenia in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Economics

SHUKHNO Sergey, Deputy Head of the subdivision of the Department for the Development of Integration of the Eurasian Economic Commission

ERKEBAYEV Abdygany, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philology

YAKUNIN Vladimir, Head of the State Policy Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Professor

EDITORIAL BOARD

ABAYDELDINOV Erbol, Doctor of Laws, Professor, Department of Integrational Law, Faculty of Law, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan, Nur-Sultan)

AKAEV Askar, Doctor of Technical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan)

ASAUl Maksim, Doctor of Economics (Russia, Moscow)

VETRENKO Inna, Head of the Department of Social Technologies of the North-West Institute of Management of the RANEPa, Director of the Research Analytical Center "Russian Dream" (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Political Sciences, Professor

DENISOV Andrey, First Deputy Chair of the Federation Council Committee on Foreign Affairs (Russia, Moscow), PhD in Economics

ENGOYAN Ashot, Head of the Department of Theory and History of Political Science of Yerevan State University (Armenia, Yerevan), Doctor of Political Sciences, Professor

YEREMEEV Stanislav, Deputy of the Legislative Assembly of the Leningrad Region (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, PhD in Political Sciences, Professor

KASHKIN Sergey, Head of the Department of Integration and European Law of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Professor, Department of "Zhan Monnet" (European Union) (Russia, Moscow), Doctor of Laws, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

KAZANTSEV Andrey, Director of Analytical Center, Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences

KAYUMOV Nuriddin, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe), Doctor of Economics, Professor

KIRILENKO Viktor, Head of the Department of International and Humanitarian Law, North-West Institute of Management of RANEPa, academician of the Russian Academy of natural Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, editor of the "Law" section (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Laws, Professor, Academician of RANS

KROTOV Mikhail, Plenipotentiary Representative of the Federal Assembly of the Russian Federation — Deputy Executive Secretary of the CSTO PA (Russia, Moscow, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Professor

KUKLINA Evgenia, Chair of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Editor of the "Economics" section, Doctor of Economics, Professor

LEBEDEVA Marina, Head of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences, Professor

LIVEROVSKY Alexey, Scientific Director of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Constitutional Law (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Laws, Professor

MISHALCHENKO Yuri, Professor of the Department of International and Humanitarian Law of the North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Doctor of Laws, Professor

NOVIKOVA Irina, Dean of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg), Doctor of History, Professor

REMYGA Vladimir, Director-General of the Coordination Center "Economic Belt of the Silk Road" (Russia, Moscow), Doctor of Economics

SERGEVNIN Sergey, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of History and Theory of State and Law, North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

STAROVOITOV Alexander, Expert of the Law Faculty, North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

TOROPYGIN Andrey, Professor North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), editor of the "Politics" section, Doctor of Political Sciences

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Laws, Leading Researcher, Sector of International Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Editor-in-Chief of the Eurasian Law Journal

KHASH-ERDENE Sambalhundev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chairman of the society "Knowledge" of Mongolia (Mongolia, Ulan-Bator)

CHEN ZHIGAN, Doctor of Economics, Vice-President of the Chinese Business Center in Saint Petersburg (China, Beijing)

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**
Международный научно-аналитический журнал
Том 16, № 4 2022

Содержание

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Глазьев С. Ю.

Акценты на опережающее развитие 9

ГЛАВНОЕ

Малков С. Ю.

Россия в условиях мирового кризиса 11

ЭКОНОМИКА

Горбунова М. Л., Комаров И. Д., Белащенко Д. А.

К вопросу о стратегии формирования трансрегионального интеграционного контура ЕАЭС..... 26

Ворона А. А., Губина М. А.

Фармацевтический рынок ЕАЭС: тенденции и перспективы развития..... 43

Смирнов С. А., Сорокин Г. С.

Применение бережливого производства в российских компаниях 55

ПРАВО

Кириленко В. П., Алексеев Г. В.

Роль цифровой трансформации в борьбе с преступностью на море 68

Фурман Ф. П.

Стоит ли реформировать ООН? 82

Семяникова Д. А.

Правовые нормы социального обеспечения военнослужащих — участников специальной военной операции 89

Атнашев В. Р.

Правовое регулирование брачных отношений с иностранными гражданами
(на примере Вьетнама) 98

ПОЛИТИКА

Белая Е. К., Кашина М. А.

Сравнительный анализ южнокорейской и американской практики мягкой силы в мировой политике 106

Козьменко С. Ю.

Современный гамбит в евразийской версии «Большой игры» 121

Марабян К. П.

Особенности современной политики Турции на Южном Кавказе 130

Выходец Р. С., Панцеров К. А.

Сравнительный анализ современных концепций информационного противоборства 139

Торопыгин А. В.

Организация Договора о коллективной безопасности: реалии и перспективы кризисного реагирования 149

ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА

..... 157

РЕЦЕНЗИИ

Шевцов Л. П.

Рецензия на монографию А. А. Бартоша «Вопросы теории гибридной войны» 167

Публикации журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» в 2022 г. 172

АВТОРАМ ЖУРНАЛА «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией научно-аналитического журнала «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА» 174

EURASIAN INTEGRATION: ECONOMICS, LAW, POLITICS

International scientific and analytical journal

Vol. 16 No 4 2022

CONTENTS

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Sergei Yu. Glazyev

Emphasis on Advanced Development 9

MAIN

Sergey Yu. Malkov

Russia in the Context of the Global Crisis 11

ECONOMICS

Maria L. Gorbunova, Igor D. Komarov, Dmitry A. Belashchenko

On the Issue of the Strategy for the Formation of the Trans-regional Integration Contour
of the EAEU 26

Anastasia A. Vorona, Maryana A. Gubina

Pharmaceutical Market of the EAEU: Trends and Prospects of Development 43

Sergey A. Smirnov, Gleb S. Sorokin

Implementation of Lean Manufacturing Methods in Russian Companies 55

LAW

Kirilenko V. P., Alekseev G. V.

The Role of the Digital Transformation in the Fight against Crime at Sea 68

Felix P. Furman

Should the UN Be Reformed? 82

Dina A. Semyannikova

Legal Norms of Social Security of Servicemen — Participants of a Special Military Operation 89

Vadim R. Atnashev

Legal Regulation of Marriage Relations with Foreign Citizens (on the Example of Vietnam) 98

POLITICS

Ekaterina K. Belaia, Marina A. Kashina

Comparative Analysis of South Korean and American Soft Power Practices in World Politics 106

Sergey Yu. Kozmenko

The Modern Gambit in the Eurasian Version of the "Great Game" 121

Karen P. Marabyan

Features of Turkey's Modern Policy on the Southern Caucasus 130

Roman S. Vykhodets, Konstantin A. Pantserov

Comparative Analysis of Modern Concepts of Information Warfare 139

Andrey V. Toropygin

Collective Security Treaty Organization: Realities and Perspectives of Crisis Response 149

EURASIAN CHRONICLE

..... 157

REVIEW

Leonty P. Shevtsov

Review of the Monograph by A. A. Bartosh "Questions of the Theory of Hybrid Warfare" 167

Publications in the journal "Eurasian Integration: Economics, Law, Politics" in 2022 172

For the authors of the journal "Eurasian Integration: Economics, Law, Politics"

Rules for the design of articles accepted for consideration by the editors of the scientific and analytical
journal "Eurasian Integration: Economics, Law, Politics" 174

Акценты на опережающее развитие

Будущий год в основном завершает осуществление планов по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года (далее — Стратегия). В этом же году должны быть приняты Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2035 года. Как показала итоговая встреча глав государств Союза 9 декабря в Бишкеке, наступающий год действительно станет ключевым по достижению планов и договоренностей, которые определяют положение ЕАЭС в региональной и глобальной экономике.

Кыргызское председательство в органах Союза в 2022 году заложило хорошую основу для перспектив интеграционного сотрудничества. В повестке дня появились ранее затронутые другими оперативными задачами вопросы определения источников финансирования имеющих значительный интеграционный эффект кооперационных проектов и программ, действенных механизмов конвергенции регионов государств ЕАЭС по уровню социально-экономического развития, создания сетевых форм сотрудничества в науке, образовании, культуре и спорте. Акцент на этих проблемных зонах сделал в ходе заседания Высшего Евразийского экономического совета и Президент Российской Федерации В. В. Путин, отметив, в частности, что мы «полагаем необходимым актуализировать стратегические ориентиры развития Евразэс. Действующий базовый документ „Направления развития экономической интеграции“ рассчитан на период до 2025 года, и важно приступить к подготовке новых документов стратегического планирования, задающих основные векторы дальнейшего интеграционного взаимодействия на среднюю и долгосрочную перспективу. В качестве одного из таких векторов рассматриваем укрепление технологического суверенитета государств — членов Евразэс и формирование нашими странами общей инновационной и промышленной базы в ключевых индустриальных и сельскохозяйственных отраслях... И конечно, в ходе председательства намерены заниматься вопросами, связанными с развитием научных, технических и образовательных контактов... Считаем полезным шире вовлекать молодых специалистов в интеграционную повестку через программы студенческого туризма, популяризацию общих исторических, социальных и этических ценностей, в поддержку совместных молодежных проектов в сферах предпринимательства, добровольчества, культуры и спорта. Как вы все не раз подчеркивали, Евразийский экономический союз и в целом наша интеграционная работа привлекает внимание все большего числа международных игроков, заинтересованность в развитии связей с нашим объединением проявляют многие иностранные государства. Я сейчас не буду все повторять, я полностью согласен с предложениями коллег по расширению этой работы, в том числе и с региональными структурами, такими как ШОС и АСЕАН»¹.

По сути, сказанное главой российского государства означает, что на первый план выходят вполне конкретные и согласованно реализуемые цели развития ЕАЭС. Оно — союзное развитие — должно носить опережающий характер как по отношению к средним темпам роста в мире, так и к основным регионам (прежде всего ШОС), с которыми мы осуществляем сотрудничество. Рост экономики ЕАЭС выше

¹ Заседание Высшего Евразийского экономического совета [Электронный ресурс] // Президент России — офиц. сайт. Бишкек, 09.12.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70058> (дата обращения: 10.12.2022).

среднемирового, что является определяющим фактором нашего позиционирования при формировании Большого Евразийского партнерства. Достижение же установленных Высшим Евразийским экономическим советом целевых темпов роста (не ниже 4,5–5,5% ВВП) предполагает преодоление инерционного сценария развития Союза путем кратного усиления инвестиционного сотрудничества для обеспечения полноценной производственно-технологической и научно-технической кооперации.

Вместе с тем необходимо учитывать и изменения, происходящие на Большом Евразийском пространстве — речь идет о появлении нового актора глобальной и региональной геополитики, а именно Организации тюркских государств (ОТГ), заявившей о своем статусе еще в ноябре 2021 года, а на очередном саммите в Самарканде в ноябре 2022 года позиционирующей себя как новая международная организация, объединяющая ряд государств с целью всестороннего сотрудничества между тюркскими народами. Очевидно, российскому научно-аналитическому сообществу, руководящим российским государственным органам, ЕАЭС, ОДКБ, ЕЭК пришло время осмыслить происходящие процессы, выработать конкретные рекомендации и предпринять конструктивные действия во взаимодействии с ОТГ. Наша позиция, очевидно, должна заключаться не в каком-либо противопоставлении «себя и нового соседа», а в утверждении искренней дружбы и сотрудничества между народами и странами Большой Евразии.

Обеспечение опережающего развития Союза предполагает кратное усиление инвестиционного сотрудничества для обеспечения полноценной производственно-технологической и научно-технической кооперации. Для этого следует подчеркнуть важность успешной реализации соответствующих стратегических направлений:

- целевые программы и проекты экономического и научно-технического развития, разработка и реализация которых предусмотрена п. 6.4 и пп. 6.2.5 Стратегии-2025;
- разработка и реализация стратегической программы научно-технического развития Союза на долгосрочный период, имеющей «рамочный» характер (пп. 6.4.5 Плана мероприятий по реализации Стратегии);
- реализация совместных НИОКР, предусматриваемая п. 8.1 Стратегии;
- реализация совместных инновационных проектов, предусмотренная пп. 8.2.1 и 8.2.3 Стратегии;
- цифровые инициативы, реализуемые в соответствии с решением Высшего Евразийского экономического совета «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» от 11 октября 2017 года № 12.

Чтобы дальше успешно двигаться в этом направлении, необходимо подумать над централизацией под руководством ЕЭК достаточных для выполнения намеченных совместных программ и проектов средств.

В качестве источников финансирования, наряду с уже предложенным механизмом отчислений от антидемпинговых пошлин, рассмотреть возможности использования экспортных пошлин, предварительно их унифицировав. Ежегодный объем поступлений от экспортных пошлин на поставляемые в третьи страны биржевые товары мог бы составить 10–20 трлн руб. При этом ориентировочный объем финансирования мероприятий в рамках реализации Стратегии в части достижения целей макроэкономической политики составляет около 1,5 трлн руб. в год (около 1% ВВП ЕАЭС).

Финансирование совместной продуктивной деятельности и союзной промышленной кооперации стало одной из ключевых тем рассмотрения на прошедших в Северной столице форумах — Евразийском научном форуме под водительством Университета при МПА ЕврАзЭС, активного движителя формирования Евразийского сетевого университета, и форуме, организованном Санкт-Петербургским государственным экономическим университетом 1–2 декабря этого года в Таврическом дворце. Оба высших учебных заведения поделились с практиками и экспертным сообществом своими многолетними наработками по поддержке развития евразийской экономической интеграции на передовом технологическом уровне.

От души поздравляю всех членов редакционного совета и редакционной коллегии, авторский коллектив журнала с наступающим 2023 годом, желаю всем здоровья и новых творческих достижений!

Главный редактор
Сергей Глазьев

Россия в условиях мирового кризиса¹

Малков С. Ю.

Центр долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования МГУ им. М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;

Институт экономики РАН, Москва, Российская Федерация;

e-mail: s@malkov.org

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9654-1439>

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются особенности современной ситуации в мире и существующие угрозы России в ее противостоянии с коллективным Западом. Показано, что современный глобальный кризис обусловлен сменой исторических эпох и трансформацией мировой системы в качественно новое состояние. Старые закономерности перестают работать, наступает время проектирования будущего. В этих условиях у России возникает шанс предложить свой проект мироустройства и стать одним из лидеров в новой исторической реальности. Но для этого необходима целеустремленная и мудрая политика.

Цель. Целью данной статьи является анализ современной ситуации в мире и обоснование политики России в сложившихся условиях.

Задачи. В ходе исследований решались следующие задачи: моделирование и прогнозирование мировой динамики в XXI в., выявление глобальных тенденций, анализ особенностей современной кризисной ситуации; анализ современного противостояния коллективного Запада и России; анализ задач, которые стоят перед Россией в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном периодах, и обоснование путей их решения.

Методология. Методология решения указанных задач базируется на выявлении закономерностей исторического развития с помощью современных методов моделирования и прогнозирования мировой динамики, развиваемых в МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством академика В. А. Садовниченко.

Результаты. Результаты математического моделирования показали, что человечество в настоящее время переходит на принципиально новую фазу исторического развития, когда старые экономические и социальные технологии (либеральный капитализм, классический социализм) уже не работают. Происходит переход человеческого общества в новое фазовое состояние, облик которого еще не определен. В этих условиях речь идет не о прогнозировании, а о проектировании будущего в новых исторических условиях. Начинается борьба мировых проектов. Стратегия России должна формироваться на основе понимания специфики современной ситуации.

Выводы. Современный мировой кризис порождает серьезные угрозы развитию России, обостряет давление на нее коллективного Запада. Однако одновременно перед Россией открываются новые возможности: она получает шанс предложить свой проект мироустройства и стать одним из лидеров в новой исторической реальности. Чтобы реализовать этот шанс, необходима целеустремленная и мудрая политика. В статье предложен ряд мер по реализации этой политики.

Ключевые слова: мировой кризис, новая историческая эпоха, проектирование будущего, сценарии развития, политика России

Для цитирования: Малков С. Ю. Россия в условиях мирового кризиса. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2022; 16(4): 11-25.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-11-25>

¹ Работа выполнена при поддержке РНФ (проект № 20-61-46004).

Russia in the Context of the Global Crisis

Sergey Yu. Malkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation;

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

e-mail: s@malkov.org

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9654-1439>

ABSTRACT

The article examines the features of the current situation in the world and the existing threats to Russia in its confrontation with the collective West. It is shown that the current global crisis is caused by the change of historical epochs and the transformation of the world system into a qualitatively new state. The old patterns stop working, it's time to design the future. In these conditions, Russia has a chance to propose its own world order project and become one of the leaders in the new historical reality. But this requires a purposeful and wise policy.

Aim. The aim of this article is to analyze the current situation in the world and substantiate Russia's policy in the current conditions.

Tasks. During the research, the following tasks were solved: modeling and forecasting world dynamics in the 21st century, identifying global trends, analyzing the features of the current crisis situation; analysis of the modern confrontation between the collective West and Russia; analysis of the tasks that Russia faces in the short, medium and long term, and justification of ways to solve them.

Methods. The methodology for solving these problems is based on the identification of patterns of historical development using modern methods of modeling and forecasting world dynamics, developed at Lomonosov Moscow State University under the guidance of Academician V. A. Sadovnichy.

Results. The results of mathematical modeling have shown that humanity is currently moving to a fundamentally new phase of historical development, when the old economic and social technologies (liberal capitalism, classical socialism) no longer work. There is a transition of human society into a new phase state, the shape of which has not yet been determined. In these conditions, we are not talking about forecasting, but about designing the future in new historical conditions. The struggle of world projects begins. Russia's strategy should be formed on the basis of understanding the specifics of the current situation.

Conclusions. The current global crisis creates serious threats to Russia's development, exacerbates the pressure on it from the collective West. However, at the same time, new opportunities are opening up for Russia: it gets a chance to propose its own world order project and become one of the leaders in the new historical reality. To realize this chance, a purposeful and wise policy is needed. The article suggests a number of measures to implement this policy.

Keywords: world crisis, new historical epoch, future design, development scenarios, Russian politics

For citing: Malkov S. Yu. Russia in the Context of the Global Crisis. *Eurasian Integration: Economic, Law, Politics*. 2022; 16(4): 11–25. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-11-25>

Введение

В последней четверти XX в. характер глобального развития стал быстро изменяться, наступило время серьезных демографических, экономических, геополитических перемен. В настоящее время мир вошел в полосу глобального кризиса, обусловленного сменой исторических эпох. Особенности современной ситуации порождают серьезные угрозы развитию и самому существованию России, обостряют ее противостояние коллективному Западу. Однако это и время открывающихся возможностей: у России возникает шанс предложить свой проект мироустройства и стать одним из лидеров в новой истори-

ческой реальности. Чтобы реализовать этот шанс, необходима целеустремленная и мудрая политика. Ниже изложены предварительные результаты исследований по математическому моделированию и прогнозированию мировой динамики, направленные на анализ наблюдаемых тенденций и на обоснование политики России в условиях современного глобального кризиса. Данная статья является кратким изложением доклада, подготовленного рабочей группой в ходе работ по проекту РНФ №20-61-46004 «Мировое развитие и “пределы роста” в XXI веке: моделирование и прогноз» (руководитель — академик В. А. Садовничий).

1. Особенности текущего момента, как это видится глазами политологов

1.1. В настоящее время Россия находится в чрезвычайно тяжелой ситуации, на нее оказывается беспрецедентное давление (экономическое, политическое, информационное) со стороны «коллективного Запада» с целью нанести ей политическое поражение и полностью лишить политической субъектности. В мировых средствах массовой информации идет планомерная работа по демонизации В. В. Путина и России в целом. У РФ, к сожалению, нет союзников. Страны бывшего соцлагеря, а также некоторые страны, бывшие союзные республики проводят антироссийскую, в лучшем случае так называемую многовекторную политику (единственно, кто заявляет о полной политической поддержке России, — это Белоруссия, и то лишь после неудавшейся попытки свержения власти А. Г. Лукашенко).

1.2. Почему так получилось?

В 90-е гг. Россия отказалась от субъектности, отказалась от своего социалистического проекта, захотела «влиться в семью цивилизованных стран». Это было воспринято как слабость, как поражение в холодной войне с Западом. Союзники по бывшему соцлагерю посчитали себя преданными и стали искать покровительства у более сильных геополитических игроков. Одновременно элиты стран — бывших республик СССР с целью укрепления своих позиций взяли курс на поощрение местного национализма и на выдавливание российского влияния. Потеря политических союзников Россией была закономерной, поскольку кто же захочет дружить с тем, кто сам объявил себя слабым. Запад, пользуясь слабостью России, стал ее «дожимать», чтобы окончательно превратить в «страну-бензоколонку». Но тут произошло неожиданное: В. В. Путин «заупрямился» и четко выразил свое несогласие с политикой Запада в знаменитой речи в Мюнхене в 2007 г. Тогда его решили поставить на место и усилить давление по всем направлениям, чтобы сломить сопротивление.

1.3. Каковы шансы России выдержать оказываемое на нее давление? Формально шансы низкие, если иметь в виду следующие факторы:

- у России слабая (2% от мирового ВВП) и несамостоятельная экономика сырьевого типа, зависящая от высокотехнологического импорта;
- несамостоятельная финансовая политика;
- имеется влиятельная прозападная прослойка в элите и в интеллигенции («пятая колонна»);
- сложная социальная ситуация (сильное имущественное расслоение);
- плохая демографическая ситуация (депопуляция);
- фактическое отсутствие реальных союзников на внешней арене (только ситуативные, даже среди стран СНГ, с которыми по многим вопросам чрезвычайно сложно договориться);
- демонизация В. В. Путина и России в мировых СМИ, создание образа токсичной страны, страны-изгоя.

Со стороны кажется, что ситуация безнадёжная.

2. Однако все не так просто

Надо посмотреть на ситуацию в более широком историческом контексте, на фоне глобальных процессов, происходящих в мире. Возможности для такого анализа существуют. На протяжении более десяти лет в МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством академиков В. А. Садовниченко и А. А. Акаева ведутся

работы по моделированию и прогнозированию мировой динамики. Для анализа сценариев развития России в глобальном контексте используется математическое моделирование с учетом циклических процессов в экономике, демографии, политике (методология и результаты прогнозирования изложены, например, в [8; 9; 108; 11]). Коротко результаты моделирования следующие.

2.1. Особую роль в глобальном развитии современного мира играют экономические циклы с долгосрочным периодом колебаний порядка пятидесяти лет, выявленные Н. Д. Кондратьевым. Каждый цикл начинается с кризиса, обусловленного исчерпанием технологических возможностей предыдущего уклада по обеспечению экономического роста. Во время кризиса идет поиск новых драйверов экономического развития. Появление новых технологий дает импульс развитию, и начинается «повышательная» фаза нового цикла. Затем по мере насыщения спроса начинает действовать закон убывающей доходности, и экономическая эффективность нового технологического уклада уменьшается. Темпы экономического роста падают. Наступает кризис, выход из которого возможен лишь с появлением и внедрением технологий следующего, более совершенного уклада, которые запускают очередной виток технического и экономического развития. Исчерпание возможностей роста в рамках действующего технологического уклада ведет не только к экономическому кризису, но и к обострению международной политической обстановки. Вторая мировая война, а также завершающая стадия третьей мировой холодной войны, результатом которой стал распад СССР, были следствиями таких кризисов (рисунок 1).

Мир находится в кризисной фазе цикла

Рис. 1. Динамика цен производителей США в золотом эквиваленте (отн. ед.), отражающая динамику долгосрочных экономических циклов [8]

Fig. 1. Producer Price Dynamics in the US in Gold Equivalent (Relative Units), Reflecting the Dynamics of Long-term Economic Cycles

Рисунок 1 позволяет увидеть следующую закономерность. Первый цикл Кондратьева ознаменовался экономическим подъемом Великобритании, которая после Наполеоновских войн, осуществив промышленную революцию на основе паровых двигателей, стала безусловным лидером и «мастерской мира». Во втором цикле Кондратьева Великобритания достигла политического могущества, стала диктовать свою волю всему миру, превратилась из лидера в доминанта, контролировала мировые финансы (фунт стерлингов стал, по существу, мировой валютой), обладала сильнейшей армией. Однако одновременно «мастерская мира» стала перемещаться в такие быстроразвивающиеся страны, как США, Германия, Россия; экономическая дистанция между ними и Великобританией стала сокращаться. В третьем цикле Кондратьева стало очевидно снижение экономических возможностей и международного влияния Великобритании, которая в ответ стала пытаться затормозить развитие своих конкурентов и столкнуть их между собой в надежде снова вернуть себе лидирующие позиции. Мировой порядок дестабилизировался, наступила эпоха нестабильности, революций, мировых войн. Период

хаоса закончился после Второй мировой войны, но не в пользу Великобритании. Новым мировым лидером стали США.

Далее ситуация стала практически повторяться, но уже с другими действующими лицами. Так, четвертый цикл Кондратьева знаменовался экономическим подъемом США, которые после Великой депрессии благодаря Второй мировой войне стали безусловным лидером и «мастерской мира». В пятом цикле Кондратьева США после победы над СССР в третьей мировой холодной войне достигли политического и военного могущества, обеспечили себе контроль над мировыми финансами (доллар — мировая валюта), стали диктовать свою волю всему миру, превратились из лидера в доминанта. Но одновременно «мастерская мира» стала перемещаться в КНР, и экономическая дистанция между КНР и США стала сокращаться.

В настоящее время имеет место переход от пятого к шестому циклу Кондратьева. При этом происходит постепенное снижение международного авторитета и экономических возможностей США, которые в ответ стремятся затормозить развитие своих конкурентов и тем самым сохранить свои лидирующие позиции. Такая политика США привела к дестабилизации мирового порядка, к политической турбулентности во многих регионах мира (в частности, в странах с высокой долей исламского населения). Наступила эпоха нестабильности, четвертой мировой «гибридной» войны. В противовес этому усилившиеся страны периферии (прежде всего страны БРИКС) будут сопротивляться и пытаться укрепить свои экономические и политические позиции. В результате после окончания бурного шестого цикла Кондратьева (примерно через тридцать лет) утвердится новое распределение сил на мировой арене, новый геополитический баланс [1]. Таким образом, наступающий шестой цикл Кондратьева аналогичен третьему циклу (в начале XX в.), в течение которого имели место две мировые войны и после которого произошло геополитическое переформатирование мира (при этом, однако, лидерство осталось в руках англосаксов, просто центр принятия решений переместился из Лондона в Вашингтон). Но чем тогда отличается современная ситуация от того, что было сто лет назад?

2.2. В чем особенность современной исторической эпохи? Начало XXI в. — это время кардинальных исторических перемен, когда резко изменяются тренды, сложившиеся в предыдущие столетия. Если не понимать суть изменения трендов, невозможно выстроить эффективную стратегию действий. Предыдущие тренды сложились в начале Нового времени, когда в Европе после опустошительной эпидемии чумы четырнадцатого века («черная смерть», в результате которой погибло от 30 до 60% населения Европы) возникла острая нехватка рабочих рук и возник спрос на инновации (с целью замены ручного труда механическим). В результате определенных условий Европе удалось сделать технологический рывок, и она — до этого окраина цивилизованного мира — вырвалась в технологические лидеры, что затем повлекло достижение ею в XIX и XX вв. экономического, военного и политического превосходства над другими мировыми регионами.

Промышленная революция привела к резкому повышению производительности труда, к выходу из «мальтузианской ловушки», к резкому росту численности населения (рисунки 2 и 3). «Эпоха стабильности» (Средние века, экономической основой которых было аграрное производство при ограниченности земельных ресурсов) сменилась на «эпоху роста» (экономической основой которой стало индустриальное капиталистическое производство, основанное на частной собственности и конкуренции).

2.3. Особенность исторической ситуации в том, что капитализм как социально-экономическая система успешен только при наличии «игры с положительной суммой» [5], когда есть внешний мир (колонии, зависимые страны), из которого можно брать дешевые ресурсы и когда можно не слишком заботиться об издержках производства. Капитализм, который в свое время инициировал экономический рост, с другой стороны, эффективен только в условиях, когда идет этот рост, поскольку только в условиях роста возможно увеличение общей прибыли, необходимой для поддержания стабильности конкурентной капиталистической системы (прибыли должно хватать на всех). Когда возникают объективные ограничения для роста, либерально-рыночная капиталистическая система, основанная на свободной конкуренции, начинает давать сбои, а при остановке роста перестает нормально функционировать и должна заменяться на распределительную систему [4].

Главная суть происходящих в мире изменений заключается в том, после 60-х — 70-х гг. XX в., когда темпы мирового экономического и демографического роста достигли максимума, рост стал быстро тормозиться (см. рисунок 4).

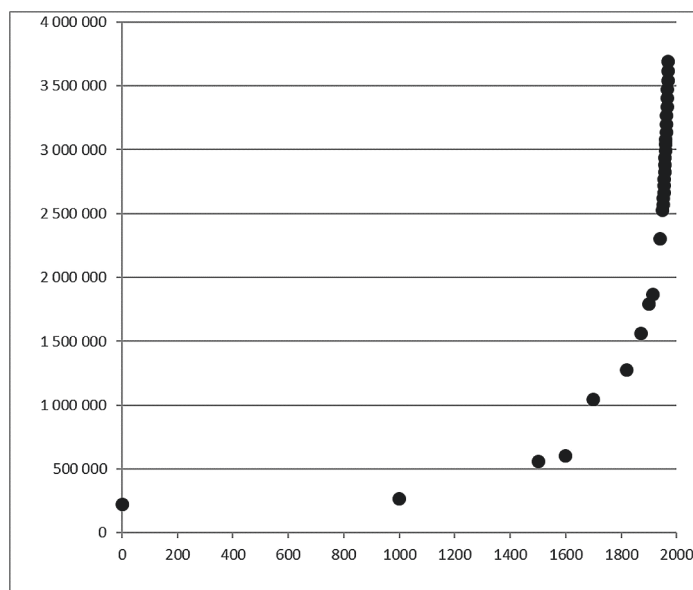

Рис. 2. Динамика численности населения мира с начала нашей эры до второй половины XX века (тыс. чел.)

Fig. 2. Dynamics of the World Population from the Beginning of Our Era to the Second Half of the Twentieth Century (Thousands of People)

Источник: <http://www.ggdc.net/maddison>

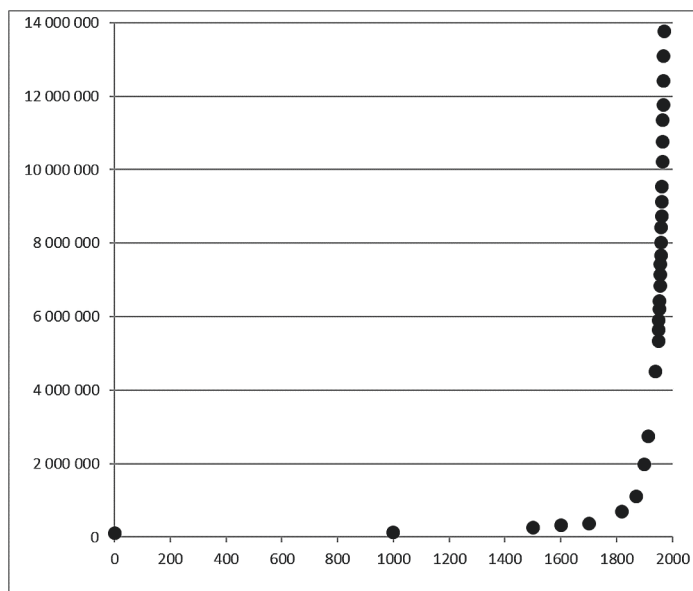

Рис. 3. Динамика мирового ВВП с начала нашей эры до второй половины XX в. (млн долл. США, 1990 г.)

Fig. 1. The Dynamics of World GDP from the Beginning of Our Era to the Second Half of the Twentieth Century (US \$ million, 1990)

Источник: <http://www.ggdc.net/maddison>

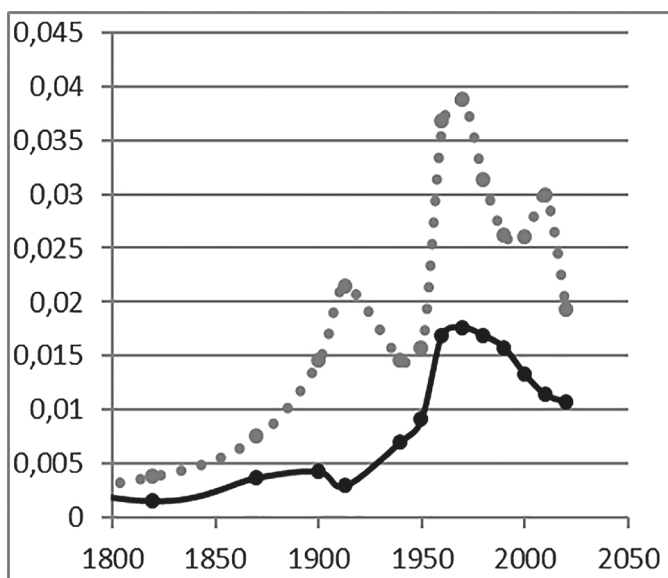

Рис. 4. Динамика усредненных по десятилетиям темпов относительного годового прироста численности населения Земли (сплошная линия) и мирового ВВП (пунктир). (Спад темпов роста населения в первой половине XX в. связан с мировыми войнами, колебательная составляющая в динамике темпов роста мирового ВВП обусловлена Кондратьевскими циклами.)

Fig. 4. Dynamics of Decades-averaged Rates of Relative Annual Growth in the Population of the Earth (Solid Line) and World GDP (Dotted Line)

Источник: <http://www.ggdc.net/maddison>

Причины торможения и начавшегося перехода от «игры с положительной суммой» к «игре с нулевой суммой» связаны с произошедшей глобализацией экономических процессов (мир стал замкнутым, расширяться далее некуда), с постепенным истощением природных ресурсов, с нарастающими глобальными экологическими проблемами [13]. Прогнозы ООН и других организаций вместо роста в качестве вероятного сценария предрекают стабилизацию и снижение численности населения мира к концу XXI в. (причем доля молодых будет неуклонно снижаться, а население будет все более пожилым).

При этом неизбежны следующие социальные трансформации:

- 1) переход от либерально-рыночной экономики к распределительной;
- 2) основной ценностью становятся не материальные блага (развитие технологий позволит решить проблему голода и нищеты), а информация, влияние на сознание;
- 3) тотальный контроль за поведением человека с помощью систем с искусственным интеллектом и когнитивных технологий;
- 4) широкое распространение человеко-машинных и полностью автономных систем, снижение значимости личного опыта, зависимость человека и общества в целом от информационных технологий;
- 5) виртуализация общения, формирование сетевого общества;
- 6) повышение профессиональной специализации, «новая сословность»;
- 7) повышение роли идеологии и влияния на сознание как средства управления поведением людей.

2.3. Таким образом, в настоящее время речь идет не о каком-то временном кризисе капиталистической системы (которых до этого в «эпоху роста» было уже немало, но они каждый раз преодолевались), а о неизбежном и уже происходящем переходе человечества на принципиально **новую фазу исторического развития**, когда старые экономические и социальные технологии (либеральный капитализм, классический социализм) уже не работают. Наступило время смены мировой парадигмы развития, но какой она будет, пока неясно. В этих условиях речь идет о проектировании будущего в новых исторических условиях. Начинается борьба мировых проектов. Победителем в этой борьбе будет тот, чей мировой проект окажется более успешным.

3. Основные характеристики текущей ситуации

3.1. Советский Союз в «эпоху роста» представил миру и стал реализовывать глобальный проект «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», альтернативный находившемуся на историческом подъеме агрессивному либерально-рыночному капиталистическому проекту. Социалистический проект нашел отклик в широких социальных слоях во многих странах мира, и в результате Советский Союз сформировал мощную и влиятельную социалистическую систему, а практически во всех странах были образованы и активно работали коммунистические партии. При этом и либерально-рыночный капитализм, и классический социализм (коммунизм), по существу, были двумя сторонами одной медали и отражали идеологию материального роста. Когда начиная со второй половины 70-х гг. «эпоха роста» стала заканчиваться, Советский Союз не смог адаптироваться к новым условиям и в конечном итоге потерпел геополитическое поражение, отказавшись от своего глобального проекта. За этим неизбежно последовала утрата союзников, внутренний экономический и политический кризис, деиндустриализация, превращение в «страну-бензоколонку». (Необходимо отметить, что в это же время китайское руководство во главе с Дэн Сяопином начало адаптацию к новым условиям, и сегодня мы видим впечатляющие результаты этой политики.) Страны Запада, используя доставшиеся им ресурсы бывшей социалистической системы, на некоторое время продолжили рост, но во время мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. стало понятно, что ресурсы для обеспечения роста окончательно иссякли. Стало ясно, что «эпоха роста» закончилась (см. рисунок 4). Начался идейный кризис на Западе в поисках парадигмы дальнейшего мирового развития при отсутствии роста.

3.2. В этих условиях западные лидеры сделали ставку на глобалистский мировой проект распределительного общества, где мировые ресурсы контролируются узкой прослойкой глобальной элиты. Этот проект озвучен в концепциях «капитализма стейкхолдеров» К. Шваба, «инклюзивного капитализма» Линн де Ротшильд и Папы Римского [3], а по существу, это проект реинкарнации тоталитарного общества в новую кибернетическую эпоху, управляемого явным или неявным «мировым правительством» (глобальной элитой, куда входят представители финансового капитала, транснациональных компаний, интернет-гигантов, контролирующих ресурсные и информационные потоки). Численность людей на Земле будет контролироваться, основные материальные потребности населения будут обеспечены безусловным базовым доходом (аналог «хлеба и зрелищ» для плебса в Древнем Риме), но население будет лишено собственности и реальной возможности влиять на принципиально важные решения, принимаемые «мировым правительством». При этом будет осуществляться управление ментальностью людей (в том числе через чипирование), что позволит обеспечить нужную «синхронизацию» общества. Цифровые технологии будут использоваться для тотального контроля за поведением населения.

Задача президента Джо Байдена — начать реализацию этого проекта на практике. Ему мешает Д. Трамп, призывающий опять вернуть «эпоху роста» для США («сделаем Америку снова великой»), хотя это уже нереалистично. Также ему мешает Китай, но пока США ничего не могут сделать, чтобы остановить экономический рост КНР. И еще ему мешает Россия. Но не потому, что Россия экономически сильна или политически влиятельна, а потому, что она может (как в свое время Советский Союз) сформулировать альтернативный мировой проект, который окажется более привлекательным для мирового сообщества, чем навязываемый Западом «инклюзивный капитализм». Этим обусловлено маниакальное стремление Запада изолировать и максимально ослабить Россию.

4. Что делать России в данной ситуации?

4.1. Чисто оборонительная стратегия в современном противостоянии с Западом — бесперспективна, силы слишком неравны (Запад как раз и рассчитывает на истощение России в этом противостоянии). Нужен асимметричный ответ [2]. Лучшая защита — нападение. Россия должна сделать то, чего Запад боится более всего: предложить миру альтернативный мировой проект, который будет более адекватен наступившей новой исторической эпохе и более привлекателен для народов мира, чем «инклюзивный

капитализм». Чтобы понять, почему у России есть все шансы для этого, нужно опять посмотреть на текущую ситуацию в более широком историческом контексте.

4.2. Народы России на протяжении многих веков жили в суровых природно-климатических условиях при наличии постоянного военного давления со стороны агрессивных геополитических соседей (то есть это те самые условия «игры с нулевой суммой», с которой сейчас столкнулся мир в целом). Необходимость коллективного выживания на протяжении веков сформировала коллективистскую модель общества, поощряющую самоограничения (что резко отличается от конкурентных принципов, характерных систем ценностей народов других регионов) [6; 7]. Благодаря этой особенности (закрепленному в ментальности и социальном поведении примату коллективизма и солидаризма над конкурентностью) русскому этносу удалось объединить в рамках одного государства одну шестую часть суши, где жили десятки народов различного вероисповедания. При этом, при всей сложности длительной российской истории, на территории Российской империи и СССР не было межэтнических и религиозных войн, которыми изобиловала история в других регионах мира. Проблемы начались лишь после того, как Россия в девяностых годах решила перейти на «цивилизованный путь развития».

4.3. В настоящее время, когда весь мир столкнулся с ограничениями роста и общими глобальными проблемами (энергетическими, экологическими, климатическими и т. п.), конкурентные принципы, которые в «эпоху роста» правили бал, приобрели разрушительный характер. В этих условиях резко возрастает ценность российского цивилизационного опыта. Россия могла бы в противовес «инклюзивному капитализму» предложить альтернативный путь развития: формирование **Мир-организма** — общества, где при наличии глубокой профессиональной специализации нет дискриминации, управление осуществляется на основе сетевых технологий. Большую роль играет идеология (в виде этических норм и самоограничений, подавляющих антагонистическую конкуренцию), которая устанавливает систему правил выработки согласованных решений. Конкурентные отношения канализируются в сферу спорта, науки и технологий, в творческие профессии в форме неантагонистической соревновательной конкуренции. Управленческая элита подконтрольна обществу и формируется на основе меритократических принципов (этому способствует развитие информационных сетей). Функционирование такого общества аналогично функционированию биологического организма. При этом отдельные народы и цивилизации не борются друг с другом в стремлении доминировать («Столкновение цивилизаций» по С. Хантингтону [12]), а сотрудничают и взаимно дополняют друг друга, реализуя принцип «единство многообразий». Представляется, что концепция **Мир-организма** была бы для народов мира более привлекательной, чем концепция «инклюзивного капитализма» и другие подобные концепции. Но эту концепцию надо сформулировать и озвучить на мировой арене, и это должна сделать Россия.

4.4. При этом нужно иметь в виду, что ситуация в мире будет развиваться последовательно и, прежде чем сформируется облик нового мироустройства, неизбежно пройдет период острого межгосударственного противостояния, в котором Россия должна устоять, потому что сейчас речь идет о самом ее существовании. Прогнозируется следующая последовательность разворачивания следующих сценариев развития событий (см. таблицу).

Все сценарии будут идти одновременно, но с разной интенсивностью (см. рисунок 5).

Естественно, на каждом этапе глобальной трансформации своя специфика и свои задачи, поэтому стратегия России должна быть гибкой, например:

- жесткое противостояние попыткам «коллективного Запада» нанести экономическое и геополитическое поражение России в рамках сценария № 1 должно сочетаться с предложением народам мира выстраивать солидарный **Мир-организм** (сценарий № 4);
- укрепление цивилизационных основ России в рамках сценария № 2 должно сопровождаться уважительным отношением к другим цивилизациям и активным выстраиванием с ними партнерских отношений (сценарий № 3) и т. п. Другими словами, должно быть последовательное «проектирование будущего из будущего» на основе понимания и учета особенностей конкретного этапа глобальной трансформации и его взаимосвязи с другими этапами.

4.5. Конкретными задачами в рамках каждого сценария должны быть следующие.

Последовательность разворачивания сценариев развития событий

Table. The Sequence of Unfolding Scenarios for the Development of Events

№	Сценарий	Суть
1	Реформированный западоцентризм , стремление Запада продолжить глобализацию по прежнему сценарию («Центр» — «Периферия»)	Жесткое противостояние попыткам «коллективного Запада» нанести экономическое и геополитическое поражение России. Несмотря на неизбежное реформирование финансово-политических институтов, США смогут удержать лидерство и поддержку Западной Европы. Продолжение политики «золотого миллиарда», доллар по-прежнему основная резервная мировая валюта
2	Фрагментация, неустойчивость , конфликтность, хаос	Явных лидеров нет, ситуация неустойчивая, преобладает протекционизм, взаимное недоверие
3	Регионализация , соперничество нескольких крупных региональных и цивилизационных блоков	Страны объединились в региональные цивилизационные блоки («коллективный Запад» [США, Западная Европа и др.], Китай, Индия, Россия, Южная Америка и др.), роль Запада постепенно снижается, несколько резервных валют
4	Формирование нового мироустройства	Установление новых правил игры, новая единая мировая валюта

Источник: составлено автором

Рис. 5. Изменение интенсивности реализации сценариев (цифры соответствуют номеру сценария)

Fig. 5. Changing the Intensity of Scenario Implementation (the Numbers Correspond to the Scenario Number)

Источник: составлено автором

В **сценарии № 1** (противодействие западоцентризму и глобализму):

- противостояние давлению «коллективного Запада»;
- отказ от идеологии либерализма;
- переход к мобилизационной экономике;
- борьба с нацизмом в мире;
- реформа просвещения, образования и науки;
- реформа здравоохранения;
- реальное возвращение большинства стран ближнего зарубежья в сферу влияния России. Гибкая политика в отношении Китая и его влияния в Средней Азии;
- борьба с «пятой колонной» и наследием 90-х гг.

В **сценарии № 2** (недопущение хаоса):

- цивилизационная самоидентификация на основе опыта исторического развития России, опыта объединения всех народов Российского государства (Московское царство, Российская империя, СССР) в систему «свой-свой»;

- формулирование российской цивилизационной идеологии на основе традиционных духовных скреп.

В **сценарии № 3** (взаимодействие цивилизаций):

- реализация стратегии партнерства цивилизаций (БРИКС, ЕАЭС, ШОС и др.);
- выявление общего в идеологических основаниях (религиях) различных цивилизаций;
- формирование «образа будущего» на основе цивилизационного синтеза.

В **сценарии № 4** (формирование Мир-системы):

- формирование новой этики (идеологической основы глобальной системы «свой–свой»);
- формирование институтов нового мироустройства (единство многообразия).

4.6. В соответствии с этим перед Россией на разных временных горизонтах стоят следующие жизненно важные задачи:

1) в *краткосрочном* периоде в рамках **сценария № 1** Россия должна не только выдержать мощное давление со стороны стран Запада и минимизировать потери для экономики, но и воспользоваться ситуацией для решительного пересмотра экономической и финансовой стратегии развития страны, перехода на путь развития, соответствующего национальным интересам, в том числе путем отказа от догм, не соответствующих этим интересам, выработки общенациональной идеологической платформы, признания необходимости усиления роли государства в экономике, развития импортозамещения, парирования западных санкций;

2) в *среднесрочном* периоде в рамках **сценария № 2** — укрепиться экономически, повысив объем инвестиций в экономику и выйдя на темпы роста ВВП 4–5% в год; существенно продвинуться в развитии высокотехнологичных производств, импортозамещения, несырьевого и технологичного экспорта; а также укрепиться идеологически (прежде всего путем цивилизационной самоидентификации и формирования цивилизационной идеологии на основе исторического опыта России);

3) в *долгосрочном* периоде в рамках **сценариев № 3 и № 4** — победить, то есть усилить экономические и финансовые позиции страны, перестроить ее экономическую структуру, стать одним из лидеров нового миропорядка (для этого нужно обеспечить максимальные выгоды от перехода к шестому технологическому укладу, способствовать формированию дружественных нам международных союзов, предложить и активно пропагандировать такую концепцию миропорядка, которая будет привлекательна для большинства стран). В соответствии с этим приоритетными действиями в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном периодах являются следующие.

4.6.1. Краткосрочный период (ближайшие два года).

Важнейшими приоритетами в краткосрочном периоде являются:

- в *финансовой и экономической* сферах: обеспечение стабильности функционирования экономики в условиях западных санкций и ведения военных действий на Украине;
- во *внутриполитической и социальной* сферах: недопущение дестабилизации социально-экономической и социально-политической ситуации в стране, обеспечение поддержки действий правительства населением;
- в *военной* сфере: завершение военной операции на Украине, проведение ее демилитаризации и денацификации; укрепление материально-технического обеспечения войск;
- в *идеологической* сфере: формирование основ нового обществоведения (мироведения), адекватного наступающей исторической эпохе; обоснование национальной идеологии; формулирование основ российского проекта будущего мироустройства;
- в *геополитической* сфере: противодействие давлению Запада и его попыткам международной изоляции России; укрепление связей с дружественными и нейтральными странами;
- в *научно-технологической* сфере: кардинальное усиление поддержки направлений, в которых имеются серьезные отставания от мирового уровня; разработка и начало реализации программы научно-технологического развития России, учитывающей наличие западных санкций;
- в *образовательной* сфере: проведение реформы среднего и высшего образования, отказ от Болонской системы в пользу системы, направленной на развитие творческих способностей;

проведение ревизии учебников и учебных пособий (особенно по истории) и их переиздание с новым содержанием;

- в *демографической* сфере: усиление поддержки семей с детьми и стимулирование рождаемости.

Ключевым мероприятием, от успешности которого будет зависеть дальнейшая судьба России, станет денацификация Украины и ее государственное переустройство. Если денацификация будет иметь успех, то это будет мощный удар по политике Запада, серьезно поднимет авторитет России среди большинства стран мира, обеспечит ей сильные позиции в формировании нового мироустройства. Если денацификация завязнет, перейдет в режим перманентной партизанской войны (поддерживаемой Западом), то это приведет к ослаблению и истощению России и впоследствии, с большой вероятностью, к ее социально-политической дестабилизации. С другой стороны, денацификация может быть успешной, только если Россия предложит привлекательный проект нового мироустройства, основанного на переходе от системы «свой–чужой», лежащей в основе национализма и фашизма, к системе «свой–свой». Для этого Россия сама должна идеологически преобразиться, отказаться от либеральных идей, навязанных Западом, и обрести (восстановить) свою цивилизационную идентичность, основанную на российском историческом опыте. Работа в этом направлении, обоснование новой национальной идеологии и нового обществоведения (мироведения), как его научной основы, является наиболее важной и срочной задачей, без решения которой военные усилия будут напрасны (поскольку победы сейчас одерживаются не на полях сражений, а в битвах за умы).

4.6.2. Среднесрочный период (2024–2028 гг.). Для этого периода будет характерно следующее:

- хаос в международных отношениях, когда старые правила игры уже перестанут соблюдаться, а новые еще не будут сформированы. Но при этом уже будут заявлены проекты нового мироустройства и начнется конкурентная борьба за их реализацию;
- начало повышательной волны очередного Кондратьевского цикла и переход к шестому технологическому укладу. Нарастающее экономическое усиление Востока, ослабление влияния Запада;
- смена поколений правящих элит, что ускорит процессы политических преобразований в разных странах мира и одновременно повысит политическую нестабильность;
- усилится процесс формирования цивилизационных блоков, которые станут основными геополитическими и геоэкономическими акторами.

Важнейшими приоритетами России в этом периоде должны быть:

- в *финансовой и экономической* сферах: укрепление экономики, преодоление последствий санкций, выход на режим устойчивого роста, интенсификация развития территорий Сибири и Дальнего Востока, переход к самостоятельной финансовой политике, активный уход от расчетов в долларах и евро;
- во *внутриполитической и социальной* сферах: снижение социального неравенства (индекс Джини), в том числе путем развития прогрессивной системы налогообложения, увеличения минимального размера оплаты труда;
- в *военной* сфере: укрепление ВС РФ и ОДКБ с целью парирования угроз военно-политической дестабилизации на международной арене в период хаотизации международных отношений;
- в *идеологической* сфере: формулирование российской цивилизационной идеологии на основе традиционных духовных скреп, пропаганда и продвижение в жизнь российского проекта мироустройства;
- в *геополитической* сфере: формирование и укрепление союзов с дружественными странами, укрепление связей с нейтральными странами;
- в *научно-технологической* сфере: интенсификация перехода к шестому технологическому укладу, формирование научных школ на наиболее перспективных направлениях, финансовая поддержка науки;
- в *образовательной* сфере: завершение реформы среднего и высшего образования, повышение престижности и привлекательности работы в сфере науки и образования;

- в *демографической* сфере: сделать демографию и здравоохранение приоритетными направлениями государственной политики.

Конкретные мероприятия формируются исходя из складывающейся ситуации в соответствии с перечисленными приоритетами.

4.6.3. Долгосрочный период (2029 г. и далее). Для этого периода будет характерно следующее:

- после периода хаоса в международной жизни сформируются относительно устойчивые цивилизационные блоки, которые, с одной стороны, будут экономически и политически конкурировать друг с другом, а с другой стороны, будут вынуждены совместно решать накапливающиеся глобальные проблемы;
- необходимость координации действий будет приводить к формированию новых международных институтов и правил;
- эти изменения будут облегчаться тем, что будет происходить смена поколений, и новые лидеры и широкие слои населения будут заинтересованы в повышении стабильности и предсказуемости развития экономической и политической ситуации;
- при благоприятном развитии ситуации начнется постепенное формирование глобального *Мир-организма*.

Важнейшими приоритетами России в этом периоде будут:

- в *финансовой* и *экономической* сферах: укрепление экономики, развитие равноправных и взаимовыгодных торговых отношений со всеми регионами мира, развитие международной экономической кооперации;
- во *внутриполитической* и *социальной* сферах: обеспечение роста человеческого потенциала, повышение инвестиций в человеческий капитал (прежде всего в образование и здравоохранение), отработка механизмов формирования управленческой элиты на основе меритократических принципов;
- в *военной* сфере: предложение и институализация принципов коллективной международной безопасности, снижение рисков военных конфликтов, последовательная реализация политики всеобщей демилитаризации;
- в *идеологической* сфере: продвижение в жизнь российского проекта мироустройства и политики партнерства цивилизаций; формирование новой этики «свой–свой» в международных отношениях;
- в *геополитической* сфере: продвижение в жизнь модели кооперативного развития и глобального управления, учитывающего интересы всех стран;
- в *научно-технологической* сфере: формирование системы, обеспечивающей постоянный внутренний спрос на инновации; стимулирование развития науки и технологий;
- в *образовательной* сфере: формирование в обществе стремления к новым знаниям, поощрение различных видов творчества;
- в *демографической* сфере: обеспечение демографического роста российского населения.

Конкретные мероприятия формируются исходя из складывающейся ситуации в соответствии с перечисленными приоритетами.

Выводы

1. На основе математического системного моделирования с учетом циклических процессов в экономике, демографии, политике, социологии сформулированы важнейшие меры в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном периодах, в том числе первоочередные меры по парированию угроз России в период 2022–2023 гг.

2. Современный геоэкономический и геополитический кризис закономерен. Наступил период экзистенциальных угроз. Но одновременно это период новых возможностей (возможность реванша России за поражение в третьей холодной мировой войне).

3. Ситуация в мире будет развиваться последовательно, и, прежде чем сформируется облик нового мироустройства, неизбежно пройдет период острого межгосударственного противостояния, в котором Россия должна устоять, потому что сейчас речь идет о самом ее существовании.

4. Мир переходит на *принципиально новую фазу исторического развития*, старые экономические и социальные технологии (либеральный капитализм, классический социализм) не работают.

5. Начинается борьба новых *мировых проектов*. Победителем будет тот, чей мировой проект окажется более успешным.

6. На Россию будет оказываться беспрецедентное давление, но, решая локальные задачи, нужно будет всегда иметь в виду и преследовать *стратегические цели*.

7. Основной проблемой современной России была цивилизационная бессубъектность, отказ в девятые годы от своего прошлого в надежде получить одобрение Запада.

8. Прошедшие десятилетия показали пагубность такой политики. Стратегической целью России является восстановление *цивилизационной субъектности*, формирование и продвижение *российского проекта мироустройства*, опирающегося на российский цивилизационный опыт. Лучшая защита — нападение, нужно предложить привлекательный для большинства народов образ будущего (*Мир-организм*), альтернативный западным проектам.

9. Тогда у России появится реальная историческая перспектива и реальные союзники. Но при этом России нужно будет преобразиться самой и устоять в условиях давления коллективного Запада. Национальные российские элиты и российский народ должны быть способны на такое преобразование.

Литература

1. Глазьев С. Ю. Чума XXI века: как избежать катастрофы и преодолеть кризис? («Коллекция Изборского клуба»). М. : Книжный мир, 2020.
2. Глазьев С. Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? («Коллекция Изборского клуба»). М. : Книжный мир, 2016.
3. Катасонов В. Ю. Читая Шваба. Инклюзивный капитализм и великая перезагрузка. Открытый заговор против человечества. М. : Книжный мир, 2021.
4. Малков С. Ю. Будущее Z-общества // Информационные войны. 2020. № 4 (56). С. 2–12.
5. Малков С. Ю. Размышления на тему: есть ли будущее у капитализма? // Информационные войны. 2021. № 4 (60). С. 41–49.
6. Малков С. Ю. Россия — государство-цивилизация // Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. Материалы Всеросс. науч.-обществ. конф., 19 сентября 2012 г., Великий Новгород. М. : Научный эксперт, 2013. С. 700–711.
7. Малков С. Ю. Социальная самоорганизация и исторический процесс: возможности математического моделирования. М. : Либроком, 2009.
8. Малков С. Ю., Андреев А. И., Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков А. С. Россия в контексте мировой динамики: моделирование и прогноз. М. : Московская редакция издательства «Учитель», 2016.
9. Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики. М. : Наука, 2014.
10. Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Моделирование и прогнозирование мировой динамики / Научный совет по программе фонд. иссл. Президиума Российской академии наук «Экономика и социология знания». М. : ИСПИ РАН, 2012.
11. Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю., Соколов В. Н. Анализ и моделирование мировой и страновой динамики. М. : ЛЕНАНД, 2017.
12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.
13. Jorgen Randers, Johan Rockström, Per Espen Stoknes [et al.]. Transformation is Feasible — How to Achieve the Sustainable Development Goals within Planetary Boundaries [Electronic resource]. A Report to the Club of Rome from Stockholm Resilience Centre and BI Norwegian Business School, 2018. URL: <https://www.clubofrome.org/publication/transformation-is-feasible/> (accessed: 10.11.2022).

Об авторе:

Малков Сергей Юрьевич, доктор технических наук, профессор, научный руководитель Центра долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования МГУ им. М. В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН (Москва, Российская Федерация);
e-mail: s@malkov.org; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9654-1439>

References

1. Glazyev S. Yu. Economics of the Future. Does Russia Have a Chance? ("Collection of the Izborsky club"). Moscow : Knizhny Mir, 2016. (In Rus.)
2. Glazyev S. Yu. Plague of the XXI Century: How to Avoid a Catastrophe and Overcome a Crisis? ("Collection of the Izborsky Club"). Moscow : Knizhny Mir, 2020. (In Rus.)
3. Katasonov V. Yu. Reading Schwab. Inclusive Capitalism and the Great Reset. An Open Conspiracy Against Humanity. Moscow : Knizhny Mir, 2021. (In Rus.)
4. Malkov S. Yu. Future Z-society. *Information Wars* [Informatsionnyye voyny]. 2020; (4): 2–12. (In Rus.)
5. Malkov S. Yu. Reflections on the Topic: Does Capitalism Have a Future? *Information Wars* [Informatsionnyye voyny]. 2021; (4): 41–49. (In Rus.)
6. Malkov S. Yu. Russia Is a State-civilization. Russian Statehood: Historical Traditions and Challenges of the XXI Century. Proceedings of the All-Russian Scientific and Public Conference, September 19, 2012, Veliky Novgorod. Moscow : Scientific Expert, 2013: 700–711. (In Rus.)
7. Malkov S. Yu. Social Self-organization and Historical Process: The Possibilities of Mathematical Modeling. Moscow : Librokom, 2009. (In Rus.)
8. Malkov S. Yu., Andreev A. I., Grinin L. E., Korotaev A. V., Malkov A. S. Russia in the Context of World Dynamics: Modeling and Forecasting. Moscow : Moscow edition of the publishing house "Teacher", 2016. (In Rus.)
9. Sadovnichy V. A., Akaev A. A., Korotaev A. V., Malkov S. Yu. Complex Modeling and Forecasting of the Development of the BRICS Countries in the Context of World Dynamics. Moscow : Nauka, 2014. (In Rus.)
10. Sadovnichy V. A., Akaev A. A., Korotaev A. V., Malkov S. Yu. Research Presidium of the Russian Academy of Sciences "Economics and Sociology of Knowledge". Moscow : ISPI RAN, 2012. (In Rus.)
11. Sadovnichy V. A., Akaev A. A., Korotaev A. V., Malkov S. Yu., Sokolov V. N. Analysis and Modeling of World and Country Dynamics. Moscow : LENAND, 2017. (In Rus.)
12. Huntington S. Clash of Civilizations. Moscow : AST, 2003. (In Rus.)
13. Jorgen Randers, Johan Rockström, Per Espen Stoknes [et al.]. Transformation is Feasible — How to Achieve the Sustainable Development Goals within Planetary Boundaries [Electronic resource]. A Report to the Club of Rome from Stockholm Resilience Centre and BI Norwegian Business School, 2018. URL: <https://www.clubofrome.org/publication/transformation-is-feasible/> (accessed: 10.11.2022).

About the author:

Sergey Yu. Malkov, Doctor of Technical Sciences, Professor, Scientific Director of the Center for Long-term Forecasting and Strategic Planning of Lomonosov Moscow State University, Leading Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation);
e-mail: s@malkov.org; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9654-1439>

К вопросу о стратегии формирования трансрегионального интеграционного контура ЕАЭС

Горбунова М. Л.^{*}, Комаров И. Д., Белашченко Д. А.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация

^{*} e-mail: gorbunova@iee.unn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2733-568X>

РЕФЕРАТ

В условиях нестабильности и неопределенности современной системы международных отношений актуализируется роль новых и неангажированных платформ взаимодействия и сотрудничества, одной из которых является ЕАЭС. Система партнерских связей и сотрудничества государств — участников ЕАЭС со странами второго — трансрегионального — контура интеграции определяется как составляющая потенциальной конфигурации системы международных отношений.

Цель. Оценить общие перспективы формирования зоны (кластера) в рамках трансрегиональной экспансии ЕАЭС на уровне второго контура — за пределами СНГ.

Задачи. Дать оценку динамике консолидированности существующих соглашений о свободной торговли ЕАЭС с Сербией, Ираном, Вьетнамом и Сингапуром, а также оценить консолидированность соглашений, которые должны быть заключены в соответствии со стратегическими направлениями евразийской интеграции, кроме того, заключения ЕАЭС соглашений о либерализации торговли с иными крупными развивающимися государствами.

Методология. Авторы используют в качестве метрики добавочную консолидированность, рассчитываемую как разницу между долей внутристрановой торговли в рамках сформированной или потенциальной зоны свободной торговли ЕАЭС и каждого государства-партнера и долей внутренней торговли самого интеграционного объединения.

Результаты. На основе оценки добавочной консолидированности установлено, что среди уже заключенных соглашений зоны свободной торговли ЕАЭС с Ираном и Вьетнамом являются результативными, а торговая интеграция с Сербией, Сингапуром и КНР — неэффективна. Выявлено наличие добавочной консолидированности при реализации соглашений о либерализации торговли с Турцией, Египтом, Бангладеш.

Выводы. Реализация второго контура интеграции является важным направлением развития интеграции Евразийского экономического союза. Однако торговые партнерства имеют разную торговую эффективность.

Ключевые слова: система международных отношений, интеграция, взаимная торговля, консолидированность, ЕАЭС, трансрегиональная интеграция, региональные торговые соглашения, стратегия ЕАЭС

Для цитирования: Горбунова М. Л., Комаров И. Д., Белашченко Д. А. К вопросу о стратегии формирования трансрегионального интеграционного контура ЕАЭС. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2022;16(4): 26-42. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-26-42>

On the Issue of the Strategy for the Formation of the Trans-regional Integration Contour of the EAEU

Maria L. Gorbunova^{*}, Igor D. Komarov, Dmitry A. Belashchenko

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

^{*} e-mail: gorbunova@iee.unn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2733-568X>

ABSTRACT

The instability and uncertainty of international relations accentuate the role of new and inclusive platforms of interaction and cooperation. Eurasian Economic Union (EEU) alongside its regional and transregional partners represent an example of such a platform based on new principles and values, an element of international relation configuration.

Aim. Assess the prospects for a zone (cluster) within the planned and potential transregional EEU's expansion beyond the CIS borders.

Task. To evaluate the dynamics of the consolidation concerning, first, current free trade EEU agreements (FTAs or the EEU FTAs) with Serbia, Iran, Vietnam and Singapore, second, potential agreements with listed in the EEU official strategy, third, other developing states with relevant economic and/or demographic potential.

Methods. The authors use additional consolidation (share of intra-bloc trade) as a metric. It is calculated as the difference between the share of EEU intra-trade and within the existing or potential EEU FTA partnerships.

Results. Based on the assessment of additional consolidation, the research revealed that the existing EEU FTAs with Iran and Vietnam are effective, while trade integration with Serbia, Singapore and China are ineffective. The presence of additional consolidation was revealed for Turkey, Egypt, and Bangladesh.

Conclusions. The implementation of the transregional integration track is an important development step for the Eurasian Economic Union. However, trade partnerships have different trade efficiency.

Keywords: international relations, integration, mutual trade, consolidation, Eurasian Economic Union (EEU), transregional integration, regional trade agreements, EEU strategy

For citing: Gorbunova M. L., Komarov I. D., Belashchenko D. A. On the Issue of the Strategy for the Formation of the Trans-regional Integration Contour of the EAEU. *Eurasian Integration: Economic, Law, Politics*. 2022;16(4): 26-42. (In Rus.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-26-42>

Введение

ЕАЭС, договор о создании которого был подписан в 2014 г., формирует институциональное ядро более широкого и долгосрочного евразийского интеграционного проекта, развивающегося на пространстве бывшего СССР с самого момента его распада. По мнению западных наблюдателей, данная инициатива является проектом В. В. Путина [15] и отражает стремление Российской Федерации к региональной гегемонии [18]. Развивая интеграцию на постсоветском пространстве, Российская Федерация формирует для государств — членов ЕАЭС и СНГ благоприятную торгово-инвестиционную среду, при этом рынки ЕАЭС и СНГ не имеют для России ключевого значения — ключевыми экономическими партнерами страны является ЕС и КНР [4].

В последнее время интеграционные инициативы ЕАЭС выходят за пределы постсоветского пространства — союз заключил соглашения о свободе торговли с Вьетнамом, Ираном, Сингапуром, исторически первое соглашение с Сербией было перенесено с уровня государств-членов на уровень объединения. В периметр политического и экономического сотрудничества объединения вовлекаются государства, являющиеся активно развивающимися полюсами роста или как минимум участниками интеграционных проектов, которые аналогичным образом воспринимают РФ и ее партнеров. Интеграционная привлекательность российского рынка, тесно связанная с его масштабами, служит драйвером для развития партнерства с аналогичными по характеристикам экономиками.

Именно поэтому Москва ориентирована на формирование дополнительного (второго) контура интеграции [3]. Авторы полагают, что в отличие от вопросов интеграции в рамках ЕАЭС и СНГ развитие взаимодействия ЕАЭС с третьими странами изучено недостаточно. А с учетом того, что тематика формирования, развития и экспансии ЕАЭС избыточно политизирована, авторы намерены оценить не только политический, но и экономический потенциал трансрегиональных проектов ЕАЭС.

Для оценки перспективности интеграции ЕАЭС во втором контуре авторы на основе анализа торговой статистики планируют оценить состоятельность развития партнерства с государствами, не входящими в состав СНГ, как в целом, так и по отдельным ключевым направлениям, связанным с безопасностью (поставки вооружений, продовольствия и энергоносителей) и способным стать драйверами интеграции, таким образом происходит формирование зон (кластеров) стабильности и благосостояния. Поставки вооружений осуществляются, главным образом, по государственной линии и являются прокси-переменной для оценки военно-политического сотрудничества, направленного на формирование условий безопасности и стабильности в периметре существующих или потенциальных соглашений с третьими государствами. Внешние поставки продовольствия содействуют социальной стабильности, а поставки энергоносителей влияют на экономический рост — таким образом процессы торговой либерализации могут оказывать положительное влияние на продовольственную, энергетическую и традиционную — военную-политическую — безопасность.

Несмотря на то, что внешняя торговля не единственная форма международных экономических отношений между странами, именно она зачастую определяет динамику инвестиционных, миграционных и валютных потоков. В сравнении с инвестиционными и миграционными потоками торговля более стабильна, а кроме того, превосходит инвестиционные потоки по величине. Интеграционные процессы начинаются с гармонизации торговли товарами и услугами, а экономические интересы, затрагиваемые торговой либерализацией, настолько существенны, что подавляющему большинству объединений пока не хватает политической координации для завершения строительства зон свободной торговли.

Анализ рассматриваемых в исследовании данных внешнеторговой статистики позволяет сделать вывод о целесообразности подключения государств, находящихся за пределами СНГ, к ЕАЭС как интеграционному проекту в целом и о его возможных ведущих (ключевых) векторах: продовольственном, энергетическом или военно-политическом.

Цели, задачи и текущие результаты евразийской интеграции

Евразийская интеграция имеет приоритетное значение в рамках внешнеполитической и внешнеэкономической экспансии Российской Федерации. В. В. Путин в ежегодном послании Федеральному Собранию РФ 2021 г. отметил: «Наши общие проекты в рамках Евразийского экономического союза нацелены на то, чтобы обеспечить рост экономики и благосостояния граждан <...> Российские идеи этого широкого открытого объединения уже осуществляются на практике, в том числе за счет сопряжения с другими интеграционными процессами. Все это не умозрительные геополитические построения, а сугубо прикладные инструменты решения задач национального развития»¹.

Евразийский экономический союз является одной из самых высокоразвитых интеграционных группировок с институциональной точки зрения (де-факто формирование Таможенного союза завершено полностью — достигнута свобода передвижения товаров и услуг, можно переходить к решению задач формирования общего рынка капиталов и рабочей силы, достижения валютно-финансовой интеграции) [2].

А.-С. Гаст [14] отмечает, что среди всех многочисленных региональных организаций, возникших на территории бывшего СССР, только государства — члены ЕАЭС отказались от суверенитета во внешней торговле, стремясь к обеспечению политической и экономической стабильности. Далее Гаст [Там же] делает вывод о том, что Россия заинтересована в стабильности и готова к компромиссам и поддержке других государств-членов, поскольку это позволяет ей сохранить континентальный баланс в присутствии ЕС и КНР.

В большинстве исследований ЕАЭС мотивы его создания и устойчивость анализируются с политической и /или экономической точек зрения [1; 24]. Внешнеполитическая составляющая определяется необходимостью обеспечения роста влияния ЕАЭС и макрорегиона его принадлежности на мировой арене, а также стремлением Российской Федерации укрепить свое присутствие в Центральной Азии [17; 21],

¹ Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Kremlin.ru, 21.04.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65418> (дата обращения: 21.04.2021).

в том числе из-за необходимости противодействия конкуренции со стороны других государств и их проектов взаимодействия [23].

Экономическая составляющая функционирования и развития ЕАЭС определяется собственно интеграционными целями союза и предусматривает формирование общего пространства для частного бизнеса, а также реализацию общих инфраструктурных и иных межправительственных проектов в условиях разноуровневого потенциала стран-участниц, приводящего к возникновению противоречий в сфере регулирования хозяйственных, в первую очередь торговых, процессов [11].

К. Киркхам [18], рассуждая в неограмшианском ключе, объединяет в своем анализе политический и экономический векторы и рассматривает ЕАЭС как проект, в рамках которого Российская Федерация реализует свою региональную гегемонию и обеспечивает институциональное развитие, материальные условия и безопасность союза и стремится к культурному доминированию. Автор ограничивает рамки эффективности ЕАЭС пределами постсоветского пространства. Вместе с тем, по его мнению, Москва успешно завершит процесс формирования единого экономического пространства в рамках ближнего зарубежья. Р. Драгнева и К. А. Хартвелл в сходном междисциплинарном — политико-экономическом — исследовании делают вывод о том, что ЕАЭС скорее геополитический, чем экономический процесс, который пока не обладает достаточной институциональной устойчивостью, чтобы соответствовать своим заявленным целям [12; 13]. Действительно, экономическая консолидированность ЕАЭС пока не достигает достаточного уровня — как показало исследование М. Л. Горбуновой и И. Д. Комарова [16], методологически опирающееся на показатель консолидированности (связности), использованный в работе Л. З. Зевина 2016 г. [5].

Рассуждая о перспективах ЕАЭС, М. Голам и М. Моновар [15] предлагают три сценария дальнейшего развития ЕАЭС:

- инерционное, поступательное развитие без резких действий и скачков;
- территориальное расширение объединения за счет государств СНГ и более тесная интеграция участников;
- поглощение китайским интеграционным проектом.

Однако в настоящее время ЕАЭС в русле общемировых тенденций ведет активную интеграцию на уровне объединения, формируя зоны свободной торговли трансрегионального типа [16; 20]. Р. Драгнева и К. А. Хартвелл отмечают, что создание ЕАЭС как международной организации имело прорывной характер, так как обеспечило союзу возможность заключать соглашения от своего имени [13].

Министр по интеграции макроэкономики Евразийской экономической комиссии — ведущего органа исполнительной власти ЕАЭС — С. Ю. Глазьев [3, с. 285] прямо говорит о том, что расширение процесса евразийской интеграция осуществляется по двум контурам: «Первый — внутренний, ассоциирующийся с присоединением новых государств к его “ядру” — ЕАЭС. Второй — внешний, завязанный на выстраивание сети зон свободной торговли и соглашений о преференциальных режимах торгово-экономического сотрудничества с другими государствами». Во второй периметр политического и экономического сотрудничества ЕАЭС в настоящее время вошли Сербия (соглашение на уровне государств-членов — 1999 г., соглашение ЕАЭС — 2019 г.), Вьетнам (соглашение 2015 г.), Иран (соглашение 2018 г.), Сингапур (2019 г.) и Китай (2018 г.) — с первыми четырьмя государствами заключены соглашения о свободе торговли, с Китаем — соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, не предусматривающее торговых преференций¹.

Логика трансрегионального сотрудничества ЕАЭС определяется тем, что, во-первых, Российская Федерация активна в формате БРИКС, во-вторых, существенную роль в ее политике играют диалоги с АСЕАН и государствами Африки, в-третьих, на уровне ЕАЭС завершен этап формирования Таможенного союза государств-членов — таким образом достигнута полная унификация внешнеторговых отношений в отношении остального мира, ЕАЭС в сотрудничестве с третьими странами может переходить к формату интег-

¹ Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [Электронный ресурс] // Правовой портал Евразийского экономического союза. 11.12.2020. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12 (дата обращения: 02.06.2021).

рации интеграций. Данная идея нашла отражение в работах Я. Д. Лисоволика и Е. Ю. Винокурова [6; 22], которые предлагают и методологически обосновывают развитие формата «интеграция интеграций» на платформе БРИКС, так как каждое из государств-участников является не только ведущей экономикой — драйвером роста — своего континента или субрегиона, что подкреплено институционально ведущей ролью в одном или нескольких интеграционных проектах. В рамках развития данной гипотезы возможно формирование разнообразных и гибких режимов сотрудничества, выходящих за рамки либерализации торговли: непосредственное взаимодействие государств, представляющих разные континенты (Евразию, Африку и Южную Америку), ведет к формированию платформы для укрепления региональных и двусторонних альянсов и объединения региональных интеграционных блоков с участием «стран БРИКС+» [6]. Иными словами, ЕАЭС заинтересован во взаимодействии с государствами, представляющими своего рода «точки входа» в другие интеграционные объединения.

Трансрегиональные соглашения ЕАЭС получили первые оценки в научных исследованиях. Н. Федоров полагает, что соглашения ЕАЭС с Вьетнамом и Китаем являются своего рода экономическим отражением геополитических процессов, связанных с развитием разного рода стратегических партнерств в Азиатско-Тихоокеанском регионе в русле формирования многополярного мира [8]. В. М. Мазырин, руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН, анализируя первые итоги выполнения Соглашения о свободной торговле между Вьетнамом и ЕАЭС, выявил, что оно позитивно повлияло на динамику взаимной торговли, доведя товарооборот до 5,9 млрд долл. в 2017 г. и сделав перспективу достижения объема в 20 млрд долл. к 2020 г. вероятной при сохранении полученных темпов роста (37% в год). Больше всего вырос экспорт именно тех товаров, по которым обнулены ввозные таможенные пошлины. Россия достигла рекордного показателя в 5,2 млрд долл. США, оставаясь основным рынком Вьетнама в ЕАЭС (88% товарооборота). Особенностью последних двух лет стало преодоление провала 2014–2015 гг. импорта из Вьетнама, а также существенный рост экспорта из России продовольственных товаров в 2017–2018 гг. [7].

Несмотря на то, что представляется, что внешними мотивами соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Исламской Республикой Иран (имеющего де-факто форму преференциального торгового соглашения) являются политические [12], детальные результаты, представленные в работе А. Адарова и М. Гходси [10], свидетельствуют о том, что реализация соглашения способна увеличить взаимную торговлю для обеих сторон, при этом ожидается относительно большая выгода от экспорта ЕАЭС в Иран, который вырастет на 19,1%, в то время как экспорт из Ирана в ЕАЭС — на 7%. При этом основной прирост взаимной торговли будет получен в сфере сельского хозяйства — в торговле разными фруктами и овощами, а также в химической, текстильной, полимерной и в отдельных электрических и машиностроительных отраслях.

Как показывают результаты исследования М. Л. Горбуновой и И. Д. Комарова [19], взаимодействие ЕАЭС с Китаем и Индией не обладает достаточно синергией общего развития, что согласуется с гипотезой С. Крапола [20] о том, что развивающиеся страны в большей степени связаны с торговыми партнерами за пределами, а не внутри своих макрорегионов, что является одновременно и типичной чертой, и барьером для интеграционных процессов государств Глобального Юга (развивающегося мира).

Данные упоминавшегося выше исследования Р. Драгневой и К. А. Хартвелла [13] показывают, что с экономической точки зрения ни одно из государств, с которыми заключены соглашения о зонах свободной торговли, не является крупным торговым партнером для ЕАЭС или его государств-членов, при этом авторы отмечают подавляющий перевес России в торговле ЕАЭС с этими третьими странами. Авторам представляется, что именно поэтому другие государства-члены соглашаются с лидерством России в рамках общей интеграционной стратегии еще и потому, что их экономические интересы затронуты несущественно.

В соответствии со «Стратегическими направлениями развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» ЕАЭС предполагает заключить соглашения о свободной торговле с Арабской Республикой Египет, Индией и Государством Израиль¹.

¹ Торговые соглашения Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/Торговые-соглашения-ЕАЭС.aspx> (дата обращения: 02.06.2021).

Дискуссионным является вопрос о соглашении с Республикой Корея, слухи о заключении которого начались в 2017 г. В настоящий момент процесс тормозится в том числе из-за нежелания российских производителей улучшать условия допуска корейских товаров на рынок ЕАЭС [9].

В исследовании А. Ю. Кнобеля и других [19] оценивается потенциал влияния внешней интеграции ЕАЭС, авторы делают выводы о том, что для Российской Федерации, Армении и Беларуси перспективным является соглашение о свободной (преференциальной) торговле с Европейским союзом, для Казахстана — с КНР.

Обзор литературы по тематике исследования позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, представляется целесообразным, что ЕАЭС стремится вовлечь в свою орбиту средние по размерам государства, являющиеся активно развивающимися полюсами роста и центрами или как минимум участниками интеграционных проектов, которые аналогичным образом воспринимают РФ и ее партнеров.

Во-вторых, несмотря на кризисные явления, сопровождающие с начала украинского кризиса отношения РФ и «коллективного Запада», доминирующего в системе международных отношений, государства, с которыми ЕАЭС развивает активные отношения, являются в большинстве своем политически стабильными партнерами Москвы и не встают в оппозицию ее внешнеполитическим инициативам.

В-третьих, структура ЕАЭС, расширяя торгово-экономические связи с государствами, являющимися ведущими акторами удаленных макрорегионов, создает новые институциональные условия для остальных субъектов международных отношений рассматриваемого кластера. Формируемые таким образом институциональные условия могут рассматриваться как отправная точка решения существующих противоречий, являющихся наследием распада колониальной системы и мешающих справедливому и устойчивому развитию отдельных зон (кластеров) системы международных отношений.

В-четвертых, переводя на новый уровень отношения с Египтом, Израилем, Индией и другими региональными лидерами, ЕАЭС способствует замещению парадигмы однополярного мирового порядка в традиционных и перспективных зонах влияния США и, таким образом, продвигает концепцию многополярности.

В-пятых, представляется, что ЕАЭС, выстраивая многоуровневую систему межгосударственного взаимодействия, создает предпосылки роста благосостояния не только собственных государств-членов, но и других государств, вовлекаемых во взаимодействия, используя потенциал каждого из них для формирования условий устойчивого функционирования и развития архитектуры системы международных отношений.

Оценка ресурсных и поведенческих аспектов включенности центров силы в продовольственную, энергетическую и военно-политическую безопасности наиболее неустойчивых государств

Методология исследования. Работа основана на применении инструментария международной политической экономики к анализу международных отношений.

Четыре государства — Сербия, Вьетнам, Иран, Сингапур — с соглашениями о свободе торговли.

Китай — соглашение о сотрудничестве непреференциального типа.

Три государства, с которыми ведутся переговоры, — Египет, Израиль и Индия.

Выражали намерение сотрудничать с ЕАЭС — Индонезия, Пакистан, Чили, Южная Корея. Австралия, Аргентина, Бразилия, Нигерия, Саудовская Аравия, Турция, ЮАР — являются региональными центрами.

Авторы предлагают обратить дополнительное внимание на Бангладеш и Филиппины, как государства со значительной численностью населения, что определяет их рыночный потенциал.

Данные исследования. Авторы используют данные межгосударственной торговли продовольствием (Food — база данных интегрированной торговой статистики Всемирного банка WITS), продукцией топливно-энергетического комплекса (Fuel — база данных интегрированной торговой статистики

Всемирного банка WITS) и вооружениями (93-я группа Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (далее — ТН ВЭД) — база данных торговой статистики ООН UN Comtrade Database), для изучения добавочной консолидированности. При этом поставки продовольствия обеспечивают социальную стабильность, поставки энергоносителей дают возможности устойчивого роста, официальные поставки вооружений связаны, прежде всего, с сотрудничеством в военно-политической сфере.

Добавочная консолидированность между государствами ЕАЭС и выбранными партнерами будет рассчитываться как в целом, так и по отдельным товарным группам:

- продовольствие (Food — база данных интегрированной торговой статистики Всемирного банка WITS);
- топливо (Fuel — база данных интегрированной торговой статистики Всемирного банка WITS);
- оружие и боеприпасы; их части и принадлежности (93-я группа Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (далее — ТН ВЭД) — база данных торговой статистики ООН UN Comtrade Database).

Для оценки проектов трансрегиональной интеграции ЕАЭС авторы дополняют подход, использованный в работе Л. З. Зевина [5], опирающийся на измерение уровня добавочной консолидированности или связности (connectivity), измеряемой как разница отношений (долей) межстранового экспорта ЕАЭС с участием и без участия рассматриваемого государства торгового партнера к общему объему экспорта.

Сначала рассмотрим добавочную консолидированность существующих соглашений ЕАЭС с третьими государствами (за пределами СНГ). Наиболее ранним соглашением о свободной торговле ЕАЭС является соглашение с Сербией, изначально заключенное еще на уровне отдельных государств — РФ, Беларусь, Казахстан, обновленное на уровне ЕАЭС в 2019 г.

На рисунке 1 добавочная общая и энергетическая консолидированность колеблется вокруг нулевых значений, продовольственная — отрицательная, военно-политическая консолидированность периодически заходит в положительную зону, что связано не только с тем, что страны мало сотрудничают в военно-политической сфере, а с более волатильным характером поставок вооружения по сравнению с поставками энергоносителей и продовольствия, опирающимися на стабильные и устойчивые потребности. Вместе с тем региональные и средние державы, балансируя между разными центрами силы, взаимодействуют с ними в рамках военно-политической консолидированности, закупая вооружения. Обращает на себя внимание то, что продовольственная консолидированность не является драйвером в отношениях ЕАЭС — Сербия и ее характер не поменялся после 2014 г., когда после введения контрсанкций в форме запрета импорта сельскохозяйственной продукции из ЕС, США и других западных стран доля сербского импорта на рынке РФ возросла.

На рисунке 2 отражены данные о добавочной консолидированности торговых отношений, возникающей при взаимодействии ЕАЭС с Вьетнамом. Соглашение с Вьетнамом подписано в 2018 г. — для ЕАЭС это первое трансрегиональное соглашение о зоне свободной торговли.

Показательно резкое улучшение — вплоть до выхода в положительную зону — показателей после 2018 г., в том числе за счет продовольствия. Добавочная энергетическая консолидированность колеблется около нуля, военно-политическая, как и в предыдущем случае, имеет размах вариаций значений добавочной консолидированности.

На рисунке 3 отражены данные о добавочной консолидированности торговых отношений, возникающей при взаимодействии ЕАЭС с Ираном, соглашение (ЗСТ) с Исламской Республикой подписано в 2019 г. По мнению наблюдателей, данное соглашение является наиболее политизированным, поскольку государство находится под санкциями, однако показатели добавочной консолидированности — одни из самых устойчивых и положительные как по общей, так и по продовольственной консолидации, так как именно в те годы, когда Иран не подавал данные, наблюдаются провалы добавочной консолидированности. Присутствует добавочная, волатильная консолидированность по поставкам вооружений, что характерно и для вышеперечисленных соглашений. Необходимо отметить, что на графике прослеживается сходство динамики консолидированности поставок продовольствия и вооружений. Поскольку Иран (ИРИ) находится под санкциями коллективного Запада в течение длительного времени, выход на

рынки ЕАЭС является инструментом сохранения и реализации потенциала ИРИ в системе мирового хозяйства. Таким образом, описанная ситуация характеризует высокое качество институционального развития ЕАЭС.

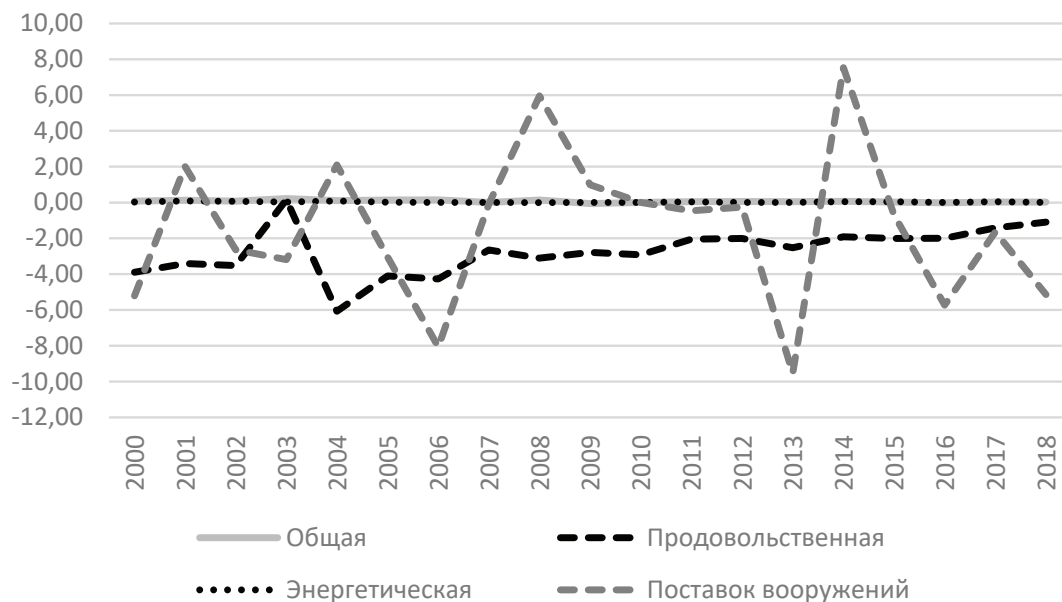

Рис. 1. Добавочная консолидированность торговых отношений ЕАЭС и Сербии, %

Fig. 1. Additional consolidation of trade relations between the EAEU and Serbia, %

Источник: Расчеты авторов по WITS и UN Comtrade Database

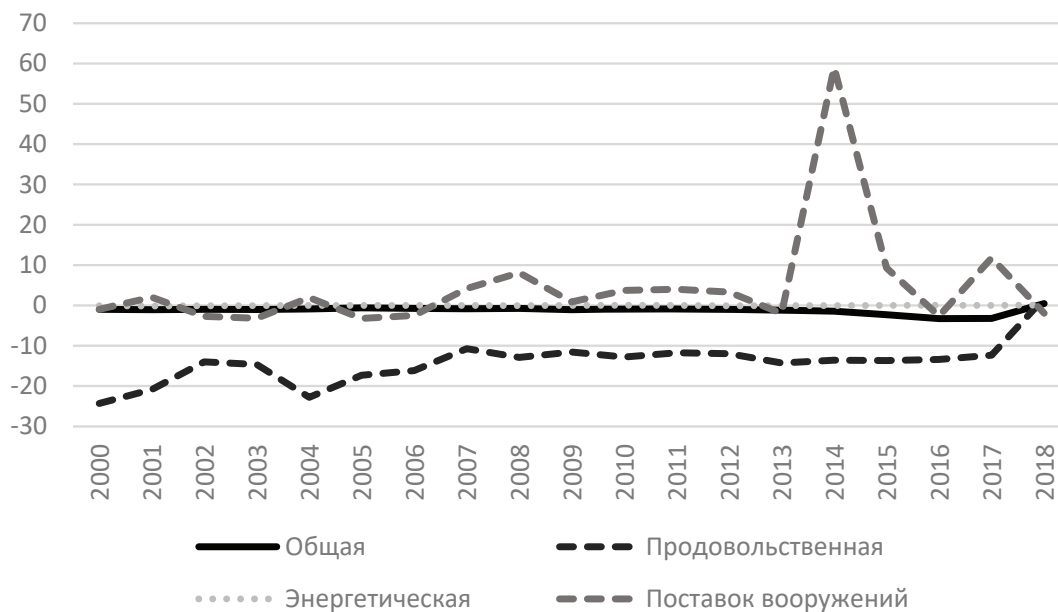

Рис. 2. Добавочная консолидированность торговых отношений ЕАЭС и Вьетнама, %

Fig. 2. Additional consolidation of trade relations between the EAEU and Vietnam, %

Источник: Расчеты авторов по WITS и UN Comtrade Database

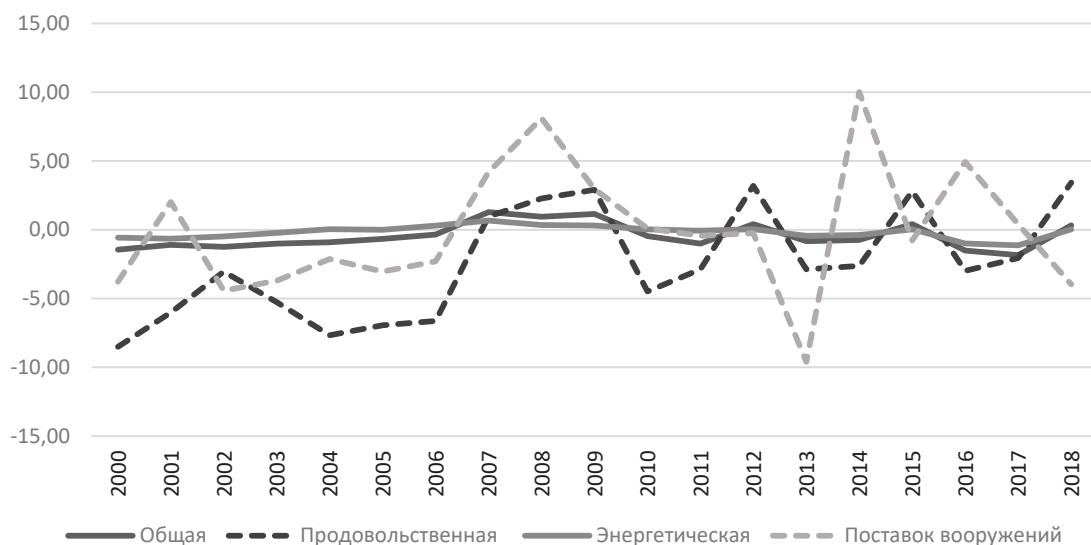

Рис. 3. Добавочная консолидированность торговых отношений ЕАЭС и Ирана, %

Fig. 3. Additional consolidation of trade relations between the EAEU and Iran, %

Источник: Расчеты авторов по WITS и UN Comtrade Database

На рисунке 4 отражены данные о добавочной консолидированности торговых отношений, возникающей при взаимодействии ЕАЭС с Сингапуром. ЕАЭС и Сингапур заключили два соглашения в 2019 г. — рамочное о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве и о свободной торговле.

Общая и продовольственная добавочная консолидированность отсутствует, энергетическая консолидированность минимально положительная, колебания военно-политической консолидированности меньше по модулю.

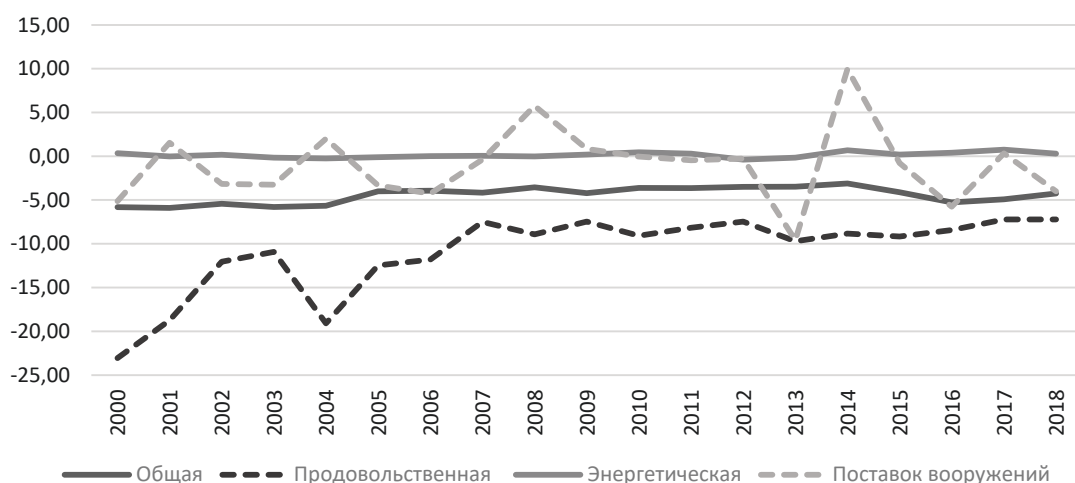

Рис. 4. Добавочная консолидированность торговых отношений ЕАЭС и Сингапура, %

Fig. 4. Additional consolidation of trade relations between the EAEU and Singapore, %

Источник: Расчеты авторов по WITS и UN Comtrade Database

На рисунке 5 отражена консолидированность ЕАЭС с КНР.

Китай в отношениях с ЕАЭС занимает отдельное место, определяемое тем фактом, что он — один из континентальных центров роста и ведущий торговый партнер для большинства государств ЕАЭС. Однако соглашение, заключенное в 2019 г., является торгово-экономическим, но не является соглашением о торговых преференциях. Эти обстоятельства оказывают влияние на показатели добавочной консолидированности: общая и продовольственная добавочная консолидированность находится в отрицательной зоне, военно-политическая колеблется с признаками затухания, в то время как энергетическая устойчиво растет.

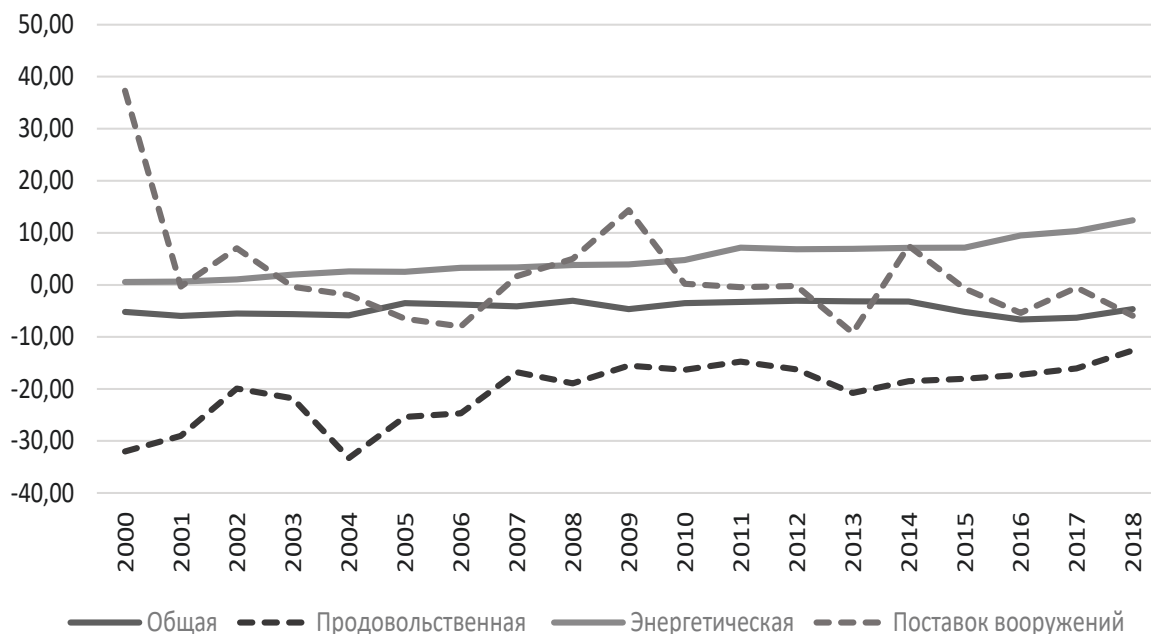

Рис. 5. Добавочная консолидированность торговых отношений ЕАЭС и КНР, %

Fig. 5. Additional consolidation of trade relations between the EAEU and China, %

Источник: Расчеты авторов по WITS и UN Comtrade Database

На рисунке 6 представлены данные о взаимодействии ЕАЭС и Египта. Военно-политическая консолидированность играет существенную роль, что отражает интересы РФ в регионе Ближнего Востока как гаранта и стейкхолдера безопасности. Общая консолидированность находится в положительной зоне, имеет тенденцию к возрастанию, продовольственная — существенная в большей степени в положительной зоне, но пилообразная, энергетическая находится на минимальных уровнях в положительной зоне. Представляется, что низкие показатели отражают недостаточную институциональную стабильность, связанную с инерцией нерешенных проблем безопасности после событий «Арабской весны». Кроме того, как и в случае с Ираном, на графике прослеживается сходство динамики консолидированности поставок продовольствия и вооружений.

На рисунке 7 отражен потенциал взаимодействия ЕАЭС с Государством Израиль. Государство расположено на Ближнем Востоке, поэтому в его отношениях с ЕАЭС до 2014 г. присутствовала военно-политическая консолидированность. Отрицательная динамика после 2014 г. связана с выходом Израиля из военного сотрудничества с ЕАЭС (в первую очередь с РФ). К концу рассматриваемого периода (2018 г.) достигнуто положительное значение продовольственной консолидированности, в то время как общая и энергетическая — в отрицательной зоне.

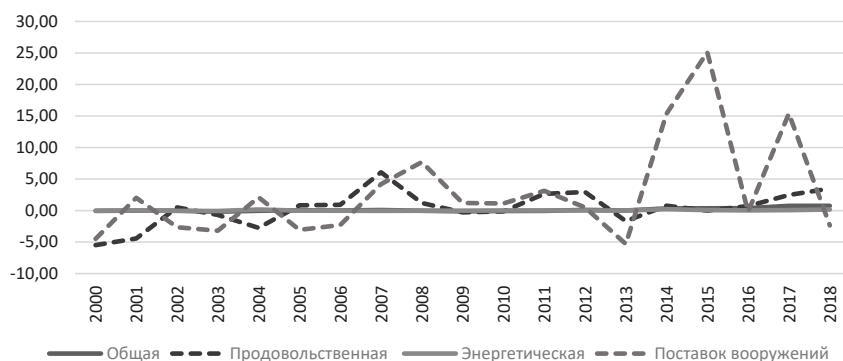

Рис. 6. Добавочная консолидированность торговых отношений ЕАЭС и Египта, %

Fig. 6. Additional consolidation of trade relations between the EAEU and Egypt, %

Источник: Расчеты авторов по WITS и UN Comtrade Database

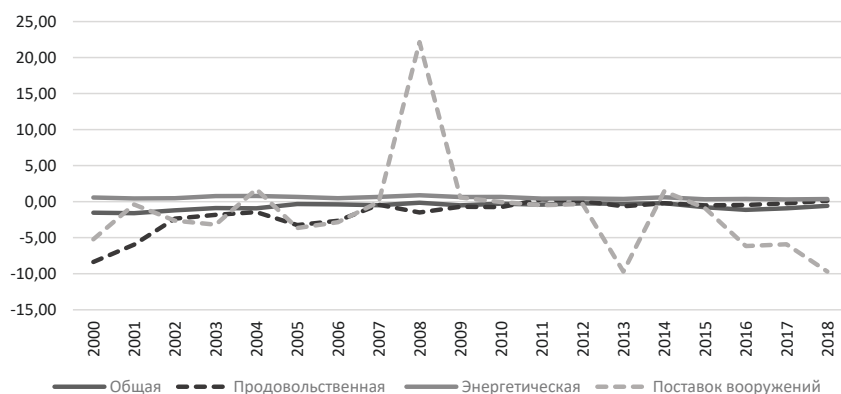

Рис. 7. Добавочная консолидированность торговых отношений ЕАЭС и Израиля, %

Fig. 7. Additional consolidation of trade relations between the EAEU and Israel, %

Источник: Расчеты авторов по WITS и UN Comtrade Database

На рисунке 8 представлен потенциал взаимодействия ЕАЭС с Индией, единственным драйвером которого является военно-политическое сотрудничество.

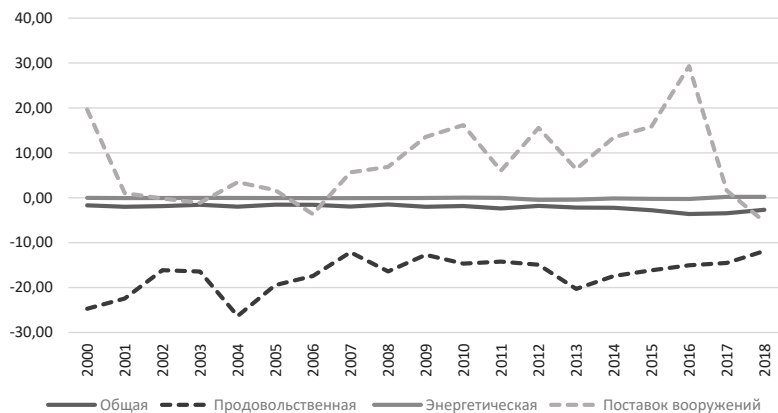

Рис. 8. Добавочная консолидированность торговых отношений ЕАЭС и Индии

Fig. 8. Additional consolidation of trade relations between the EAEU and India, %

Источник: Расчеты авторов по WITS и UN Comtrade Database

Оценка добавочной консолидированности в разрезе драйверов интеграции

Table. Incremental Consolidation in The Context Of Integration Drivers

Государство	Добавочная консолидированность			
	Общая	Военно-политическая (поставок вооружений)	Продовольственная	Энергетическая
<i>Азия</i>				
Республика Корея	Отрицательная	Волатильная, с положительными значениями, ни разу не выходила в плюс после 2014 г.	Отрицательная на грани перехода в положительную зону	Положительная с устойчивым ростом
Бангладеш	В большую часть периода наблюдений отрицательная, с 2016 г. положительная	Волатильная, с положительными значениями в 2001, 2004, 2008, 2014 гг., незначительно положительная — в 2017 г.	Положительная с 2016 г.	Околонулевые показатели
Индонезия	Стабильно отрицательная	Волатильная, с положительными значениями в 2001, 2004, 2008, 2014, 2017 гг.	Отрицательная	Отрицательная
Пакистан	Околонулевые показатели	Волатильная, с очень небольшими положительными значениями в 2001, 2004, 2017 гг., положительная — в 2008, 2014 гг.	Отрицательная	Околонулевые показатели
Саудовская Аравия	Отрицательная	Волатильная, с положительными значениями в 2001, 2004, 2008, 2014 гг., незначительно положительная — в 2017 г.	Пилообразная в отрицательном диапазоне	Отрицательная со значительным снижением в 2012 г.
Таиланд	Отсутствует	Волатильная, с положительными значениями в 2001, 2008, 2014 гг. и стремлением к нулю в 2017 г. после падения в отрицательной зоне	Отрицательная	Околонулевые показатели
Турция	Положительная с пиком в 2008 г., снижением к нулю в 2016 г. и последующим ростом	Волатильная, с положительными значениями с 2007 по 2012 гг. и с 2014 по 2015 гг.	Отрицательная, с тенденцией роста к нулю в 2018 г.	Положительная с медленным ростом
Филиппины	Отсутствует	Волатильная, с положительными значениями в 2001, 2004, 2008, 2014 гг. и стремлением к нулю в 2017 г. из отрицательного падения	Отрицательная	Околонулевые показатели
<i>Африка</i>				
ЮАР	Отсутствует	Волатильная, с положительными значениями в 2001, 2004, 2008, 2014 гг. и незначительно в 2017 г.	Отрицательная	Околонулевые показатели
Нигерия	Нестабильная в отрицательных значениях	Волатильная, с положительными значениями в 2001, 2004, 2008, 2014 гг. и незначительно в 2017 г.	Рост с 2015 г.	Околонулевые показатели
<i>Латинская Америка</i>				
Чили	Стабильная чуть ниже нуля	Спорадическая с плюсовыми пиками в 2001, 2004, 2008, 2014 гг. и незначительно в 2017 г.	Отрицательная	Около нуля, иногда заходила в плюс
Аргентина	Отсутствует	Спорадическая с плюсовыми пиками в 2001 г., стремлением к нулю в 2004 г. из отрицательного падения, положительные пики 2008, 2014 гг. и стремлением к нулю в 2017 г. из отрицательного падения	Отрицательная	Околонулевые показатели
Бразилия	Отсутствует	Отрицательная, с незначительной положительной характеристикой с 2008 по 2010 гг. и положительным пиком в 2014 г.	Отрицательная	Околонулевые показатели
<i>Австралия и Океания</i>				
Австралия	Отрицательная	Спорадическая с плюсовыми пиками в 2008, 2009, 2014 гг.	Отрицательная	Околонулевые показатели, есть заход в положительную зону

Источник: Составлено на основе расчетов авторов по UN Comtrade Database

Заключение

Исследование развивает тематику интеграции ЕАЭС в рамках второго, внешнего по отношению к СНГ, контура. Исследование позволило провести категорирование потенциальных трансрегиональных партнеров ЕАЭС. Стратегия второго контура направлена на укрепление позиций средних держав в региональных зонах (кластерах) безопасности, так как добавочная военно-политическая консолидированность выявлена во всех рассмотренных случаях. Волатильность данной консолидированности обусловлена колебаниями в поставках вооружений.

Авторы обратили внимание на всплески военно-политической консолидированности ЕАЭС с рассматриваемыми государствами в следующие годы: 2001, 2004, 2007–2008, 2012, 2014, 2017 гг., что может быть обусловлено тем, что:

1) в указанные годы наблюдались внутриполитические изменения (выборы, трансфер власти) в РФ; завершение внутренних и внешних военных и политических (знаковых) кампаний РФ (вторая чеченская кампания, пятидневная война, присоединение Крыма, сирийский кризис);

2) в некоторых случаях всплески военно-политической консолидированности могут быть обусловлены не столько стратегической линией преемственности внешней политики, сколько поддержанием формирующегося геополитического баланса;

3) означенные процессы могут рассматриваться международными партнерами как период потенциальной неоднозначности, нарушается преемственность двусторонних отношений многоуровневого сотрудничества по линии с ЕАЭС или изменение формата взаимодействия с ЕАЭС;

4) всплески военно-политической связанности обеспечивают (гарантируют) партнерам ЕАЭС преемственность достигнутых договоренностей по линии многостороннего формата сотрудничества и приверженность выработанной стратегии развития отношений с означенными акторами;

5) представляется, что колебания добавочной консолидированности, особенно военно-политической, напрямую связаны с проблемностью той или иной группы рассматриваемых факторов безопасности: чем ниже волатильность, тем меньше проблемность, и наоборот, чем больше размах вариаций, тем выше запрос на внешнее взаимодействие, в нашем случае с ЕАЭС;

6) поддержание транспарентного сотрудничества и геополитического баланса способствуют формированию зоны (кластера) стабильности и прозрачности по линии ЕАЭС и внешних акторов, что противопоставляется состоянию турбулентности и хаотизации действующей системы международных отношений.

ЕАЭС устанавливает сотрудничество с региональными лидерами по следующим причинам:

1) выстраиваемая многоуровневая система сотрудничества ЕАЭС с акторами международных отношений рассматривается как гибридная модель, являющаяся частью перспективной архитектуры международной системы с потенциалом решения застарелых проблем (узловых противоречий), в том числе с помощью подключения к будущему мировому хозяйствованию;

2) центры экономического роста являются неотъемлемой составляющей для выстраиваемой ЕАЭС системы сотрудничества и, как следствие, формирования зоны (кластера) стабильности и благосостояния. Наличие устойчивых институтов и платформ взаимодействия в современной системе международных отношений способствует ее устойчивости и последующим контролируемым изменениям (развитию);

3) региональные лидеры рассматриваются как «точки входа» на рынки удаленных зон (кластеров) с потенциалом дальнейшего расширения количества государств-партнеров и государств — участников ЕАЭС;

4) сотрудничество с ЕАЭС рассматривается государствами-партнерами как «точка входа» на один из самых емких рынков международных отношений — рынок государств — участников ЕАЭС. В свою очередь, государствами-партнерами и государствами — участниками ЕАЭС рассматривается как точка входа на емкий российский рынок.

ЕАЭС как организация с высоким институциональным потенциалом рассматривает государства-акторы современной системы международных отношений как потенциальных партнеров и участников. Эти

субъекты одновременно являются и объектами аналогичных действий и иных интеграционных объединений и трансрегиональных, трансконтинентальных проектов. При этом ЕАЭС позиционируется как организация готовая — институционально и организационно — к сотрудничеству с другими участниками системы международных отношений, а также их интеграционными и иными инициативами.

Россия, как лидер ЕАЭС, представляет собой особый центр силы, который, с одной стороны, обладает возможностью обеспечения традиционных типов безопасности: военно-политической, продовольственной и энергетической, с другой стороны, обладает высоким потенциалом развития ресурсов (мягкая сила) будущего в сферах, связанных с развитием человеческого капитала, — наука, образование и информационные технологии. В силу этого потенциал ЕАЭС может рассматриваться как инструмент воздействия на существующий и будущий баланс сил в зонах (кластерах), вовлеченных во второй контур интеграции, не только для поддержки потенциальных союзников, но и для взаимодействия с недружественными государствами и международными организациями для стабилизации мирового порядка.

Таким образом, в условиях нестабильных, напряженных и неопределенных отношений субъектов современной системы международных отношений роль новых и неангажированных платформ сотрудничества, взаимодействия и площадок обсуждения является актуальной. Некоторые действующие платформы и организации сотрудничества стали инструментом продвижения интересов конкретных акторов, не учитывая объективно интересы всех участников системы международных отношений.

Литература

1. Белащенко Д. А., Толкачев В. В., Шоджонов И. Ф. Евразийский экономический союз: перспективы и проблемы интеграции на постсоветском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 3. С. 543–559. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-543-559
2. Бордачев Т. В., Вишневский К. О., Глазатова М. К. и др. Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва, 9–12 апр. 2019 г. / отв. ред. Т. А. Мешкова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 2019. 123 с.
3. Глазьев С. Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М. : Книжный мир. 2019. 327 с.
4. Горбунова М. Л., Ливанова Е. Ю., Комаров И. Д. Перспективы формирования общего евразийского интеграционного пространства. Евразийский интеграционный проект: цивилизационная идентичность и глобальное позиционирование. Материалы Международного Байкальского форума / под научной редакцией Е. Р. Метелевой. Иркутск. 2018. С. 30–40.
5. Зевин Л. З. Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 8. С. 26–33.
6. Лисоволик Я. Д. БРИКС-плюс: альтернативная глобализация? // Валдайские записки. Июль, 2017. № 69. С. 3–11.
7. Мазырин В. М. Потенциал и проблемы развития отношений между Вьетнамом и РФ (Обзор материалов круглого стола в ИДВ РАН 30 августа 2018 г.) // Вьетнамские исследования. Серия 2. 2018. № 3. С. 83–90. DOI: 10.24411/2618-9453-2018-00009
8. Федоров Н. В. Соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом как фактор российско-вьетнамских отношений // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 1. С. 74–90. DOI: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2018-00006>
9. Юн С. М. Проект создания зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и Республикой Корея // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 56. С. 87–90. DOI: 10.17223/19988613/56/10
10. Adarov A., Ghodsi M. The Impact of the Eurasian Economic Union — Iran Preferential Trade Agreement on Mutual Trade at Aggregate and Sectoral Levels. Eurasian Economic Review. 2021. No. 11. P. 125-157. <https://doi.org/10.1007/s40822-020-00161-2>

11. Bayramov V., Breban D., Mukhtarov E. Economic Effects Estimation for the Eurasian Economic Union: Application of Regional Linear Regression // *Communist and Post-Communist Studies*. 2019. Vol. 52. No. 3. P. 209–225. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2019.07.001>
12. Dragneva R. The Eurasian Economic Union: Putin's Geopolitical Project (FPRI Research paper). Foreign Policy Research Institute. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2018/10/rpe-6-dragneva-final2.pdf> (дата обращения: 31.05.2021).
13. Dragneva R., Hartwell C. A. The Eurasian Economic Union: Integration without Liberalisation? // *Post-Communist Economies*. 2020. Vol. 33. No. 1. P. 200–221. <https://doi.org/10.1080/14631377.2020.1793586>
14. Gast A.-S. The Eurasian Economic Union — Keeping up with the EU and China // *Post-Communist Economies*. 2020. Vol. 33. No. 2–3. P. 175–199. <https://doi.org/10.1080/14631377.2020.1827200>
15. Golam M., Monowar M. Eurasian Economic Union: Evolution, Challenges and Possible Future Directions. *Journal of Eurasian Studies*. 2018. Vol. 9. No. 2. P. 163–172. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.05.001>
16. Gorbunova M. L., Komarov I. D. Emerging Integration Projects in Eurasia: A Search for New Cooperation Formats? // *Journal of Chinese Economic and Business Studies*. 2017. Vol. 15. No. 3. P. 229–247. <https://doi.org/10.1080/14765284.2017.1346924>
17. Hattori M. The Role of the Eurasian Economic Union in Trade and Industrial Policy of Russia. *Russian and East European Studies*. 2016. No. 45. P. 135–155. <https://doi.org/10.5823/jarees.2016.135>
18. Kirkham K. The Formation of the Eurasian Economic Union: How Successful is the Russian Regional Hegemony? // *Journal of Eurasian Studies*. 2016. Vol. 7. No. 2. P. 111–128. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2015.06.002>
19. Knobel A., Lipin A., Turdyeva N. [et al.] Deep Integration in the Eurasian Economic Union: What Are the Benefits of Successful Implementation or Wider Liberalisation? // *Eurasian Geography and Economics*. 2019. Vol. 60. No. 2. P. 177–210. <https://doi.org/10.1080/15387216.2019.1627232>
20. Krapohl S. Games Regional Actors Play: Dependency, Regionalism, and Integration Theory for the Global South // *Journal of International Relations and Development*. 2019. Vol. 23. No. 4. P. 840–870. <https://doi.org/10.1057/s41268-019-00178-4>
21. Libman A. Russian Power Politics and the Eurasian Economic Union: The Real and the Imagined // *Rising Powers Quarterly*. 2017. Vol. 2. No. 1. P. 81–103.
22. Lissovolik Y., Vinokurov E. Extending BRICS to BRICS+: The Potential for Development Finance, Connectivity and Financial Stability // *Area Development and Policy*. 2019. Vol. 4. No. 2. P. 117–133. <https://doi.org/10.1080/23792949.2018.1535246>
23. Pieper M. The linchpin of Eurasia: Kazakhstan and the Eurasian Economic Union between Russia's Defensive Regionalism and China's New Silk Roads // *International Politics*. 2020. No. 58. P. 462–482. <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00244-6>
24. Sergi B. S. Putin's and Russian-led Eurasian Economic Union: A Hybrid Half-Economics and Half-Political "Janus Bifrons" // *Journal of Eurasian Studies*. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 52–60. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.12.005>

Об авторах:

Мария Лавровна Горбунова, зав. кафедрой мировой экономики и таможенного дела Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент;
e-mail: gorbunova@iee.unn.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2733-568X>

Игорь Дмитриевич Комаров, специалист по организационной работе 2-й категории Информационно-аналитического отдела Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация), кандидат исторических наук;
e-mail: komarov@imomi.unn.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0348-0471>

Дмитрий Александрович Белашченко, доцент кафедры истории и теории международных отношений Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация), кандидат исторических наук;
e-mail: belashchenko@imomi.unn.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0692-3418>

References

1. Belashchenko D. A., Tolkachev V. V., Shodzhonov I. F. Eurasian Economic Union: Prospects and Problems of Integration in the Post-Soviet Space. *Bulletin of the RUDN*. [Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov]. Series: International Relations. 2020; 20 (3): 543–559. (In Rus.) DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-543-559
2. Bordachev T. V., Vishnevskii K. O., Glazatova M. K. [et al.] Eurasian Economic Integration: Development Prospects and Strategic Objectives for Russia: Report by XX Apr. Int. Scientific. Conf. on the Problems of Economic and Social Development. Moscow, April 9–12. Dec 2019. Ed. by Meshkova T. A., Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics. 2019. 123 p. (In Rus.)
3. Glazyev S. Yu. Spurt into the Future. Russia in New Technological and World Economic Structures. Moscow : Knizhnyi mir. 2019. 327 p. (In Rus.)
4. Gorbunova M. L., Livanova E. Yu., Komarov I. D. Prospects for the Formation of a Common Eurasian Integration Space. Eurasian Integration Project: Civilizational Identity and Global Positioning. Materials of the International Baikal Forum. Ed. by Meteleva E. R. Irkutsk. 2018. P. 30–40. (In Rus.)
5. Zevin L. Z. Megaregions in a Globalizing Economy. *World Economy and International Relations* [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2016; 60 (8): 26–33. (In Rus.)
6. Lisovolik Ya. D. BRICS Plus: Alternative Globalization? *Valdai Notes* [Valdaiskie zapiski]. Iyul', 2017; (69): 3–11. (In Rus.)
7. Mazyrin V. M. Potential and Problems of Development of Relations between Vietnam and the Russian Federation (Review of the Materials of the Round Table at IFES RAS on August 30, 2018). *The Russian Journal of Vietnamese Studies* [V'etnamskie issledovaniya]. Series 2. 2018; (3): 83–90. (In Rus.) DOI: 10.24411/2618-9453-2018-00009
8. Fedorov N. V. The Free Trade Agreement between the EAEU and Vietnam as a Factor of Russian-Vietnamese Relations. *Comparative Politics Russia* [Sravnitel'naya politika]. 2018; 9 (1): 74–90. (In Rus.) DOI: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2018-00006>
9. Yun S. M. The Eurasian Economic Union — South Korea Free Trade Area Project. *Tomsk State University Journal of History* [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya]. 2018; (56): 87–90. (In Rus.) DOI: 10.17223/19988613/56/10
10. Adarov A., Ghodsi M. The Impact of the Eurasian Economic Union — Iran Preferential Trade Agreement on Mutual Trade at Aggregate and Sectoral Levels. *Eurasian Economic Review*. 2021; (11): 125–157. doi.org/10.1007/s40822-020-00161-2
11. Bayramov V., Breban D., Mukhtarov E. Economic Effects Estimation for the Eurasian Economic Union: Application of Regional Linear Regression. *Communist and Post-Communist Studies*. 2019; 52 (3): 209–225. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2019.07.001>
12. Dragneva R. The Eurasian Economic Union: Putin's Geopolitical Project (FPRI Research paper). Foreign Policy Research Institute. 2018 [Electronic resource]. URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2018/10/rpe-6-dragneva-final2.pdf> (accessed: 31.05.2021).
13. Dragneva R., Hartwell C. A. The Eurasian Economic Union: Integration without Liberalisation? *Post-Communist Economies*. 2020; 33 (1): 200–221. <https://doi.org/10.1080/14631377.2020.1793586>
14. Gast A.-S. The Eurasian Economic Union — Keeping up with the EU and China. *Post-Communist Economies*. 2020; 33 (2–3): 175–199. <https://doi.org/10.1080/14631377.2020.1827200>
15. Golam M., Monowar M. Eurasian Economic Union: Evolution, Challenges and Possible Future Directions. *Journal of Eurasian Studies*. 2018; 9 (2): 163–172. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.05.001>

16. Gorbunova M. L., Komarov I. D. Emerging Integration Projects in Eurasia: A Search for New Cooperation Formats? *Journal of Chinese Economic and Business Studies*. 2017; 15 (3): 229–247. <https://doi.org/10.1080/14765284.2017.1346924>
17. Hattori M. The Role of the Eurasian Economic Union in Trade and Industrial Policy of Russia. *Russian and East European Studies*. 2016; (45): 135–155. <https://doi.org/10.5823/jarees.2016.135>
18. Kirkham K. The Formation of the Eurasian Economic Union: How Successful is the Russian Regional Hegemony? *Journal of Eurasian Studies*. 2016; 7 (2): 111–128. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2015.06.002>
19. Knobel A., Lipin A., Turdyeva N. [et al.] Deep Integration in the Eurasian Economic Union: What Are the Benefits of Successful Implementation or Wider Liberalisation? *Eurasian Geography and Economics*. 2019; 60 (2): 177–210. <https://doi.org/10.1080/15387216.2019.1627232>
20. Krapohl S. Games Regional Actors Play: Dependency, Regionalism, and Integration Theory for the Global South. *Journal of International Relations and Development*. 2019; 23 (4): 840–870. <https://doi.org/10.1057/s41268-019-00178-4>
21. Libman A. Russian Power Politics and the Eurasian Economic Union: The Real and the Imagined. *Rising Powers Quarterly*. 2017; 2 (1): 81–103.
22. Lissovnikov Ya., Vinokurov E. Extending BRICS to BRICS+: The Potential for Development Finance, Connectivity and Financial Stability. *Area Development and Policy*. 2019; 4 (2): 117–133. <https://doi.org/10.1080/23792949.2018.1535246>
23. Pieper M. The Linchpin of Eurasia: Kazakhstan and the Eurasian Economic Union between Russia's Defensive Regionalism and China's New Silk Roads. *International Politics*. 2020; (58): 462–482. <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00244-6>
24. Sergi B. S. Putin's and Russian-led Eurasian Economic Union: A Hybrid Half-Economics and Half-Political "Janus Bifrons". *Journal of Eurasian Studies*. 2018; 9 (1): 52–60. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.12.005>

About the authors:

Maria L. Gorbunova, Head of the Department of World Economy and Customs Affairs of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation), Doctor of Science (Economy), Associate Professor;
e-mail: gorbunova@iee.unn.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2733-568X>

Igor D. Komarov, Specialist in Organizational Work of the 2nd category of the Information and Analytical Department, Institute of International Relations and World History of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation), PhD in History;
e-mail: komarov@imomi.unn.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0348-0471>

Dmitry A. Belashchenko, Associate Professor of the Department of History and Theory of International Relations of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation), PhD in History;
e-mail: belashchenko@imomi.unn.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0692-3418>

Фармацевтический рынок ЕАЭС: тенденции и перспективы развития

Ворона А. А.^{1, *}, Губина М. А.²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-Западный институт управления), Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: anastasiya_o@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7601-2671>

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0672-8097>

РЕФЕРАТ

В современных условиях международная интеграция в фармацевтической отрасли становится необходимым условием развития индустрии. При этом совершенствование медицинской науки и техники определяется применением инновационных технологий, которые преобладают на рынке лекарственных средств. Все это определяет актуальность исследования. В последние годы фармацевтическая индустрия сталкивается с серьезными вызовами: сначала это была пандемия COVID-19, которая потребовала существенной мобилизации всех научных и производственных ресурсов, оперативной перестройки многих процессов, расширения инструментов взаимодействия и партнерства на всех уровнях, изменений в регуляторной среде, затем были приняты экономические ограничительные меры против России, которые хотя и не затронули лекарственное обеспечение, но создали немалые логистические трудности для производителей препаратов и породили определенные волнения среди потребителей лекарств.

Цель. Дать оценку фармацевтического рынка ЕАЭС, определить возникающие проблемы и наметить пути их решения.

Задачи. Рассмотреть емкость фармацевтического рынка ЕАЭС; определить проблемы, возникающие на рынке фармацевтической продукции ЕАЭС; определить перспективы развития фармацевтического рынка ЕАЭС.

Методология. Основана на статистическом анализе данных и обобщении полученных результатов для целей сравнения.

Результаты. Проведено исследование тенденций фармацевтического рынка, в результате чего сделаны обобщающие выводы; определены проблемы, с которыми сталкивается рынок под влиянием факторов неопределенности и риска; предприняты попытки определить перспективные направления для развития фармацевтического рынка ЕАЭС.

Выводы. Проведенное исследование позволяет определить проблемные вопросы в развитии фармацевтического рынка ЕАЭС и наметить пути их устранения.

Ключевые слова: лекарства, медицинские изделия, фармацевтическая продукция, Евразийский экономический союз, экономическая интеграция

Для цитирования: Ворона А. А., Губина М. А. Фармацевтический рынок ЕАЭС: тенденции и перспективы развития. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2022;16(4): 43-54.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-43-54>.

Pharmaceutical Market of the EAEU: Trends and Prospects of Development

Anastasiya A. Vorona^{a, *}, Maryana A. Gubina^b

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: anastasiya_o@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7601-2671>

^b St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0672-8097>

ABSTRACT

In modern conditions, international integration in the pharmaceutical industry is becoming a necessary condition for the development of the industry. At the same time, the improvement of medical science and technology is determined by the use of innovative technologies that prevail in the market of medicines. All this determines the relevance of the study. In recent years, the pharmaceutical industry has faced serious challenges: first it was the COVID-19 pandemic, which required a significant mobilization of all scientific and production resources, operational restructuring of many processes, expansion of tools for interaction and partnership at all levels, changes in the regulatory environment, then economic restrictive measures were taken against Russia, which, although not affected drug provision, but they created considerable logistical difficulties for drug manufacturers and generated certain unrest among drug consumers.

Aim. To assess the pharmaceutical market of the EAEU, identify emerging problems and outline ways to solve them.

Tasks. Consider the capacity of the pharmaceutical market of the EAEU; identify problems arising in the pharmaceutical market of the EAEU; to determine the prospects for the development of the pharmaceutical market of the EAEU.

Methods. Statistical analysis of data and synthesis of the results obtained for comparison purposes.

Results. A study of trends in the pharmaceutical market was conducted, as a result of which generalizing conclusions were made; problems faced by the market under the influence of uncertainty and risk factors were identified; attempts were made to identify promising directions for the development of the pharmaceutical market of the EAEU.

Conclusion. The conducted research makes it possible to identify problematic issues in the development of the pharmaceutical market of the EAEU and outline ways to eliminate them.

Keywords: drugs, pharmaceutical, medical industry, Eurasian Economic Union, economic integration

For citing: Vorona A. A., Gubina M. A. Pharmaceutical Market of the EAEU: Trends and Prospects of Development. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2022;16(4): 43-54. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-43-54>

Введение

В современных условиях интеграционные объединения играют важную роль для развития экономик стран. Так, например, Евразийский экономический союз (ЕАЭС) представляет собой интеграционную группировку, вторую в мире по глубине интеграционных связей между ее участниками после Европейского союза. С 01.01.2017 началась новая фаза интеграции в ЕАЭС — создание общих рынков. Если в ЕС общий рынок насчитывает 448 млн чел., то в ЕАЭС формируются рынки для 180 млн чел. Все это свидетельствует о перспективах во внешней и взаимной торговле стран — участниц Союза. Особенно стоит выделить фармацевтический рынок, поскольку одной из стратегических целей для ЕАЭС становится создание общего рынка, на котором будут созданы качественные и безопасные лекарственные препараты, что, безусловно, позволит повысить конкурентные преимущества фармацевтической продукции, производимой на территории Союза. Все это создаст предпосылки выхода создаваемой продукции на международный рынок.

Тема исследования является актуальной, это обуславливает интерес к ней со стороны ученых — теоретиков и практиков. Среди трудов зарубежных авторов отдельно стоит выделить исследование М. Tannoury и Z. Attieh, посвященное *pharmerging markets* (динамично развивающимся фармацевтическим рынкам), текущим тенденциям их развития и будущим перспективам [15]. Н. Nozari и А. Szmelter опубликовали монографию, где выявлены различные сценарии и возможности развивающихся стран встраиваться в глобальные цепочки добавленной стоимости в фармотрасли [14].

Стоит отметить, что тема развития российского фармацевтического рынка и отрасли раскрыта в многочисленных публикациях российских ученых. Можно выделить несколько трудов на указанную тематику.

ку, которые были опубликованы за последние шесть лет. В частности, А. В. Евстратов опубликовал две обширные монографии [4; 5], посвященные генезису мирового фармацевтического рынка, органичной частью которого является российский рынок. Автор выявил главные проблемы, с которыми сталкивается российская фармацевтическая отрасль: бюрократия, недостаток квалифицированных специалистов и недоступность дешевого финансирования и др. Эти факторы сдерживают развитие российских предприятий данной отрасли, ведут к изменению потенциалов предприятий в конкуренции между отдельными странами и т. д. З. А. Мамедьяров имеет целый ряд публикаций в авторитетных изданиях, а также монографию (ИМЭМО РАН) [9], в которой освещена роль и специфика фармацевтических инноваций в научно-технологическом и экономическом развитии стран. Автор доказал, что на современном этапе мы можем наблюдать структурные сдвиги на мировом фармрынке, вызванные слияниями и поглощениями фармацевтических ТНК и возрастающей роли аутсорсинга ввиду его экономической привлекательности в новых условиях. Развивающиеся страны при этом активно включаются в разветвленную сеть глобальных цепочек добавленной стоимости, правительства этих стран проводят активную промышленную политику. Ю. О. Марченко посвятил свою кандидатскую диссертацию [10] выявлению перспектив импортозамещения для российской фармотрасли.

Кроме того, особый интерес для российской фармпромышленности в условиях реализации импортозамещающей модели представляет изучение опыта других стран, использующих указанную стратегию на различных этапах развития фармотрасли. В частности, М. А. Губина [3] раскрыла содержание импортозамещающей, а впоследствии экспортоориентированной стратегии Индии в отношении фармацевтической отрасли. Т. В. Айтян [1] подробно изучила и систематизировала опыт государственного регулирования отрасли стран Западной и Центральной Европы.

И наконец, последний блок публикаций посвящен отдельным аспектам функционирования общего рынка стран ЕАЭС. Исследование А. А. Вороны, Л. А. Коптевой, А. А. Трущевской [2] посвящено тенденциям развития ЕАЭС, их готовности к цифровой трансформации. Преимущества интеграции ЕАЭС в мультимодальных транспортных перевозках рассмотрены в работе С. П. Калмыкова, А. А. Морозовой [7]. О. В. Есипова, Я. И. Середавина определили перспективы развития общего фармацевтического рынка стран ЕАЭС [6]. В работе И. Н. Савельевой представлены тенденции развития общего фармацевтического рынка ЕАЭС и определены сценарии развития в условиях глобальных вызовов, таких как COVID-19 [11]. Вопросы применения инновационных технологий в фармацевтической отрасли рассмотрены в работах А. А. Таубэ, А. Ю. Левашовой [12], М. В. Шугурова [13] и др.

Несмотря на большое количество работ, прямо или косвенно связанных с рассмотрением перспектив развития общего фармацевтического рынка ЕАЭС, данное исследование обладает определенной научной новизной. Новизна заключается в систематизации и интерпретации последних статистических данных (International Trade Center — ITC Trade Map) об экспорте / импорте товаров 30-й группы между странами ЕАЭС. На основании указанных данных авторами предпринята попытка обобщить тенденции фармацевтического рынка ЕАЭС, представить аналитический обзор, основанный на официальных статистических данных, а также определить проблемы, возникающие при интеграции общего рынка, и предложить пути их решения. Перед странами — участницами ЕАЭС стоит стратегическая задача, направленная на повышение уровня обеспеченности стран ЕАЭС важными лекарствами и фармацевтическими субстанциями для медицинского применения за счет повышения интереса у производителей продукции фарминдустрии выводить на рынок ЕАЭС оригинальную продукцию, ориентируя ее на инновационность и эффективность.

Результаты

В целях создания общего фармацевтического рынка странами ЕАЭС велась планомерная работа, нацеленная на создание договорно-правовой базы, а также интеграция межведомственного взаимодействия. Сама нормативная база составляет 74 акта комиссии, которые охватывают все стадии обращения лекарственных средств, отнесенные к уровню наднационального регулирования.

Рассмотрим более подробно этапы общего фармрынка. В 2020 г. Высший Евразийский экономический совет утвердил Стратегические направления развития ЕАЭС до 2025 г., которые определили приоритеты развития Союза. Одним из ключевых проектов интеграции стало формирование общего рынка лекарственных средств. В соответствии с поставленной задачей лекарства и медицинские изделия в ЕАЭС будут производиться и реализовываться по единым правилам. Министр по техническому регулированию ЕЭК В. Корешков на встрече в Страсбурге с руководством Европейского директората по качеству лекарственных средств и здравоохранению (EDQM) заявил: «Мы ставим задачу добиться в ЕАЭС как минимум такой же свободы обращения качественных лекарств (как в ЕС. — Примеч. авт.), отвечающих потребностям здравоохранения и международной торговли»¹. Можно выделить несколько этапов процесса формирования общего рынка фармпрепаратов².

1. Юридическое оформление рынка (2013–2018 гг.).
2. Начало работы электронного сегмента единого фармрынка, запуск единого реестра зарегистрированных лекарственных средств и связанных с ним информационных баз, справочников и классификаторов (2018–2019 гг.).
3. Завершение процесса формирования общей системы обеспечения и контроля качества лекарственных средств, которые обращаются на едином фармацевтическом рынке. Принятие единой Фармакопеи ЕАЭС³, которая стала второй действующей региональной фармакопеей в мире (2020 г.).
4. Полный переход на право ЕАЭС в отношении регулирования фармрынка (с 01.01.2021 в России; с 01.07.2021 — в остальных странах ЕАЭС).

Емкость фармацевтического рынка ЕАЭС

Совокупный фармрынок стран ЕАЭС является весьма незначительным сегментом мирового фармрынка — всего около 2% (см. таблицу 1). Наиболее емким фармрынком стран — участниц ЕАЭС является, безусловно, российский сегмент, на него приходится порядка 88% продаж фармпрепаратов. Обращаясь к официальной статистике, стоит отметить, что Россия лидирует в фармацевтической отрасли среди государств — членов ЕАЭС, опережая их по размеру рынка, уровню потребления лекарственных средств в натуральном выражении. Стоит отметить, что объем фармрынка в 2021 г. составил 2295 млрд руб. (без учета вакцин против COVID-19), что на 12,7% выше, чем показатель 2020 г.⁴ При этом можно отметить, что структурно рынки России, Беларуси и Казахстана развиваются в едином конкурентном поле. Так как у данных стран Союза ключевым элементом является коммерческий сегмент, для всех рынков характерна существенная зависимость от импортируемых продуктов [4].

На казахстанский рынок приходится 6% продаж; на белорусский — 4,5%; на Кыргызстан и Армению в совокупности — чуть больше 1,5% (см. таблицу 1).

Безусловно, представленные в таблице данные свидетельствуют о необходимости наращивания потенциала фармацевтического рынка, поскольку в условиях сбоя в поставках из-за геополитических факторов наблюдается дефицит как в готовой продукции, так и в сырье для производства.

Россия и Казахстан — Pharmerging Markets

Несмотря столь несущественные объемы продаж фармпродукции на рынках стран ЕАЭС, российский и казахстанский рынки являются довольно крупными сегментами и заслуживают особого внимания с точки

¹ Паперная Г. Лекарства вступают в союз [Электронный ресурс] // РБК+. URL: <https://plus.rbc.ru/news/59cb68527a8aa90727b1aac9> (дата обращения: 15.07.2022).

² Батенёва Т. Общий фармрынок ЕАЭС вступил в стадию уверенного развития [Электронный ресурс] // RG.RU. URL: <https://rg.ru/2021/04/28/obshchij-farmrynok-eaes-vstupil-v-stadiiu-uverenennogo-razvitiia.html> (дата обращения: 15.07.2022).

³ Фармакопея ЕАЭС представляет собой свод региональных требований и положений, устанавливающих предельный допустимый уровень качества лекарственных средств на фармацевтическом рынке ЕАЭС.

⁴ Фармацевтический рынок России: 2021 [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании DSM Group. URL: <https://dsm.ru/docs/Report2021RU.pdf> (дата обращения: 15.07.2022).

зрения их потенциала. В отраслевых отчетах можно встретить специальный термин “pharmerging markets”¹, объединяющий двадцать одну страну, включая Россию и Казахстан. Pharmerging markets на протяжении многих лет демонстрируют значимые темпы прироста (в среднем около 8–11% ежегодно) по сравнению с «насытившимися» рынками стран Европы и Северной Америки (около 4–5% ежегодно). Во многом это связано с ростом продолжительности жизни в этих странах и, соответственно, возрастанием расходов на медицину в целом. Развивающиеся рынки занимают чуть более одной четверти мирового фармрынка в стоимостном выражении, но на них начиная с 2013 г. приходится более половины всех продаж фармацевтики в физическом выражении, и с каждым годом этот разрыв становится все больше (см. рисунок 1). Такое положение вещей легко объяснить структурой внутреннего потребления на развивающихся рынках. К примеру, на российском рынке преобладают продажи дженериков — аналогов оригинальных препаратов с истекшей патентной защитой: 60,8% продаж в стоимостном выражении приходится на дженерики; 39,2% — на оригинальные препараты. В физическом выражении дженерики по понятным причинам аккумулируют еще большую величину — 82,3% против 17,7%². Дженерики имеют существенно более низкие цены по сравнению с оригинальными препаратами, поэтому число потребляемых доз лекарств в совокупном выражении демонстрирует нам иные пропорции, нежели при оценке продаж в стоимостном выражении.

Таблица 1

Объем продаж фармацевтических препаратов в странах ЕАЭС, млрд долл.³

Table 1. The Volume of Sales of Pharmaceuticals from the EAEU Countries, billion dollars

Показатель	2018	2019	2020
Россия	17,8	19,7 (+10%)	21,5 (+9%)
Казахстан	1,3	1,3 (0%)	1,5 (+15%)
Беларусь	0,9	1,0 (+11%)	1,1 (+10%)
Кыргызстан	0,2	0,2 (0%)	0,2 (0%)
Армения	0,2	0,2 (0%)	0,2 (0%)
Страны ЕАЭС	20,5	22,40 (+9%)	24,5 (+9%)
МИР	1 201	1 232 (+3%)	1 89 (+5%)
Доля стран ЕАЭС	1,7%	1,8%	1,9%

Эксперты российского аналитического агентства DSM Group прогнозируют пятипроцентный рост фармацевтического рынка России в 2022 г. (до 2,5 трлн руб.). Традиционно при анализе российского рынка выделяют коммерческий сегмент (на него в 2022 г. придется 53% всего рынка), государственные закупки (около 33%) и парафармацевтику (около 14%)⁴.

Пандемия COVID-19 сильно повлияла на фармрынок Казахстана. Вынужденные ограничения заставили многие страны пересмотреть допуск фармацевтических препаратов для медицинского применения. Несмотря на расхожее представление, что фармотрасль является основным бенефициаром пандемии 2020–2021 гг., по факту коронакризис стал серьезным вызовом для мировой фарминдустрии, и в этих условиях фармкомпании прошли суровую проверку на прочность и определили вектор развития на последующие годы.

¹ IMS Institute for Healthcare Informatics. Global Medicine Use in 2020. Outlook and Implications. November 2015 [Электронный ресурс] // Fdocuments.in. URL: <https://fdocuments.in/document/november-2015-global-medicines-use-in-2020-iqvia.html?page=1> (дата обращения: 15.07.2022).

² Фармацевтический рынок России: 2020 [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании DSM Group. URL: <https://dsm.ru/upload/iblock/cf9/cf90a8be2be6374d636c6cc65bc96860.pdf> (дата обращения: 15.07.2022).

³ Источник: Отраслевые отчеты IQVIA за 2018, 2019, 2020 гг. [Электронный ресурс] // Официальный сайт IQVIA. URL: <https://www.iqvia.com/> (дата обращения: 15.07.2022). IQVIA — авторитетная компания, оказывающая услуги в фармацевтической и биофармацевтической областях и корпоративного аутсорсинга.

⁴ Ковид снова правит бал: подведены итоги работы российского фармрынка за 2021 год [Электронный ресурс] // Фарммедпром. URL: <https://pharmmedprom.ru/news/kovid-snova-pravit-bal-podvedeni-itogi-rossiiskogo-farmrinka-za-2021-god> (дата обращения: 15.07.2022).

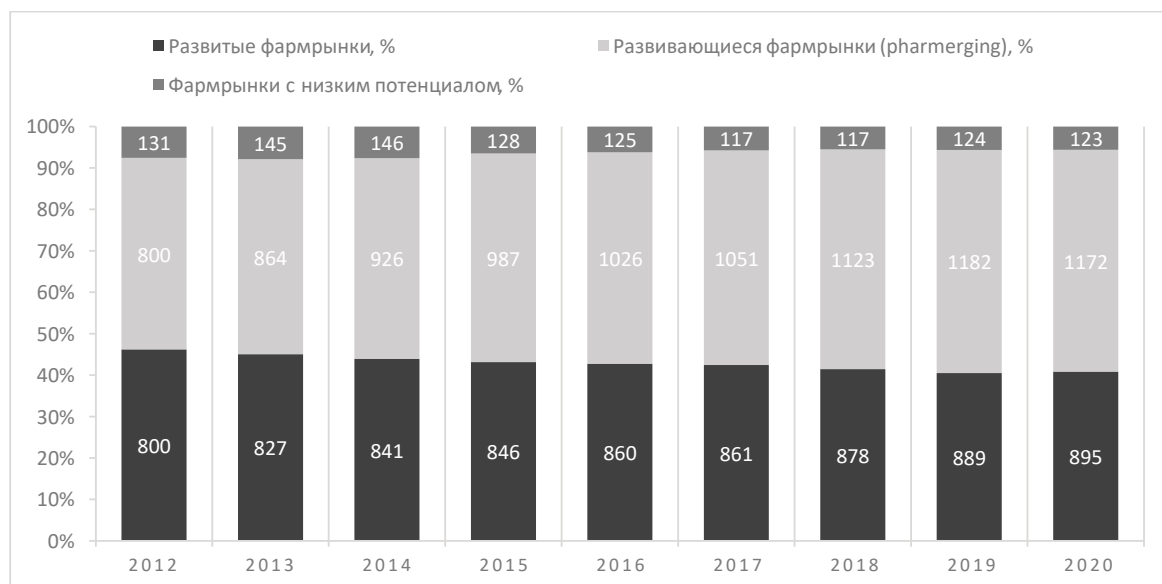

Рис. 1. Доля различных групп рынков в совокупном объеме продаж фармпродукции в натуральном объеме (по методологии DDD, млрд доз), %¹

Fig 1. The Share of Various Market Groups in the Total Volume of Sales of Pharmaceutical Products in Kind (according to the DDD methodology, billion doses)

Данные международного аналитического агентства IQVIA свидетельствуют о 20%-ом росте (до 615 млрд тенге) фармацевтического рынка Республики Казахстан (РК) в стоимостном выражении в национальной валюте в 2020 г. (в долларовом выражении рост составлял 11%; 1,49 млрд долл.) и о 15%-ом росте в натуральном выражении (до 690 млн упаковок).

По данным официальной статистики Казахстана, производство фармпрепаратов в РК резко выросло на 47% в 2020 г. в физическом выражении. При этом наблюдался рост и в первом квартале 2021 г. на 9,1%. В стоимостном выражении рост в 2020 г. составил 49,68% (а именно с 92,4 в 2019 г. до 138,3 млрд тенге в 2020 г.). Примечательно также, что за первый квартал 2021 г. рост составил 19,93% относительно 2020 г.² При этом проблемным вопросом является тот факт, что казахстанский рынок в значительной степени зависит от импортных лекарств. Доля импортных антибиотиков в 2021 г. составила 85,2%, импортных провитаминов, витаминов и их производных — практически 100%. Этот факт является тревожным, поскольку необходимо наращивание внутреннего производства в РК.

Дальнейшее развитие рынков стран видится в создании общих инвестиционных проектов по наращиванию производства фармацевтической продукции. При этом создание к 2025 г. полноценно функционирующего евразийского фармацевтического рынка, безусловно, положительно скажется на дальнейшем развитии экономик ЕАЭС.

Страны ЕАЭС на международном фармрынке

Возвращаясь к странам ЕАЭС, необходимо рассмотреть место этой интеграционной группировки на международном фармацевтическом рынке. Общий объем рынка вырос на 13% в долларах США и сократился на 3% в объеме. Ниже представлена таблица с данными по экспорту и импорту группы

¹ Источник: Global Medicine Spending and Usage Trends: Outlook to 2025. Institute Report. Apr. 28, 2021 [Электронный ресурс] // Официальный сайт IQVIA. URL: <https://www.iqvia.com/insights/the-iqvia-institute/reports/global-medicine-spending-and-usage-trends-outlook-to-2025> (дата обращения: 15.07.2022).

² Аналитические материалы и публикации [Электронный ресурс] // Официальный сайт IQVIA. URL: <https://www.iqvia.com/ru-ru/locations/russia/publications> (дата обращения: 15.07.2022).

30 ТН ВЭД ЕАЭС (Фармацевтическая продукция) в соответствии с классификатором Гармонизированной системы, используемой ВТО.

Таблица 2

**Экспорт группы 30 ТН ВЭД ЕАЭС (Фармацевтическая продукция)
стран Евразийского экономического союза в 2020 г., тыс. долл.¹**

Table 2. Exports of the Group of 30 Tons of Foreign Economic Activity of the EAEU (Pharmaceutical Products) of the Countries of the Eurasian Economic Union in 2020, thousands USD

Показатель	Россия	Казахстан	Беларусь	Кыргызстан	Армения
Экспорт группы 30 (вкл. экспорт в др. страны ЕАЭС)	1 031 989	58 676	312 195	830	18 354
Экспорт группы 30 в страны ЕАЭС					
Россия	—	44 855	230,056	0,181	10,434
Казахстан	176 063	—	21 833	—	341
Беларусь	116 839	395	—	—	117
Киргизия	43 291	3 825	4 294	—	520
Армения	25 830	42	2 661	—	—
Экспорт группы 30 за вычетом экспорта в страны ЕАЭС	669 966	54 414	53 351	649	6 942
ИТОГО: экспорт группы 30 ТН ВЭД ЕАЭС странами ЕАЭС (искл. экспорт внутри ЕАЭС)	785 322				
Совокупный общемировой экспорт группы 30 ТН ВЭД ЕАЭС (для справки)	680 090 521				

Представленные в таблице 2 данные показывают, что на страны ЕАЭС (за вычетом экспортных потоков между самими странами ЕАЭС) приходится около 0,1% мирового экспорта лекарственных препаратов. Доминирующим экспортером интеграционной группировки ЕАЭС является Россия (85,3% совокупного экспорта ЕАЭС).

Крупнейшими внешнеторговыми партнерами ЕАЭС по экспорту фармацевтической продукции являются в первую страны ближнего зарубежья (постсоветского пространства) — см. таблицу 3.

Таблица 3

Топ-5 внешнеторговых партнеров ЕАЭС по экспорту фармпродукции, 2020 г.²

Table 3. Top 5 Foreign Trade Partners of the EAEU in the Export of Pharmaceutical Products, 2020

Страна	Экспорт, тыс. долл.	Доля страны в совокупном экспорте 30-й группы странами ЕАЭС, %
Украина	166 439	21,19
Узбекистан	131 681	16,77
Азербайджан	46 896	5,97
Туркменистан	41 312	5,26
Грузия	32 516	4,14
Остальные страны	366 478	46,66
ВСЕГО: экспорт 30-й группы странами ЕАЭС (за искл. торговли внутри ЕАЭС)	785 322	100

¹ Источник: Trade statistics for international business development [Электронный ресурс] // International Trade Centre (ITC). URL: [https://www.trademap.org/\(X\(1\)S\(di0syw55k2zdcy55gq31cwq1\)\)/Index.aspx](https://www.trademap.org/(X(1)S(di0syw55k2zdcy55gq31cwq1))/Index.aspx) (дата обращения: 15.07.2022).

² Там же.

Однако в связи с геополитической ситуацией видится изменение страновой структуры основных внешнеторговых партнеров ЕАЭС по экспорту фармпродукции. Прогнозируется смещение на рынки стран Азии и Африки.

Что касается импорта группы 30 ТН ВЭД ЕАЭС, то в совокупности на страны ЕАЭС приходится 1,8% мировых импортных потоков (за вычетом внутривосточной торговли между странами ЕАЭС) (см. таблицу 4).

Как и в случае с экспортом, наиболее емким импортным рынком среди стран ЕАЭС является российский — там реализуется 80,4% всей импортируемой ЕАЭС фармпродукции.

Таблица 4

**Импорт группы 30 ТН ВЭД ЕАЭС (Фармацевтическая продукция)
стран Евразийского экономического союза в 2020 г., тыс. долл.¹**

Table 4. Imports of the Group of 30 Tons of Foreign Economic Activity of the EAEU (Pharmaceutical Products) of the Countries of the Eurasian Economic Union in 2020, thousands USD

Показатель	Россия	Казахстан	Беларусь	Кыргызстан	Армения
Импорт группы 30 (вкл. импорт в др. страны ЕАЭС)	10 806 628	1 557 776	1 003 828	204 277	161 125
Импорт группы 30 из стран ЕАЭС					
Россия	—	162 863	122 269	35 809	20 352
Казахстан	42 986	—	308	4 283	23
Беларусь	221 002	21 676	—	3 621	263
Киргизия	475	0	0	—	0
Армения	1 011	304	107	564	—
Импорт группы 30 за вычетом импорта из стран ЕАЭС	10 541 154	1 372 933	881 144	164 283	140 487
ИТОГО: импорт группы 30 странами ЕАЭС (искл. импорт внутри ЕАЭС)	13 100 001				
Совокупный общемировой импорт группы 30 (для справки)	713 149 850				

Крупнейшими внешнеторговыми партнерами ЕАЭС по импорту являются страны дальнего зарубежья (см. таблицу 5). Ведущим импортером фармацевтики для стран ЕАЭС является Германия, на долю импорта из этой страны приходится почти одна пятая всей завозимой в страны ЕАЭС фармпродукции в стоимостном выражении.

Таблица 5

Топ-5 внешнеторговых партнеров ЕАЭС по импорту фармацевтической продукции, 2020 г.²

Table 5. Top 5 Foreign Trade Partners of the EAEU for the Import of Pharmaceutical Products, 2020

Страна	Тыс. долл.	Доля страны в совокупном экспорте 30-й группы странами ЕАЭС, %
Германия	2 477 677	18,91
США	1 302 246	9,94
Италия	923 615	7,05
Швейцария	905 603	6,91
Франция	809 799	6,18
Остальные страны	—	—
ВСЕГО: импорт 30-й группы странами ЕАЭС (за искл. торговли внутри ЕАЭС)	13 100 001	100

¹ Источник: Trade statistics for international business development [Электронный ресурс] // International Trade Centre (ITC). URL: [https://www.trademap.org/\(X\(1\)S\(di0syw55k2zdcy55gq31cwq1\)\)/Index.aspx](https://www.trademap.org/(X(1)S(di0syw55k2zdcy55gq31cwq1))/Index.aspx) (дата обращения: 15.07.2022).

² Там же.

Необходимо понимать, что географическая структура экспорта и импорта внутри национальных рынков стран ЕАЭС может существенно различаться. К примеру, Азербайджан с Арменией в силу региональных и более глубинных противоречий не торгуют друг с другом фармпрепаратами (и целым рядом других товаров, но это не предмет настоящего исследования). Тогда как в целом для ЕАЭС, как интеграционной группировки, Азербайджан является вторым по емкости рынком, куда экспортируются товары 30-й группы.

Пандемия COVID-19 и ухудшение геополитической обстановки в 2022 г. показывают, что развитие фармацевтической отрасли является одной из первостепенных задач промышленной политики для обеспечения национальной безопасности. В этой связи для стран — участниц ЕАЭС стоят задачи по наращиванию масштабов производства и снижению зависимости от импорта готовых препаратов и фармацевтических субстанций внутри Союза.

В современных условиях фармацевтический рынок ЕАЭС подвержен влиянию многих негативных факторов, что, в свою очередь, требует обеспечения стабильности фармацевтической отрасли в текущей кризисной ситуации, связанной не только с ограничением поставок фармсубстанций и лекарственных препаратов, но и с нарушением логистических цепочек в целом.

Сейчас и федеральные органы исполнительной власти, и фарминдустрия активно ищут способы решения, прежде всего выстраивая новую логистику.

Отдельное внимание также вызывает проблема различий в ставках НДС на фармацевтические препараты в странах — участницах Союза. В России указанная ставка составляет 10%, тогда как в Армении и Киргизии 20% и 12% соответственно, а в Казахстане и Белоруссии ставка НДС на фармацевтику вообще равна нулю. Логично предположить, что страны с отсутствием налоговых ставок являются более привлекательными с точки зрения рынка сбыта фармацевтических препаратов. В этой связи необходима гармонизация налоговых ставок внутри ЕАЭС. Несмотря на всю очевидность проведения реформы в этой области, у этого процесса есть свои противники. Страны, где ставки НДС на фармацевтику высоки (Армения и Киргизия), столкнутся с потерей части доходов бюджета; а в странах, где нулевые ставки НДС, ухудшится положение локальных производителей.

На данном этапе созданного единого фармрынка очевидна также проблема отсутствия электронной системы документооборота. Масштабы передаваемой информации с регистрационными делами и досье возрастают, соответственно, необходимо увеличивать пропускную способность информационных каналов и мощность созданных ресурсов, чтобы эффективно работать с BigData.

Вместе с тем существенным преимуществом единого фармрынка является гармонизация процедуры регистрации лекарственных средств на всей территории ЕАЭС. Это существенно сократит время и издержки производителя при регистрации лекарственных препаратов (как оригинальных, так и дженериков). Единый подход в этой сфере позволит расширить ассортимент на территории Союза, что, по оценкам экспертов, приведет к увеличению продаж на 2% (в натуральном выражении). Основными бенефициарами указанных процессов станет Республика Беларусь и Казахстан, в то время как в Армении и Кыргызстане, с их весьма скромной долей рынка ЕАЭС, этот эффект не будет столь явно выражен.

Также авторами видится необходимость объединения производственных и научно-технических потенциалов стран — участниц ЕАЭС. Это станет основой для достижения необходимых результатов для эффективного противодействия всем возможным вызовам.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на ограничения и проблемы, вызванные пандемией и геополитической обстановкой, процесс формирования общего рынка фармацевтической продукции ЕАЭС достиг заметных результатов. Созданы предпосылки для наращивания производства фармпродукции. Также завершено формирование системы обеспечения и контроля качества лекарственных препаратов, которые обращаются на рынке Союза. Принята Фармакопея Союза, которая стала второй действующей региональной фармакопеей в мире.

Все это стало возможным за счет внедрения инноваций в фарминдустрии, а также за счет постоянного и эффективного партнерского взаимодействия между фармотраслью и государствами в лице всех ответственных регуляторов в интересах здравоохранения и пациентов.

Также планируется расширение производства и формирования кооперационных цепочек внутри ЕАЭС, применение мер поддержки для производителей лекарственных препаратов и фармацевтических субстанций, форсирования фармацевтических кластеров как точек роста лекарственной обеспеченности. Перспектива для фармацевтического рынка ЕАЭС авторами видится в выстраивании конструктивного диалога между государством, фармацевтическим бизнесом, обществом, в траектории доверия и сотрудничества.

Литература

1. *Айтян Т. В.* Особенности государственного регулирования фармацевтической отрасли в странах Западной и Центральной Европы : дис. канд. экон. наук: 08.00.14. Москва, 2018. 252 с.
2. *Ворона А. А., Контева Л. А., Трушевская А. А.* Евразийский экономический союз: тенденции и перспективы развития цифровой экономики // В сборнике: E3S Web of Conferences. 8. Серия: Инновационные технологии в науке и образовании, ИТС 2020. 2020. С. 13–25.
3. *Губина М. А.* Импортозамещение и/или экспортная ориентация: опыт фармацевтической промышленности Индии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2019 Т. 35. № 2. С. 197–222. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2019.202>
4. *Евстратов А. В.* Основные тенденции и перспективы развития фармацевтического рынка в Российской Федерации : монография. ВолгГТУ. Волгоград, 2018. 191 с.
5. *Евстратов А. В., Измайлов А. В.* Слияния и поглощения компаний на фармацевтическом рынке: мировой опыт и российская специфика : монография. ВолгГТУ. Волгоград, 2016. 155 с.
6. *Есипова О. В., Середавина Я. И.* Перспективы развития общего фармацевтического рынка стран ЕАЭС // Вектор экономики. 2020. № 1 (43). С. 29.
7. *Калмыков С. П., Морозова А. А.* Роль мультимодальных транспортных перевозок в интеграции Евразийского экономического союза (ЕАЭС) // В сборнике: Таможенные чтения — 2020. Стратегия развития — 2030. Вызовы времени. Наука и инновации. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. В 3 т. СПб., 2020. С. 86–91.
8. *Клименко Я. В.* Современное состояние и развитие фармацевтической отрасли государств — членов Евразийского экономического союза // Вектор экономики. 2021. № 8 (62). DOI: 10.51691/2500-3666_2021_8_1
9. *Мамедьяров З. А.* Инновационное развитие мировой фармацевтической отрасли. М. : ИМЭМО РАН, 2019. 145 с.
10. *Марченко Ю. О.* Роль импортозамещения в развитии российского фармацевтического рынка : дис. канд. экон. наук: 08.00.14. Москва, 2016. 185 с.
11. *Савельева И. Н.* Общий фармацевтический рынок стран ЕАЭС: сценарии развития в условиях глобальных вызовов // Россия и ЕАЭС: Глобальные тренды взаимодействия и новые вызовы для обеспечения национальной и региональной безопасности : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Екатеринбург, 2020. С. 131–136.
12. *Таубэ А. А., Левашова А. Ю.* Формат электронного общего технического документа как основа единого фармацевтического рынка Евразийского экономического союза // Ремедиум. 2020. № 7–8. С. 54–59. <https://doi.org/10.21518/1561-5936-2020-7-8-54-59>
13. *Шугуров М. В.* Правовые и программно-стратегические основы сотрудничества государств — членов ЕАЭС в сфере международного трансфера фармацевтических технологий // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 443. С. 260–271. DOI: 10.17223/15617793/443/31
14. *Nozari H., Szmelter A.* Global Supply Chains in the Pharmaceutical Industry. Hershey, PA : Business Science Reference. 2019.
15. *Tannoury Bs. M., Attieh Z.* The Influence of Emerging Markets on the Pharmaceutical Industry // Current Therapeutic Research. 2017. Vol. 86. P. 19–22. <https://doi.org/10.1016/j.curtheres.2017.04.005>

Об авторах:

Ворона Анастасия Александровна, доцент кафедры таможенного администрирования Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук;
e-mail: anastasiya_o@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7601-2671>

Губина Марьяна Андреевна, доцент кафедры мировой экономики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук;
e-mail: m.gubina@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0672-8097>

References

1. Aityan T. V. Features of State Regulation of the Pharmaceutical Industry in the Countries of Western and Central Europe : dis. PhD in Economics: 08.00.14. Moscow, 2018. 252 p. (In Rus.)
2. Vorona A., Kopteva L., Trushevskaya A. The Eurasian Economic Union: Trends and Prospects for Development in Digital Economy. E3S Web of Conferences. 8. Series: Innovative Technologies in Science and Education, ITSE 2020. 2020. P. 13–25. (In Rus.)
3. Gubina M. A. Import Substitution and / or Export Orientation: The Experience of the Pharmaceutical Industry in India. *Bulletin of St. Petersburg University. Economy* [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika]. 2019; 35 (2): 197–222. (In Rus.) <https://doi.org/10.21638/spbu05.2019.202>
4. Evstratov A. V. Main Trends and Prospects of the Pharmaceutical Market Development in the Russian Federation : monograph. VolgSTU. Volgograd, 2018. 191 p. (In Rus.)
5. Evstratov A. V., Izmailov A. M. Mergers and Acquisitions of Companies in the Pharmaceutical Market: World Experience and Russian Specifics : monograph. Volgograd, 2016. 155 p. (In Rus.)
6. Esipova O. V., Seredavina Ya. I. Prospects for the Development of the Common Pharmaceutical Market of the EAEU Countries. *Vector of Economics* [Vektor ekonomiki]. 2020; 43 (1): 29. (In Rus.)
7. Kalmykov S. P., Morozova A. A. The Role of Multimodal Transport in the Integration of the Eurasian Economic Union (EAEU) // In the collection: Customs Readings — 2020. Development Strategy — 2030. Challenges of the time. Science and innovation. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. In 3 t. St. Petersburg, 2020. P. 86–91. (In Rus.)
8. Klimenko Ya. V. The Current State and Development of the Pharmaceutical Industry of the Member States of the Eurasian Economic Union. *Vector of Economics* [Vektor ekonomiki]. 2021; 62 (8). (In Rus.) DOI: 10.51691/2500-3666_2021_8_1
9. Mammadyarov Z. A. Innovative Development of the World Pharmaceutical Industry. Moscow : IMEMO RAS, 2019. 145 p. (In Rus.)
10. Marchenko Yu. O. The Role of Import Substitution in the Development of the Russian Pharmaceutical Market : dis. PhD in Economics: 08.00.14. Moscow, 2016. 185 p. (In Rus.)
11. Savelyeva I. N. The Common Pharmaceutical Market of the EAEU Countries: Development Scenarios in the Context of Global Challenges. In the collection: Russia and the EAEU: Global Trends of Interaction and New Challenges for Ensuring National and Regional Security. Collection of Scientific Papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Yekaterinburg, 2020. P. 131–136. (In Rus.)
12. Taube A. A., Levashova A. Yu. The Format of the Electronic Common Technical Document as the Basis of the Single Pharmaceutical Market of the Eurasian Economic Union. *Remedium* [Remedium]. 2020; (7–8): 54–59. (In Rus.) <https://doi.org/10.21518/1561-5936-2020-7-8-54-59>
13. Shugurov M. V. Legal and Program-Strategic Bases of Cooperation of the EAEU Member States in the Field of International Transfer of Pharmaceutical Technologies. *Bulletin of Tomsk State University*. 2019; (443): 260–271. (In Rus.) DOI: 10.17223/15617793/443/31

14. Nozari H., Szmelter A. Global Supply Chains in the Pharmaceutical Industry. Hershey, PA : Business Science Reference. 2019.
15. Tannoury Bs. M., Attieh Z. The Influence of Emerging Markets on the Pharmaceutical Industry. *Current Therapeutic Research*. 2017; 86: 19–22. <https://doi.org/10.1016/j.curtheres.2017.04.005>

About the authors:

Anastasia A. Vorona, Associate Professor of the Department of Customs Administration of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics;
e-mail: anastasiya_o@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7601-2671>

Maryana A. Gubina, Associate Professor of the Department of World Economy of St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics;
e-mail: m.gubina@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0672-8097>

Применение бережливого производства в российских компаниях

Смирнов С. А.^{*}, Сорокин Г. С.

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^{*} e-mail: s.a.smirnov@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8311-2208>

РЕФЕРАТ

Применение методов бережливого производства широко распространено в большинстве развитых стран мира. Данные методы имеют высокий потенциал применения как в развивающихся странах, так и в странах с переходной экономикой, в том числе в странах ЕАЭС. До сих пор проведено небольшое количество эмпирических работ, посвященных внедрению бережливого производства в России, и данная статья частично восполняет этот пробел.

Цель. Основная цель статьи — проанализировать распространение методов бережливого производства, определить наиболее часто используемые практики, выявить отраслевую принадлежность компаний и выявить проблемы и препятствия при внедрении методов бережливого производства.

Задачи. Для достижения цели было проведено описательное эмпирическое исследование, основанное на открытых вторичных источниках.

Методология. Были собраны данные о проектах внедрения методов бережливого производства в 201 компании, принадлежащих различным отраслям. Данные были обработаны, закодированы и проанализированы.

Результаты. Среди результатов исследования мы выявили, что 5S и VSM были наиболее внедряемыми практиками, большинство компаний одновременно практиковали от трех до семи методов бережливого производства. Низкая вовлеченность персонала, неблагоприятная организационная культура и проблемы масштабирования пилотных проектов — наиболее частые проблемы при внедрении методов бережливого производства.

Выводы. Внедрение методов бережливого производства остается одним из основных направлений совершенствования производственных процессов и повышения производительности труда на российских предприятиях. Исследование имеет ограничения, характерные для работ, основанных на вторичных источниках.

Ключевые слова: бережливое производство, Кайдзен, внедрение бережливого производства, проблемы и эффекты бережливого производства

Для цитирования: Смирнов С. А., Сорокин Г. С. Применение бережливого производства в российских компаниях. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2022;16(4): 55-67. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-55-67>

Implementation of Lean Manufacturing Methods in Russian Companies

Sergey A. Smirnov^{*}, Gleb S. Sorokin

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

^{*} e-mail: s.a.smirnov@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8311-2208>

ABSTRACT

Implementation of lean manufacturing methods is widespread globally. These methods have demonstrated high potential of implementation and gained popularity in many developed, developing

and transition economies. Despite the popularity, so far there are few empirical research devoted to the implementation of lean manufacturing in Russia, and this paper partially fills this gap.

Aim. The main purpose of the paper is to analyze the spread of lean manufacturing methods, find out the most frequently used practices, describe the industry affiliation of companies and identify problems and obstacles in the implementation of lean manufacturing methods and techniques.

Tasks. To achieve the objectives, the quantitative empirical study was conducted on the base of open secondary sources.

Methods. The information about the lean projects of 201 companies of different industries was gathered. The data was processed, coded and analyzed.

Results. Among findings, we identified that 5S and VSM were the most implementing practices, most of the companies were practicing 3 to 7 lean practices at the same time. Low employee engagement, unfavorable organizational culture and problems of scaling the pilot projects are the most frequent problems in implementing of lean practices.

Conclusions. The introduction of lean manufacturing methods remains one of the main direction of production processes improving and labor productivity increasing on Russian enterprises. The study has limitations inherent to research that are based on secondary sources.

Keywords: lean manufacturing, kaizen, Lean techniques implementation, effects and obstacles of lean manufacturing implementation

For citing: Smirnov S. A., Sorokin Gleb S. Implementation of Lean Manufacturing Methods in Russian Companies. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2022;16(4): 55-67. (In Rus.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-55-67>

Введение

За несколько десятилетий своего распространения различные методы и техники бережливого производства завоевали популярность в большинстве стран мира, и Россия не является исключением.

Повышение конкуренции заставляет производственные компании искать методы и инструменты, направленные на повышение своей операционной эффективности. Довольно большое количество российских компаний и не только из производственных отраслей уже практикуют подходы бережливого производства в своей операционной деятельности. Несмотря на то, что методология бережливого производства зародилась в Японии в середине XX в., более ранние представители школы научного управления, в т. ч. Ф. Тейлор, Г. Форд, А. Файоль, супруги Гилберты и многие другие внесли большой вклад в ее появление и становление. По всей видимости, на формирование методологии повлияли и ранние советские теоретики. Между концепцией бережливого производства и теорией «гуманной машины» русского ученого и практика А. К. Гастева можно обнаружить существенные сходства. Идеи Гастева о визуализации производственных процессов, принцип «узкой базы» и другие принципы были творчески переосмыслены и востребованы в японской производственной практике XX в.

Распространение систем бережливого производства в России начинается в начале XXI в. в крупных российских производственных компаниях. В частности, в 2003 г. компания «ГАЗавто» начала внедрение проекта с помощью специализированной консалтинговой компании. В настоящее время в России реализованы сотни и, возможно, тысячи проектов внедрения методов и техник бережливого производства не только в промышленных отраслях. В частности, розничная сеть «Пятерочка» была одной из первых в ретейле, чья операционная модель изначально предполагала активное применение принципов и методов бережливого производства. Крупнейшая в стране финансовая экосистема SBER также широко применяет методы бережливого производства. В настоящей статье анализируется текущее состояние бережливого производства на российских предприятиях. Это предварительное описательное исследование, в котором используется смешанная методология, основанная на применении качественных и количественных методов. Авторы использовали вторичные внешние источники открытого доступа, в том числе интервью с генеральными директорами, операционными менеджерами, руководителями проектов, различные

презентации на конференциях, выставках, пресс-релизы предприятий, информацию, представленную на корпоративных сайтах. Помимо анализа данных, применялся метод наблюдения для сбора информации, который в сочетании с другими методами позволяет обеспечивать большую полноту информации. В работе используются данные о 185 проектах внедрения бережливого производства, реализованных в период с 2003 по 2020 гг.

Обзор литературы

Исследование применения бережливых практик — хорошо изученная область производственного и операционного менеджмента, в настоящее время сложилось несколько подходов для ее изучения.

Один из них включает анализ опыта внедрения в конкретных отраслях. В литературе есть многочисленные исследования по внедрению бережливых практик в обрабатывающих отраслях: машиностроении, металлообработке, строительстве, здравоохранении, финансовом секторе. В каждой отрасли есть свои особенности применения бережливого проекта, свой набор методов бережливого производства, барьеры и препятствия на пути реализации. Возможные результаты тоже различаются. Исследование [20], посвященное электронной промышленности, показывает, что внедрение методов бережливого производства дает повышение качества и производительности примерно на 25%. В статье резюмируется, что после внедрения методов бережливого производства уровень производительности и качества повышается в среднем на 23% по сравнению с существующей системой. Статья о драйверах и барьерах бережливого производства в греческой промышленности [15] классифицирует практики Lean по пяти группам: отношения с покупателями, отношения с поставщиками, работа с человеческими ресурсами, производственное планирование и контроль, а также процессы и оборудование. Барьеры отнесены к четырем группам: финансовые, связанные с топ-менеджментом, связанные с рабочей силой и прочие. Есть несколько работ, посвященных бережливому строительству. В работе [6] выделены 32 метода Lean, самые популярные из которых LPS (Last Planner System) и JIT (Just-in-Time), наилучшим образом ликвидирующие потери времени и перерасход материалов. Все выделенные практики были поделены на практики проектирования, планирования и контроля, строительства и управления площадью и управления здоровьем и безопасностью. Статья о бережливом строительстве в материковом Китае [11] на основе обзора публикаций исследует стадии его развития в стране. Авторы анализируют перспективы практического применения методологии в строительстве, а также исследуют факторы успеха применения бережливого производства.

В сфере здравоохранения проведено довольно много исследований. В статье [19] используется библиометрический подход к исследованию. Работа подчеркивает специфику и факторы успеха внедрения бережливого подхода в медицине. В частности, в статье отмечается, что интенсивная командная работа играет ключевую роль во внедрении методов бережливого производства. В другом исследовании [5] анализируются методы бережливого производства в более чем 90 больницах Иордании. Среди других вопросов исследования авторы обсуждают вопрос о том, насколько размер предприятия влияет на эффективность бережливых методов. Они пришли к выводу, что как крупные, так и малые предприятия могут извлечь выгоду из внедрения методов бережливого производства. Хотя методология бережливого производства возникла в обрабатывающей промышленности, в настоящее время существует довольно много работ, посвященных применению методов бережливого производства в финансовых услугах. В другой статье [7] обсуждаются рамки для реализации проектов шести сигм в секторе финансовых услуг. В статье «Общие определения проектов Lean Six Sigma в сфере финансовых услуг» также делается фокус на уровне проекта и на основе 65 проектов Lean Six Sigma в пяти компаниях предлагается семь различных шаблонов для реализации проектов Lean Sigma в сфере финансовых услуг [8]. В работе [16] исследуются неудачи при внедрении Lean в финансово здоровом банке, руководители которого полностью были привержены процессу. Как оказалось, из-за завышенных ожиданий результатов и низких приоритетов таких проектов менеджеры перекладывали внедрение на специалистов по Lean, что в конечном итоге привело к низким результатам таких проектов и сворачиванию программы.

Отдельную группу составляют исследования о влиянии внедрения бережливого производства на здоровье и уровень стресса сотрудников [18]. В основном они сосредоточены на вопросе о том, как эффект от внедрения бережливого подхода начинает ослабевать из-за ухудшения состояния сотрудников. Ряд исследований изучает влияние лидерства на внедрение бережливого производства [4]. Авторами были выделены такие ожидания от лидерства, как приверженность бережливому производству, наличие ролей как трансформационных, так и транзакционных лидеров, вовлечение менеджеров среднего звена и рабочих к изменениям и установка стратегии и видения.

Исследования по составу и классификации бережливых практик составляют отдельное поле исследований. До сих пор не выработалось единого понимания состава бережливых практик, и разные авторы придерживаются разных подходов. В частности, Шах и Уорд [17] описали методы бережливого производства как элементы концепции бережливого производства. Они обобщили 22 практики и сформировали четыре их группы, включая TPM (Total Productive Maintenance), TQM (Total Quality Management), HRM (Human Resource Management) и JIT (Just-in-Time). В последующие годы авторы по-разному классифицировали методы бережливого производства.

В статье [13] были выделены 14 практик: 5S, картирование потока создания ценности, стандартизация операций, Kaizen-PDCA, диаграмма Исикавы, сотовая система, Golf Score, Water Spider, карточки Канбан, SMED, автономные инспекции, Пока-Йоке, всеобщее обслуживание оборудования и Хейдзунка. В другой статье [12], посвященной внедрению бережливого производства в перерабатывающих промышленных компаниях Индии, использовался исследовательский факторный анализ (EFA), чтобы сгруппировать методы бережливого производства в пять высокоуровневых конструкций. Также достаточно много эмпирических работ свидетельствуют об успешном применении методов бережливого производства в отдельных странах. В частности, авторы статьи [14], в которой анализируется внедрение бережливого производства в МСП Индии, сообщают, что после проектов бережливого производства производительность увеличилась на 23%, а качество в долях на миллион выросло на 57%.

В России подобных исследований совсем мало, несмотря на высокую популярность методологии Lean [3]. Некоторое исключение представляет отрасль здравоохранения, где сейчас реализуется государственная программа «Развитие здравоохранения» (2018–2025 гг.) [2]. Программа предполагает применение бережливого подхода к совершенствованию процессов в районных медицинских центрах. По результатам пилотного проекта, время подтверждения назначения субсидированных лекарственных средств сократилось с трех часов до пятнадцати минут; время ожидания приема к врачу сокращено в пять раз; доля своевременных обращений к врачу увеличилась с 54% до 84%; время, которое врач проводит с пациентом, увеличилось вдвое. Помимо работ по медицинским услугам, существует несколько тематических исследований на русском и английском языках, посвященных применению методологии бережливого производства в конкретных компаниях. Также в статье дается экспертный взгляд на внедрение методов бережливого производства в России, а также на примере государственного автономного учреждения Белгородской области «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг» [1]. В отчете, представленном Институтом Кайдзен [10], представлены результаты опроса ста предприятий из различных отраслей промышленности России. Отчет содержит информацию о целях, характеристиках управления проектов и уровне вовлеченности персонала во время внедрения методов бережливого производства.

Россия входит в группу стран с переходной экономикой, но по эффективности систем управления все еще довольно сильно отстает от восточноевропейских стран. Отчасти это связано с преобладанием компаний с государственным участием, методы управления которыми на нижних уровнях управления по-прежнему основаны на советской и постсоветской практике. Философия методологии бережливого производства строго противоречит таким системам управления, поскольку Lean основана не на иерархических принципах, а на вовлечении персонала, межфункциональных командах и расширении прав и возможностей. Обобщая обзорную часть данной статьи, можно констатировать, что, несмотря на популярность методологии бережливого производства в России, существует довольно много исследований, в которых описывается и анализируется опыт бережливых проектов, его распределение по отраслям,

препятствия и результаты. Настоящая статья частично заполняет этот пробел в литературе, эмпирически исследуя применение методов бережливого производства в российских производственных компаниях.

Методология

Статья направлена на обобщение практики бережливого производства на российских производственных предприятиях. Для достижения этой цели было проведено описательное исследование, которое включало сбор, обработку, накопление фактов, кодирование и анализ. Рамки исследования статьи включают объединение данных, полученных из различных вторичных источников, включая интервью с генеральным директором, руководителями операций, руководителями проектов, презентации на конференциях и выставках, пресс-релизы, информацию с корпоративных веб-сайтов. Также был принят метод наблюдения, так как в сочетании с другими методами он позволяет обеспечить полноту информации. Анализ данных проводился в три этапа.

1. Поиск и подбор источников информации о реализации бережливых проектов в России. Поиск по ключевым словам проводился в поисковой системе Яндекс и включал русскоязычные источники.
2. Собранные элементы данных подверглись первичной обработке, систематизации и кодированию для дальнейшего анализа.
3. Анализ полученных данных проводился с целью поиска закономерностей и проверки гипотез.

Была собрана информация о 201 компании, начавших реализовывать бережливые проекты в период с 2003 по 2020 гг. В выборку вошли компании из шестнадцати отраслей: машиностроение, металлообработка (97 компаний), электроэнергетика (12 компаний), производство строительных материалов (9 компаний), химическая промышленность (13 компаний), отрасль связи (3 компании), горное дело (8 компаний), нефтедобыча и нефтепереработка (17 компаний), транспорт (2 компании), пищевая промышленность (10 компаний), финансы и кредит (5 компаний), легкая промышленность (2 компании), лесная промышленность (2 компании), сельское хозяйство (1 компания), торговля (1 компания), образование (1 компания), строительство (3 компании).

Доля компаний крупного бизнеса составила 59%, МСП (до 1 тыс. чел.) — 41%. Информация собиралась в течение 2017–2020 гг. на основе разнородных данных, полученных из различных вторичных источников в соответствии с заранее разработанной анкетой. Анкета состояла из следующих элементов: информация о компании — название, отрасль, федеральный округ, дата основания, дата начала первого бережливого проекта, выручка и прибыль за периоды применения практик (для части компаний удалось найти данные лишь новее 2010 г.). Вторая часть анкеты включала десять наиболее часто упоминаемых бережливых практик. Среди них 5S, Kaizen, SMED, JIT, VSM, SOP, визуализация, Канбан, PDCA, TPM. Этот тип информации о конкретных компаниях был закодирован в форме да / нет. Третья часть анкеты включала текстовые комментарии о заявленных причинах реализации, особенностях и результатах проектов. Она также содержала следующие текстовые разделы: цели проекта, возникшие проблемы, ответственный отдел или компания-консультант, которые помогли внедрить изменения. В этом разделе анкеты около трети компаний имели пропуски или неполную информацию. Это неизбежное следствие использования вторичных информационных источников.

Результаты

В ходе формирования выборки мы обнаружили 201 компанию из разных отраслей, которые опубликовали достаточно подробную информацию о своих проектах по внедрению бережливого производства. Затем мы сократили нашу выборку, убрав часть закрывшихся к моменту сбора информации предприятий. Значительная часть отобранной нами выборки (97 компаний) была отнесена к машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности. Это было вполне ожидаемым, поскольку методология бережливого производства зародилась в этой отрасли. На втором месте по распространенности — добыча и переработка нефти (17 компаний), на третьем — электроэнергетика (14 компаний). Ниже представлена диаграмма

(см. рис. 1), показывающая распределение компаний по отраслям; есть компании, которые вошли в нашу предварительно отобранную выборку и имели адекватную информацию о своих бережливых проектах.

Рис. 1. Распределение выборки по отраслям

Fig. 1. Distribution of the Sample by Industry

Источник: выборка для диаграммы сформирована авторами

Согласно диаграмме, реже всего подход бережливого производства применялся в отраслях связи, транспорта, а также в группе «Другое», куда вошли сельское хозяйство, оптовая и розничная торговля, образование, а также в финансовая и страховая деятельность. Это, однако, не означает, что в этих отраслях не применялась методология бережливого производства. Напротив, есть яркий пример внедрения бережливого производства в финансовом секторе — экосистема SBER. Это можно объяснить тем, что бережливое приложение в сфере услуг происходит с некоторым запаздыванием. С тех пор специалисты обрабатывающих производств, в частности машиностроения, металлообработки, уже получили знания о методах бережливого производства во время обучения на программах бакалавриата. В ходе последующего анализа мы сосредоточили внимание на обрабатывающих отраслях, перечисленных в разделе, посвященном методологии.

Проверка гипотез с помощью однофакторного дисперсионного анализа показала, что компании различных отраслей начали реализацию Lean в разное время, также отличается состав практик Lean.

Дольше всего концепцию используют отрасли стройматериалов, машиностроения, химическая и электроэнергетики, меньше всего — горное дело и пищевая промышленность. Больше всего инструментов применяется в машиностроении и металлообработке — в среднем 5,4 практики. Следом идут нефтедобыча и нефтепереработка — 5,35 и химическая промышленность — 5,15 практики. Наиболее популярные методы Lean тоже отличаются для различных отраслей, однако можно выделить «фаворитов»: 5S, VSM, SOP, визуализация. Видимо, это связано с тем, что данные инструменты в наибольшей степени ориентированы на практическое применение и могут быть достаточно быстро запущены.

Одним из вопросов, которые мы рассмотрели, было распределение проектов внедрения бережливого производства по годам (см. рис. 2).

Диаграмма косвенно отражает популярность методологии бережливого производства и стадию зрелости проектов, реализуемых в производственных компаниях. Наибольшее количество «пусков» за последние 18 лет пришлось на период с 2007 по 2012 г. На этот период приходится 57% всех «пусков» реализации бережливых проектов. Частично это можно объяснить тем, что после финансового кризиса 2008 г. у компаний появился дополнительный стимул использовать низкоинвестиционные способы повышения эффективности своей операционной деятельности. А с 2012 г. концепция Индустрии 4.0, предполагающая автоматизацию процессов, становится все более популярной и направлена на вытеснение бережливого подхода [12]. Мы неоднократно сталкивались с этим объяснением во время первичной обработки данных, но такая интерпретация снижения популярности методологии бережливого производства среди производственных компаний требует дополнительного изучения.

Количество практик бережливого производства, которые применяются в компании одновременно, представлено на графике (см. рис. 3).

Таблица 1

Характеристика проектов в различных отраслях
Table 1. Project's Characteristics in Different Industries

Отрасль	Среднее время применения Lean (лет)	Среднее количество практик	Наиболее популярные практики
Машиностроение и металлообработка	11,00	5,4	5S, VSM, визуализация
Электроэнергетика	10,79	4,25	5S, SOP
Стройматериалы	11,78	4	5S, VSM, SOP
Химическая промышленность	10,92	5,15	5S, VSM, визуализация, Кайдзен, SOP
Связь	11,00	4	5S, визуализация
Горное дело и металлургия	6,75	4,38	5S, VSM, SOP
Нефтедобыча и нефтепереработка	9,00	5,35	5S, VSM, SOP, визуализация, Кайдзен
Транспорт	9,00	3	5S
Пищевая промышленность	8,10	3,89	5S, SOP
Финансы, кредит и страхование	10,50	2,5	5S, Кайдзен, визуализация
Лесная промышленность	9,40	4	5S
Сельское хозяйство	10,00	5	5S, Кайдзен, SOP, визуализация
Торговля	10,00	4	5S, JIT, VSM, Канбан
Образование	3,00	2	5S, VSM
Легкая промышленность	8,00	2,34	5S, VSM, SOP, визуализация, Канбан
Строительство	1,00	2,5	5S

Источник: составлено авторами

Рис. 2. Количество внедрений проектов Lean по годам

Fig. 2. Number of Lean Project Implementations by Year

Источник: составлено авторами

График показывает, что около 80% всех компаний применяют от трех до семи методов бережливого производства (см. рис. 4).

Как показано на рис. 3, технология 5S применялась практически на всех предприятиях. Обычно это начальная техника, с которой начинается бережливое применение проекта. Второй по популярности практикой было картирование потока создания ценности. В последние годы этот метод становится все более

популярным, потому что, помимо того что он является частью методологии бережливого производства, он успешно применяется для описания и анализа процессов высокого уровня [9]. Более сложные методы и практики, требующие высокого уровня вовлеченности персонала и интенсивной работы команд, такие как Кайдзен и TPM, менее распространены, но все еще довольно популярны. Во время первичной обработки данных мы также выбрали и закодировали начальные цели реализации проекта. В результате мы получили информацию о восьми типах «потерь» (муда), которые выделялись инициаторами проектов в качестве обоснования реализации проектов. На графике (см. рис. 5) показана частота каждого вида потерь. Как можно заметить, основными целями инициаторы проектов выделяли сокращение времени ожидания, отходов и избыточных запасов. К некоторому нашему удивлению, сокращение перепроизводства не было основной целью бережливых проектов, что в определенной степени противоречит теории. Концепция бережливого производства признает перепроизводство основным типом потерь и ведет к появлению других видов потерь. Что является причиной этого? Проанализировав вторичные источники, мы сделали предположение, что это связано с некоторым непониманием концепции бережливого производства среди менеджеров. Иницируя проекты бережливых улучшений, менеджеры обычно ставят очень определенные и до некоторой степени ограниченные цели — сократить время, потери или запасы. Способ такой постановки цели не предполагает обсуждения природы этих потерь и причин их возникновения.

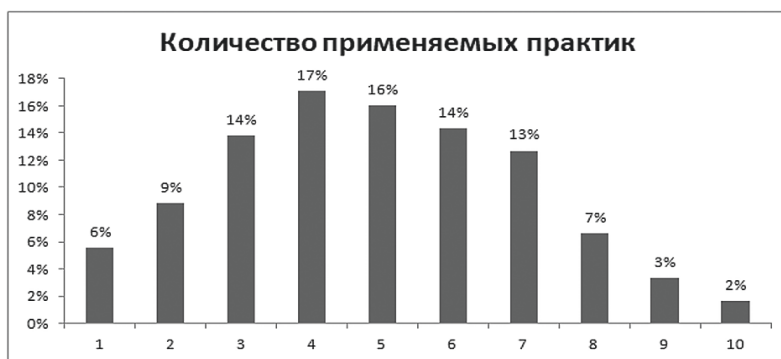

Рис. 3. Количество применяемых практик

Fig. 3. Number of Applied Lean Techniques

Источник: составлено авторами

Рис. 4. Частота применения инструментов

Fig. 4. Lean Technique's Frequency

Источник: составлено авторами

Во время внедрения методов бережливого производства большинство компаний столкнулось с серьезными проблемами, вызванными низкой вовлеченностью персонала и непониманием природы

улучшений. Процедура открытого кодирования позволила выделить основные агрегированные категории барьеров и препятствий для применения бережливых проектов (см. таблицу 1). Наиболее существенной проблемой, с которой столкнулись руководители проектов, были низкая мотивация и низкая вовлеченность персонала, а также их сопротивление изменениям. Практически все компании в той или иной форме указали на этот момент. Чаще среди основных причин низкой мотивации персонала называли неверие в возможные улучшения и безразличие к успеху компании. В большинстве случаев внедрение бережливого производства начиналось с пилотного проекта. Также большинство компаний (60%) отметили, что получили достаточный экономический эффект при реализации бережливых проектов.

Рис. 5. Нацеленность на устранение потерь

Fig. 5. 8 Wastes Objectives Frequency

Источник: составлено авторами

Таблица 2

Характеристика барьеров и препятствий при внедрении проектов Lean

Table 2. Barriers and Obstacles to Implementation the Lean Practices

Сводные категории	Избранные цитаты
Проблемы найма руководителей проектов	Трудности в подготовке руководителей, ответственных за выявление проблем и улучшение процессов Предпочтение формального применения без изменения корпоративной культуры
Сопротивление персонала внедрению бережливого производства и низкая вовлеченность в процесс изменений	Недоверие руководства и персонала к концепции бережливого производства. Сотрудники не верили, что что-то можно улучшить У людей нет логики, которой придерживаются бережливые системы. Мы все думаем и действуем по-разному Из-за неудовлетворительной работы складских помещений и опасения кражи многие рабочие держали все инструменты в собственных шкафах для инструментов, которые были запгерты (5S) Слишком много времени на обслуживание оборудования, много лишних действий сотрудников даже после внедрения 5S Низкая вовлеченность персонала, сопротивление изменениям приводит к необходимости переделывать и реорганизовывать многие вещи несколько раз
Масштабирование пилотного проекта и поддержание на достигнутом уровне производительности	Очень сложно внедрить новую корпоративную культуру в масштабах всей компании. Люди на местах не сразу понимают, что бережливое производство — это задача каждого Сложно поддерживать изменения и распространять их с пилотной площадки по всей операционной системе

Источник: составлено авторами

Результаты проектов, отмеченные на предприятиях, были несколько другого рода.

Характеристика результатов при внедрении проектов Lean

Table 3. Effects and Results of Lean Projects Implementation

Сводные категории	Избранные цитаты
Рост производительности	Только за первый год практически без затрат удалось повысить производительность в четыре раза
	К 2010 г. позволило увеличить плановую мощность производства с 200 до 450–500 оконных конструкций в день без расширения производственных и складских площадей, уменьшив время такта с 180 до 80 секунд, избежать неполной занятости персонала и простоев оборудования, несмотря на сезонность бизнеса
	Производительность труда в подразделениях аэропорта, где активно внедряется бережливое производство, по сравнению с 2008 г. выросла на 40–50%. Улучшились и показатели сервиса: например, в очередях на регистрацию пассажиры стали проводить на 30% меньше времени, чем раньше
Реорганизация производства	Мы создали первую рабочую ячейку, причем выделили под нее самый проблемный продукт, где встречалось больше всего брака, и через два месяца производительность увеличилась более чем в два раза, а количество брака сократилось в два раза. Затем полная перепланировка на заводе — от функциональной планировки к планировке по ячейкам
	По системе «5С» на 2011 г. было оборудовано более 70% рабочих мест
	Выявлено более 1 тыс. ненужных на рабочих местах предметов, на сборочном участке, в результате ликвидации запасов, освобождена значительная часть рабочей территории
	Последние мероприятия быстрых улучшений, которые производились в механическом цехе, позволили сократить на 30% перемещение людей при выполнении операций, на 60% крановых операций
Экономический эффект	На 2015 г. эффект от принятых предложений составил 19 млн руб.
	ВСМПО-Ависма сэкономила 600 млн руб. за 2017 г.
	На 2019 г. для СИБУРа ПСС уже создала дополнительный экономический эффект более 10% от EBITDA, а количество людей, охваченных ею, покрывает всю компанию

Источник: составлено авторами

Заключение

В данной статье на основе данных из вторичных открытых источников мы обобщили реализацию проектов бережливого производства в российских компаниях. Настоящее исследование показало, что методы бережливого производства тесно интегрированы в бизнес-деятельность российских производственных предприятий и доказали свою эффективность. Внедрение бережливых практик идет достаточно широко и дает значительные результаты не только в крупных компаниях, но и в малых и средних предприятиях. Несмотря на ряд впечатляющих примеров, предприятия сферы услуг все еще не активно внедряют методы бережливого производства, так же, как и транспортные или медицинские предприятия. Можно предположить, что пик внедрений в этих отраслях еще впереди. При этом пик запуска бережливых проектов в обрабатывающей промышленности уже пройден в 2011 г. На наш взгляд, это означает, что большинство производственных предприятий уже пытались внедрить бережливые практики.

Большинство компаний одновременно используют от трех до семи инструментов бережливого производства. Среди них наиболее часто используются 5S и VSM. Более сложные методы TPM, Kanban или JIT применяются реже из-за того, что эти инструменты сложнее в реализации и требуют более высокого уровня вовлечения персонала и возможностей низовых команд. Наиболее продвинувшиеся во внедрении Lean — компании отраслей тяжелой промышленности, среди которых: машиностроение и металлообработка, нефтедобыча и нефтепереработка и химическая промышленность. Возможно, это связано с тем, что применение техник бережливого производства в данных отраслях не требует значительной их адаптации, как в случае с компаниями сферы услуг. Основная причина внедрения бережливых проектов — желание повысить операционную эффективность, в том числе: сокращение времени ожидания, повышение качества процессов и продукции, снижения уровня потерь и запасов. При этом сокращение перепроизводства как цель бережливых проектов называют редко. Возможно, это связано с неполным пониманием философии бережливого производства. Частично это подтверждается списком препятствий и проблем, с которыми сталкиваются методы бережливого производства при их внедрении. Среди

них неоднократно указывается низкая мотивация и слабая вовлеченность сотрудников, неверие в возможности улучшений и сложности с отбором руководителей проектов. Важным вопросом также является поддержание и распространение достигнутых результатов пилотных проектов на всю операционную систему. Компании, которые ожидаемо добились положительных результатов, продолжают внедрять бережливые методы в свою деятельность. Отметим, что выбранная методика исследования имеет свои ограничения, которые влияют на результаты. Из-за использования вторичных источников не все производственные компании, практикующие бережливые проекты, были включены в нашу выборку. У вторичных источников есть свои ограничения, в том числе надежность данных, информация из вторичных источников трудно поддается проверке, они не лишены субъективной оценки авторов, поскольку изначально не создавались для обобщения. Наши результаты не отражают все проекты бережливого производства в обрабатывающих отраслях в России. Вместе с тем считаем, что описанные результаты исследования будут интересны также и в других странах ЕАЭС. Дальнейшее развитие нашего исследования предполагает подтверждение с использованием информации, полученной от инсайдеров.

Литература

1. Иудина С., Гарифуллина М., Серикова Н. Тенденции развития корпоративных организационных и управленческих инноваций в России и принципы бережливого производства // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Т. 6. № 3. С. 492–498. <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n3p492>
2. Пахомова Ж., Суверин Р., Скрыцына Ю. [и др.] Ресурсосберегающие технологии в здравоохранении. первый опыт работы по проекту «Бережливая поликлиника» // Сборник статей VI Международной научно-практической конференции 2019. С. 160–164.
3. Смирнов С., Мочалина Е., Иванкова Г. [и др.] Применение методов Индустрии 4.0 в российских промышленных компаниях: качественный подход. В: Роша А., Адели Х., Рейс Л., Костанцо С., Орович И., Мореира Ф. (ред.) Тенденции и инновации в информационных системах и технологиях. *WorldCIST 2020. Достижения в области интеллектуальных систем и вычислений*. Т. 1159. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-45688-7_58
4. Alefari M., Salonitis K. & Xu Y. The Role of Leadership in Implementing Lean Manufacturing // *Procedia CIRP*. 2017. No. 63. P. 756–761. <https://doi.org/10.1016/j.procir.2017.03.169>
5. Al-Hyari K., Abu Hammour S., Abu Zaid M. [et al.] The Impact of Lean Bundles on Hospital Performance: Does Size Matter? // *International Journal of Health Care Quality Assurance*. 2016. Vol. 29. No. 8. P. 877–894. <https://doi.org/10.1108/IJHCQA-07-2015-0083>
6. Babalola O., Ibem E. O. & Ezema I. C. Implementation of Lean Practices in the Construction Industry: A Systematic Review // *Building and Environment*. 2019. No. 148. P. 34–43. <https://doi.org/10.1016/j.buildenv.2018.10.051>
7. Chakraborty and Leyer M. Developing a Six Sigma Framework: Perspectives from Financial Service Companies // *International Journal of Quality & Reliability Management*. 2013. Vol. 30. No. 3. P. 256–279. <https://doi.org/10.1108/02656711311299836>
8. De Koning H., De Mast J., Does R. [et al.] Generic Lean Six Sigma Project Definitions in Financial Services // *Quality Management Journal*. 2008. Vol. 15. No. 4. P. 32–45. <https://doi.org/10.1080/10686967.2008.11918203>
9. Dumas M., La Rosa M., Mendling J. [et al.] *Fundamentals of Business Process Management*. 2nd Ed. Springer. 2018.
10. Kaizen Barometer [Электронный ресурс]. KAIZEN Institute 2021. URL: <https://algorithminfo.ru/95-programm-lean-neuspeshny/> (дата обращения: 25.01.2021).
11. Li S., Fang Y. & Wu X. A Systematic Review of Lean Construction in Mainland China // *Journal of Cleaner Production*. 2020. Vol. 257. Issue 15. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.120581>
12. Panwar A., Jain R., Rathore A. [et al.]. The Impact of Lean Practices on Operational Performance — an Empirical Investigation of Indian Process Industries // *Production Planning & Control*. 2017. Vol. 29. No. 2. P. 158–169. <https://doi.org/10.1080/09537287.2017.1397788>

13. Pinto M. Junior and J. Mendes. Operational Practices of Lean Manufacturing: Potentiating Environmental Improvements // *Journal of Industrial Engineering and Management*. 2017. Vol. 10. No. 4. P. 550. <https://doi.org/10.3926/jiem.2268>
14. Ramakrishnan V., Jayaprakash J., Elanchezhian C. [et al.] Implementation of Lean Manufacturing in Indian SMEs-A Case Study // *Materials Today: Proceedings*. 2019. Vol. 16. P. 1244–1250. <https://doi.org/10.1016/j.matpr.2019.05.221>
15. Salonitis K. & Tsinopoulos C. Drivers and Barriers of Lean Implementation in the Greek Manufacturing Sector // *Procedia CIRP*. 2016. No. 57. P. 189–194. <https://doi.org/10.1016/j.procir.2016.11.033>
16. Secchi R. & Camuffo A. Lean Implementation Failures: The Role of Organizational Ambidexterity // *International Journal of Production Economics*. 2019. No. 210. P. 145–154. <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2019.01.007>
17. Shah R., Ward P. Lean Manufacturing: Context, Practice Bundles, and Performance // *Journal of Operations Management*. 2002. Vol. 21. No. 2. P. 129–149. [https://doi.org/10.1016/S0272-6963\(02\)00108-0](https://doi.org/10.1016/S0272-6963(02)00108-0)
18. Stimec A., Grima F. The Impact of Implementing Continuous Improvement Upon Stress within a Lean Production Framework // *International Journal of Production Research*. 2018. Vol. 57. No. 5. P. 1590–1605. <https://doi.org/10.1080/00207543.2018.1494391>
19. Terra J., Berssaneti F. Application of Lean Healthcare in Hospital Services: A Review of the Literature (2007 to 2017) // *Production*. 2018. No. 28. <http://dx.doi.org/10.1590/0103-6513.20180009>
20. Venkat Jayanth B., Prathap P., Sivaraman P. [et al.] Implementation of Lean Manufacturing in Electronics Industry // *Materials Today: Proceedings*. 2020. Vol. 33. P. 23–28. <https://doi.org/10.1016/j.matpr.2020.02.718>

Об авторах:

Смирнов Сергей Анатольевич, доцент кафедры экономики предприятия, предпринимательства и инноваций Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук;
e-mail: s.a.smirnov@spbu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8311-2208>

Сорокин Глеб Сергеевич, магистрант Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: st055140@student.spbu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2734-0668>

References

1. Iudina S., Garifullina M., Serikova N. Trends in Development of Corporate Organizational and Managerial Innovations in Russia and the Principles of Lean Production. *Mediterranean Journal of Social Sciences* [Mediterranean Journal of Social Sciences]. 2015; 6 (3): 492–498. (In Rus.) <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n3p492>
2. Pakhomova J., Suverin R., Skrycyna Y. [et al.] Resource-saving Technologies of Healthcare. The First Experience of “Lean Polyclinics” Work. Proceedings of the VI International scientific and practical conference. 2019. P. 160–164. (In Rus.)
3. Smirnov S., Mochalina E., Ivankova G. [et al.] Application of Industry 4.0 Methods in Russian Industrial Companies: A Qualitative Approach. In: Rocha Á., Adeli H., Reis L., Costanzo S., Orovic I., Moreira F. (eds) Trends and Innovations in Information Systems and Technologies. WorldCIST 2020. Advances in Intelligent Systems and Computing. Vol. 1159. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-45688-7_58
4. Alefari M., Salonitis K. & Xu Y. The Role of Leadership in Implementing Lean Manufacturing. *Procedia CIRP*. 2017; (63): 756–761. <https://doi.org/10.1016/j.procir.2017.03.169>
5. Al-Hyari K., Abu Hammour S., Abu Zaid M. [et al.] The Impact of Lean Bundles on Hospital Performance: Does Size Matter? *International Journal of Health Care Quality Assurance*. 2016; 29 (8): 877–894. <https://doi.org/10.1108/IJHCQA-07-2015-0083>

6. Babalola O., Ibem E. O. & Ezema I. C. Implementation of Lean Practices in the Construction Industry: A Systematic Review. *Building and Environment*. 2019; (48): 34–43. <https://doi.org/10.1016/j.buildenv.2018.10.051>
7. Chakraborty and Leyer M. Developing a Six Sigma Framework: Perspectives from Financial Service Companies. *International Journal of Quality & Reliability Management*. 2013; 30 (3): 256–279. <https://doi.org/10.1108/02656711311299836>
8. De Koning H., De Mast J., Does R. [et al.] Generic Lean Six Sigma Project Definitions in Financial Services. *Quality Management Journal*. 2008; 15 (4): 32–45. <https://doi.org/10.1080/10686967.2008.11918203>
9. Dumas M., La Rosa M., Mendling J. [et al.] Fundamentals of Business Process Management. 2nd Ed. Springer. 2018.
10. Kaizen Barometer [Electronic resource]. KAIZEN Institute 2021. URL: <https://algorithminfo.ru/95-programm-lean-neuspeshny/> (accessed: 25.01.2021).
11. Li S., Fang Y. & Wu X. A Systematic Review of Lean Construction in Mainland China. *Journal of Cleaner Production*. 2020; 257 (15). <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.120581>
12. Panwar A., Jain R., Rathore A. [et al.]. The Impact of Lean Practices on Operational Performance — an Empirical Investigation of Indian Process Industries. *Production Planning & Control*. 2017; 29 (2): 158–169. <https://doi.org/10.1080/09537287.2017.1397788>
13. Pinto M. Junior and J. Mendes. Operational Practices of Lean Manufacturing: Potentiating Environmental Improvements. *Journal of Industrial Engineering and Management*. 2017; 10 (4): 550. <https://doi.org/10.3926/jiem.2268>
14. Ramakrishnan V., Jayaprakash J., Elanchezian C. [et al.] Implementation of Lean Manufacturing in Indian SMEs-A Case Study. *Materials Today: Proceedings*. 2019; 16: 1244–1250. <https://doi.org/10.1016/j.matpr.2019.05.221>
15. Salonitis K. & Tsinopoulos C. Drivers and Barriers of Lean Implementation in the Greek Manufacturing Sector. *Procedia CIRP*. 2016; (57): 189–194. <https://doi.org/10.1016/j.procir.2016.11.033>
16. Secchi R. & Camuffo A. Lean Implementation Failures: The Role of Organizational Ambidexterity. *International Journal of Production Economics*. 2019; (210): 145–154. <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2019.01.007>
17. Shah R., Ward P. Lean Manufacturing: Context, Practice Bundles, and Performance. *Journal of Operations Management*. 2002; 21 (2): 129–149. [https://doi.org/10.1016/S0272-6963\(02\)00108-0](https://doi.org/10.1016/S0272-6963(02)00108-0)
18. Stimec A., Grima F. The Impact of Implementing Continuous Improvement Upon Stress within a Lean Production Framework. *International Journal of Production Research*. 2018; 57 (5): 1590–1605. <https://doi.org/10.1080/00207543.2018.1494391>
19. Terra J., Berssaneti F. Application of Lean Healthcare in Hospital Services: A Review of the Literature (2007 to 2017). *Production*. 2018; (28). <http://dx.doi.org/10.1590/0103-6513.20180009>
20. Venkat Jayanth B., Prathap P., Sivaraman P. [et al.] Implementation of Lean Manufacturing in Electronics Industry. *Materials Today: Proceedings*. 2020; 33: 23–28. <https://doi.org/10.1016/j.matpr.2020.02.718>

About the authors:

Sergey A. Smirnov, Associate Professor of the Department “Economics of Enterprise, Entrepreneurship and Innovation”, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; e-mail: s.a.smirnov@spbu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8311-2208>

Gleb S. Sorokin, Graduate Student of St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: st055140@student.spbu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2734-0668>

К 40-летию принятия Конвенции ООН по морскому праву¹

Роль цифровой трансформации в борьбе с преступностью на море

Кириленко В. П.^{*}, Алексеев Г. В.

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^{*} e-mail: v.vvaas@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4445-1682>

РЕФЕРАТ

Борьба с преступностью на море предполагает создание современной системы безопасности в морских портах, территориальном море и прилежащей зоне на всем протяжении транспортных коридоров в условиях интенсивного судоходства.

Цель. Оценка влияния цифровой трансформации на борьбу с преступностью на море.

Задачи. Во-первых, охарактеризовать воздействие цифровых технологий на характер пиратских нападений и других морских правонарушений, которые являются актуальными угрозами для морской инфраструктуры. Во-вторых, проанализировать влияние современных мер по борьбе с морской преступностью на экономику морских портов, судоходных компаний и других субъектов морского бизнеса. В-третьих, рассмотреть роль администрации морского порта и частных военных компаний в борьбе с правонарушениями на море.

Методология. Исследование проводится формально-правовой и сравнительно-правовой методикой с применением обзорно-аналитического подхода.

Результаты. Анализ данных показывает, что администрации морских портов заинтересованы в оптимизации затрат на безопасность за счет создания удобной цифровой системы управления приморской инфраструктурой. Системы безопасности и логистические решения зависят от эффективности цифровых технологий, внедряемых в интересах обеспечения безопасности мореплавания. Конвенция по охране человеческой жизни на море (СОЛАС-74/88), дополненная Международным кодексом безопасности судов и портовых средств (ISPS) в 2004 г., предусматривает универсальную систему морской безопасности, вместе с тем имплементации этих норм в ряде регионов Мирового океана недостаточно для нейтрализации приморских криминальных угроз.

Выводы. В условиях цифровизации меры по борьбе с преступностью на море приводят к значительным затратам, так как требуют сложной технологической инфраструктуры на судах и в портах. Нормы морского права, нацеленные на борьбу с пиратством и контрабандой, следует имплементировать на национальном уровне с учетом социально-экономических особенностей развития приморской инфраструктуры. Поскольку негативные экономические тренды влекут за собой рост криминальной активности, постольку в борьбе с пиратством и контрабандой не следует приносить в жертву экономические интересы субъектов торгового мореплавания.

Ключевые слова: безопасность, пиратство, контрабанда, терроризм, ЮНКЛОС, СОЛАС, портовый контроль

Для цитирования: Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Роль цифровой трансформации в борьбе с преступностью на море. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2022;16(4): 68-81. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-68-81>

¹ Конвенция ООН по морскому праву была подписана в ямайском городе Монтего-Бей 10 декабря 1982 г. Вступив в силу 16 ноября 1994 г., Конвенция приобрела универсальный императивный характер, ее текст ратифицирован 168 участниками и приобрел широкую известность в качестве конституции морей. (The UN Convention on the Law of the Sea was signed in the Jamaican city of Montego Bay December 10, 1982. Having entered into force on November 16, 1994, the Convention acquired a universal imperative character, its text was ratified by 168 parties and became widely known as the constitution of the seas.)

The Role of the Digital Transformation in the Fight against Crime at Sea

Viktor P. Kirilenko*, Georgy V. Alekseev

North-West Institute of Management of RANEP, Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: v.vvaas@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4445-1682>

ABSTRACT

Crime control at the sea involves public activities to create a modern security system in seaports, at the territorial sea and the adjacent zone throughout the sea corridors, as well as in the open sea on sea routes with intensive shipping.

Aim. Impact assessment of digital transformation on maritime crime control.

Tasks. Firstly, to characterize the impact of digital technologies on the nature of pirate attacks and other maritime offenses, which are actual threats to the maritime infrastructure. Secondly, to analyze the impact of modern measures to combat maritime crime on the economy of seaports, shipping companies and other maritime business entities. Thirdly, to demonstrate the role of the seaport administration and private military companies in the fight against offenses at sea.

Methods. The study is carried out by formal legal and comparative legal methodology using a review-analytical approach.

Results. Data analysis shows that the administrations of seaports are interested in optimizing security costs by creating a convenient digital management system for the coastal infrastructure. Security systems and logistics solutions depend on the effectiveness of digital technologies implemented in the interests of ensuring the safety of navigation. The Convention for the Safety of Human Life at Sea (SOLAS-74/88), supplemented by the International Ship and Port Facility Security Code (ISPS) in 2004, provides for a universal maritime security system, however, the implementation of these standards in a number of regions of the World Ocean is not enough to neutralize coastal criminal threats.

Conclusion. In the context of digitalization, measures to combat crime at sea lead to significant costs, as they require complex technological infrastructure on ships and in ports. The norms of the law of the sea aimed at combating piracy and smuggling should be implemented at the national level, taking into account the socio-economic features of the maritime infrastructure development. Since negative economic trends entail an increase in criminal activity, the economic interests of commercial shipping entities should not be sacrificed in the fight against piracy and smuggling.

Keywords: security, piracy, smuggling, terrorism, UNCLOS, SOLAS, port control

For citing: Kirilenko V. P. , Alekseev G. V. The Role of the Digital Transformation in the Fight against Crime at Sea. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2022;16(4): 68-81. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-68-81>

Введение

Президент Российской Федерации В. В. Путин принял участие в Дебатах высокого уровня в Совете безопасности ООН по морской безопасности 9 августа 2021 г. и предложил создать специальную структуру в ООН по борьбе с морской преступностью, отметив, что «было бы полезно на регулярной основе осуществлять обмен наработками и наилучшими практиками противодействия пиратству, вооруженному разбою и другой криминальной активности на море»¹. Такая инициатива во многом определяется тем, что, несмотря на усилия Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) при реализации

¹ Дебаты высокого уровня в Совбезе ООН по морской безопасности. 9 августа 2021 года, Московская область, Ново-Огарево [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.special.kremlin.ru/events/president/transcripts/66352> (дата обращения: 01.11.2022).

Глобальной программы по борьбе с морской преступностью (Global Maritime Crime Programme)¹, отмечается значительный рост преступной активности, направленной против интересов субъектов торгового мореплавания.

Комитет по безопасности на море Международной морской организации (ИМО) принял Резолюцию MSC.428 (98) — Управление киберрисками на море в системах управления безопасностью — 16 июня 2017 г. Это произошло после того, как семнадцать из 76 грузовых терминалов Maersk были заражены компьютерным вирусом NotPetya. Ущерб составил около 300 млн евро. В 2018 г. порты Барселоны и Сан-Диего подверглись кибератакам. В 2020 г. австралийская логистическая группа Toll Group дважды была атакована хакерами². Около 64% морских компаний, опрошенных в 2020 г. журналом Safety at Sea magazine и BIMCO в исследовании Maritime Cybersecurity Survey, заявили, что у их компаний есть план обеспечения непрерывности бизнеса на случай кибер-инцидента³.

Концепция морской безопасности сильно изменилась после 11 сентября 2001 г. После теракта на XXII сессии Ассамблеи Международной морской организации (ИМО) было единогласно принято решение разработать новые меры по защите судов и портовых сооружений. Международный кодекс безопасности судов и портовых средств (ISPS Code) от 1 июля 2004 г. является поправкой к Конвенции по охране человеческой жизни на море (СОЛАС) 1974/1988 и включает в себя всеобъемлющий перечень мер по повышению безопасности судов и портовых средств. Хотя противодействие террористическим угрозам остается важной частью безопасности на море, очевидно, что в тени террористической угрозы цифровая трансформация вызвала к жизни новые экономические и криминальные вызовы для морской отрасли [33; 40].

Конвенция ООН по морскому праву (UNCLOS) 1982 г. для эффективной борьбы с морской преступностью предусматривает ряд юридических запретов: на перевозку рабов (ст. 99), незаконную торговлю наркотиками или психотропными веществами (ст. 108), несанкционированное вещание из открытого моря (ст. 109), а также устанавливает обязанность сотрудничать в пресечении пиратства (ст. 100), Конвенция дает определение пиратству (ст. 100) и в определенной степени регулирует порядок пресечения угрозы пиратских нападений (ст. 101–107). Очевидно, что за сорок лет, прошедших с момента подписания Конвенции ООН по морскому праву, изменилась не только структура морской преступности, но и актуализировались принципиально новые угрозы, связанные с цифровой трансформацией приморской инфраструктуры и судоходства.

Криминогенные угрозы в условиях цифровой трансформации мореплавания

В условиях цифровизации юридический формализм как рациональная правовая основа обеспечения безопасности судоходства может вступать в противоречие с экономическими интересами морских транснациональных корпораций. Кодекс ISPS 2004 г. предписывает правительствам, судоходным компаниям, судовому персоналу и персоналу портов обязанности «обнаруживать угрозы безопасности и принимать превентивные меры против инцидентов безопасности, затрагивающих суда или портовые сооружения, используемые в международной торговле». В дополнение к новым правилам, включенным в главу XI-2 СОЛАС-74, и частям А и В Кодекса ISPS дипломатическая конференция приняла поправки к существующим правилам СОЛАС-74, способствующие ускорению выполнения требований по оснащению судов системами автоматической идентификации, а также новые правила для включения в главу XI-1 СОЛАС-74, касающуюся идентификационных номеров судов и необходимости ведения журнала непрерывной регистрации истории судна. Все эти меры по-разному сказываются на экономической безопасности субъектов торгового мореплавания.

¹ Maritime Crime [Электронный ресурс] // United Nations. URL: <https://www.unodc.org/unodc/ru/piracy/index.html> (дата обращения: 01.11.2022).

² AMMITEC. Empirical Analysis of Cyber Security Maturity in the Maritime Industry. 2021 [Электронный ресурс] // Association of Maritime Managers in Information Technology & Communications. URL: <https://smartmaritimemetwork.com/wp-content/uploads/2021/07/AMMITEC-Cyber-Security-Survey-2021.pdf> (дата обращения: 01.11.2022).

³ Maritime Cyber Survey 2018 — the results. Cyber Security Survey Shows More Action is Needed in the Industry. 2018 [Электронный ресурс] // BIMCO. URL: <https://www.bimco.org/news/priority-news/20180924-cyber-security-survey> (дата обращения: 01.11.2022).

Система безопасности морских портов включает в себя организационные меры и технические средства. Небрежность и попустительство в морской среде, где принято полагаться на цифровые технологии, могут привести к инцидентам, не менее разрушительным, чем пиратские нападения и террористические акты. Взрывы в порту Бейрута (Ливан) 4 августа 2020 г., в результате которых погибло 210 чел., около 300 тыс. жителей остались без крова, были связаны с нарушением правил хранения в районе порта около трех кило тонн нитрата аммония, конфискованного с судна *Rhosus* в 2013 г. Отсутствие эффективной системы государственного контроля за операциями в морском порту привело не только к социально-экономическим потерям и тяжелому политическому кризису в Ливане, но и способствовало росту массового психоза в информационном пространстве. Взрыв в Бейрутском порту и его последствия для жизни граждан оказали негативное влияние на экономику и архитектуру города [34].

Сегодня цифровая среда российских портов стремительно развивается, но этого недостаточно для достижения конкурентных позиций по сравнению с иностранными портами [14; 42]. В начале процесса цифровизации морских портов в 1993 г. беспилотные транспортные средства впервые были использованы для обработки контейнеров в порту Роттердама. Сегодня там автоматизированные беспилотные железнодорожные козловые краны (ARMGs) и беспилотные управляемые транспортные средства (AGV) широко используются для горизонтальной передачи контейнеров с причала [17; 37].

В современной доктрине морской безопасности «порты — это многоуровневые лиминальные (транзитные. — *Примеч. авт.*) пространства. С одной стороны, они являются воротами в город, а с другой — обеспечивают выход к морю» [40, с. 49]. Таким образом, к коммерческим операциям внутри порта должны применяться как нормативные акты прибрежных государств, так и положения международного права. Если «морские порты являются динамичными пространствами, где как законные, так и незаконные операторы и пользователи стремятся извлекать выгоду из социальных, политических, экономических и технологических изменений, чтобы оставаться конкурентоспособными» [40, с. 111], то конкурентные преимущества портовых услуг являются частью системы безопасности только потому, что риски криминализации и банкротства рассматриваются как главная угроза для всех субъектов морского бизнеса.

Цифровизация действительно «выводит морскую отрасль за ее традиционные пределы и предоставляет множество новых возможностей для повышения производительности, эффективности и устойчивости логистики» [27]. С одной стороны, парадигмы «умных портов» и «беспилотного судоходства» могут предоставить новые возможности для бизнеса в морской отрасли, и во многом справедливо, что «концепция „умных портов“ ... направлена на внедрение современных информационных технологий для обеспечения лучшего планирования и управления внутри портов и между ними» [27]. С другой стороны, в некоторых случаях цифровая среда в морском порту и на судах может вызвать значительные проблемы с безопасностью из-за эксплуатационных расходов на компьютерное программное обеспечение, низкого уровня ответственности за решения искусственного интеллекта и возможностей для использования злоумышленниками цифровых технологий при подготовке традиционных правонарушений на море: морского грабежа и пиратских нападений, которые были всесторонне исследованы профессором В. Ф. Сидорченко [9; 10; 11; 12]. Очевидно, что цифровые технологии в морском порту направлены на международное сотрудничество в борьбе с преступностью, так как «терроризм и пиратство на морском транспорте чаще всего являются преступлениями международного характера...» [3].

Ученые из Восточной Европы Адриана Агатиц (Adrijana Agatić) и Инес Коланович (Ines Kolanović) последовательно доказывают, что «поскольку качество обслуживания в морских портах не является предписанным и строго определенным, следует учитывать важность цифровизации, которая включает в себя пересмотр факторов качества обслуживания в морских портах» [15], а также потому, что «ведущие морские порты мира, особенно ведущие европейские морские порты, признали возможности цифровых технологий в предоставлении качественных услуг морского порта», их администрации инвестируют во внедрение «цифровых технологий в морскую логистику» [15; 17; 26]. Если цифровые технологии могут повысить безопасность и эффективность операций в морских портах и за их пределами, то «различия в уровне развития конкретной страны влияют на качество внедрения новых технических и технологических достижений, что приводит к разным уровням цифровизации каждого конкретного морского порта» [34].

Нет сомнений в том, что «цифровая трансформация ... требует внедрения новых методов, моделей и инструментов и часто подразумевает новые подходы, бизнес-модели и новые навыки, которые помогут транспортным компаниям и заинтересованным сторонам морских портов оставаться конкурентоспособными в современных условиях, добиваться роста и отражать конкурентные угрозы» [27]. В то время как передовой шведский порт Гетеборг внедряет цифровой инструмент планирования причалов Allberth в работу отдела портового контроля, который теперь принимает все вызовы на объекте, адресованные координаторам по охране на его энергетическом терминале [27], многие другие портовые администрации недооценивают влияние цифровых технологий на современную морскую инфраструктуру [28].

Искусственный интеллект играет все более значительную роль в морских портах. Широко признается, что «морские порты являются наиболее критической точкой в морской логистической цепочке из-за ее мультимодального и сложного характера» [37], где «пространство данных морских портов (Seaport Data Space, SDS), основанное на эталонной архитектурной модели промышленного пространства данных (Industrial Data Space, IDS), обеспечивает безопасное пространство для обмена данными и создает условия для работы умного транспорта на мультимодальном терминале» [Там же, с. 4372]. Сегодня заинтересованные стороны каждого морского порта внедряют «средства IDS для участия в SDS и обмена данными», при этом «архитектура больших данных интегрирована для управления массивными данными, разделяемыми в SDS, и извлечения полезной информации для улучшения процесса принятия решений» [Там же], фактически любая логистическая операция становится частью цифровой среды из морского порта. Такая логика дает администрации порта возможность использовать все системы видеоконтроля как часть инфраструктуры безопасности и предоставлять новые услуги для грузовладельцев.

В ближайшем будущем искусственный интеллект будет управлять логистикой морского порта путем адаптивной оптимизации транспортного пути для оптимального планирования и с целью улучшения выбора маршрута транспорта в акватории порта. Даже на сегодняшний день результаты моделирования показывают, что несколько методов обладают «хорошей адаптивной производительностью и сильной способностью управления оптимизацией маршрутов для оптимального планирования транспортных путей в международных логистических парках прибрежных портов» [41, с. 1125]. Цифровизация и широкий спектр связанных с ней новых технологий «эволюционировали за последнее десятилетие и привели к различным вариантам использования этих технологий с поддержкой данных в различных отраслях, таких как производство, информационные технологии и логистика» [36]. Цифровая среда всегда является результатом государственно-частного партнерства, но использование инфраструктуры общественного контроля в частных целях в некоторых случаях может стать угрозой безопасности.

Приватизация портов может быть представлена как метод повышения их эффективности, однако этот процесс создает и ряд криминогенных факторов. Британский ученый Колин Дэвис (Colin Davis) заметил, что «множество портов и транспортные проблемы во внутренних районах делают приватизацию больше похожей на принятие желаемого за действительное, чем на политику, которая может сработать» [20, с. 154]. С точки зрения безопасности представляется, что тенденция приватизации в морской отрасли может быть опасной для противодействия преступной деятельности и таит в себе некоторые экономические риски. В российских рыночных реалиях низкий уровень государственного участия может быть опасным из-за отсутствия возможности у частной администрации морского порта по противодействию киберпреступности [4]. Морские порты всегда занимают позицию между государственным и частным секторами национальной экономики [43]. В этой ситуации не только искусственному интеллекту, но и администрации порта достаточно трудно решить, каким интересам (частным или общественным) они должны следовать.

Для сохранения статус-кво между государственными и частными интересами при цифровизации морских портов необходимо использовать как негативные, так и позитивные подходы к обеспечению безопасности. Термины «негативная» и «позитивная» безопасность используются норвежским ученым Гунхильд Хогенсен Йорв (Gunhild Hoogensen GjØrv), чтобы внести ясность в ее подход к обеспечению безопасности с участием многих субъектов, который может быть весьма полезен в случае безопасности морских портов. Позитивные перспективы безопасности, которые опираются на ненасильственные ме-

ры, обеспечивают акцент на контексте, ценностях и методах обеспечения безопасности, которые укрепляют доверие, а негативные аспекты безопасности обычно идентифицируются через риски и угрозы защищаемым (часто законом) ценностям [25].

Профессор Ярин Эски (Yarin Eski) из Амстердамского свободного университета (Vrije Universiteit Amsterdam) в своих исследованиях вопросов безопасности на море представляет криминологическое понимание того, как вопросы безопасности и процедуры интегрируются в повседневную жизнь тех, кто защищает промышленные портовые объекты [22; 23]. Его работы на такие темы, как управление безопасностью портов, межведомственная полицейская деятельность, кражи в портах, незаконный оборот наркотиков, контрабанда, работоторговля, терроризм и пиратство, стали существенным вкладом в изучение борьбы с транснациональной преступностью на море. Профессор Эски предлагает этнографический подход к безопасности портов и приморских пространств, и поэтому он продвигает сравнительные исследования в области морской безопасности [22].

Противодействие морской преступности и, в частности, пиратству должно осуществляться с привлечением силовых ведомств. Независимо от географического расположения морского порта кадровая политика является центральным вопросом безопасности на приморских пространствах. Безопасность морского транспорта обеспечивается персоналом, охраной складских помещений в зонах перевалки грузов, морских и речных портов, экипажами судов и т.д. При обеспечении безопасности морского транспорта учитывается тот факт, что пираты и морские террористы, скорее всего, являются профессиональными моряками с военной подготовкой [40]. Криминальные структуры на море в основном интересуются экономической уязвимостью инфраструктуры, то есть они ориентированы на кражу груза (а иногда и судна) для их последующей перепродажи или требования выкупа.

Преступность в морских портах развивающихся государств

Морские порты как часть структуры морского транспорта не только играют роль «интерфейсов» между сухопутными перевозчиками и судами, они также обеспечивают безопасность на определенном участке транспортной инфраструктуры [18; 26]. Морские порты становятся местом ведения бизнеса для многих компаний и бизнес-структур. Большинство стивидорных компаний являются акционерными предприятиями, которые обеспечивают все операции по приему и отправке грузов, перевозимых морскими транспортными судами. Ввиду неизбежной цифровизации коммерческой документации внедрение мер защиты информации в цифровую среду морского порта является краеугольным камнем современной безопасности на море.

Наблюдение за управлением портами развивающихся государств показывает участие целого ряда различных коммерческих субъектов в обеспечении безопасности портов и морских границ. Например, тематическое исследование системы управления в порту Момбаса показывает «распределение власти между государственными, частными и криминальными интересами» в Кении [30]. Как государственные, так и негосударственные субъекты здесь получают прибыль от организации контейнерного хранения и участвуют в разработке по сути коррупционных правил грузооборота в морских портах [30]. Безопасность морских портов в Гане сталкивается почти с такими же угрозами [21]. Исследование системы безопасности в порту Белаван «демонстрирует важную, хотя и противоречивую роль, которую частные поставщики услуг безопасности играют в управлении безопасностью в Индонезии» [38]. Существует большое количество государственных и негосударственных субъектов, вовлеченных в обеспечение безопасности. Среди субъектов — охранники, нанятые государственным портовым оператором и частными военными и охранными компаниями (ЧВОК). Участие большого количества различных типов государственных и негосударственных учреждений фактически ослабило безопасность в Белаване [38]. Милитаризация охраны порта несет в себе очевидные угрозы формирования пиратского сообщества из числа бывших сотрудников ЧВОК.

Исследование приватизации портов Нигерии показывает, что финансовые проблемы приводят к снижению уровня безопасности [16]. Негосударственные учреждения вовлечены в портовый бизнес,

чтобы снизить стоимость портовых услуг для заинтересованных сторон, снизить затраты правительства на поддержку портового сектора и привлечь участие частного бизнеса. Хотя конкретные меры по цифровой трансформации мореплавания указывают на последовательный рост технической эффективности, «есть некоторые проблемы, которые влияют на работу портов: высокие портовые сборы, задержки в оформлении грузов, многократное налогообложение и развитие интермодальных перевозок» [16]. Управление тайваньскими торговыми портами приводит к значительно высокому уровню морских потерь, смертельных исходов и травм в результате аварий на паромов во время экономического спада. Усиление безопасности судоходства в порту связано с действиями администрации морского порта, нацеленными на улучшение экономики, так как логистические проблемы в судоходной отрасли стимулируют руководство порта к рискам. На практике приходится, например, «разрешать погрузку и разгрузку небольших судов, которые не соответствуют стандарту причала» [31, с. 201].

Во время любого экономического кризиса отрасль морских портов сталкивается с перебоями в торговой активности и угрозами мобильности. Угрозы конкурентным преимуществам порта вовлекают множество негосударственных субъектов в систему безопасности порта и создают значительные, но не критические угрозы безопасности мореплавания. В случае экономического спада активизируются криминальные структуры, портовая инфраструктура остается на низком уровне безопасности и угрозы криминализации постоянно растут.

Кризис, с которым столкнулся морской бизнес в связи с пандемией коронавирусной инфекции Covid-19, подтверждает взаимосвязь экономической эффективности и безопасности мореплавания. В результате пандемии пострадали многие секторы мировой экономики, и международное судоходство не стало исключением. Поскольку морские суда в ходе своей деятельности заходят в иностранные порты, «цепная реакция» закрытия портов прибрежными государствами вызвала проблемы как для судовладельцев, так и для людей на борту (членов экипажа и пассажиров), а также для работников морских портов. Пассажирские круизные лайнеры, которым власти иностранных портов стали отказывать в заходе и высадке пассажиров, ощутили на себе особенно серьезные последствия карантина в иностранных портах. Хотя практика иностранных и российских портов в условиях пандемии может существенно отличаться даже в пределах одного и того же прибрежного государства [2], в целом пандемия отрицательно сказалась на экономическом аспекте портовой безопасности.

Российская морская отрасль как часть мировой морской экономики переживала стагнацию с начала пандемии, а затем впала в рецессию. При пандемии Covid-19 закрытие портов вызвало беспрецедентный гуманитарный кризис на море. В качестве угрозы безопасности широко рассматриваются несоответствия в объективной и юридической реальности. Так, в частности, «в то время как лицам, находящимся на море, предоставляется значительная защита прав в международном праве, права и обязанности государств часто вступают в противоречие, в результате чего лица, находящиеся на море, могут оказаться в чем-то вроде правового вакуума» [24], данные обстоятельства подтверждаются также и стратегическим отчетом Росморпорта за 2020 г.¹

Некоторые меры безопасности могут зависеть от профиля морского порта. Риски экологической преступности, связанной с загрязнением Мирового океана, имеют особое значение при транспортировке нефтепродуктов. Результаты статистических данных о пожарах на угольных предприятиях позволяют определить величину потенциального риска в морском порту с комбинированными складами нефти и угля [7]. Такие меры безопасности, как способы безопасной эвакуации людей с судов, пришвартованных у пассажирских причалов, важны в транзитных портах, которые несут высокий уровень террористической угрозы [32]. Высоки риски для пассажирских портов, так как «современные пираты, например сомалийские, как бы вернулись к античному спасанию “по-пиратски”, поскольку они, захватывая людей и имущество, не присваивают их, а обменивают на денежный выкуп...» [12, с. 90].

Безопасность морских портов всегда находилась под угрозой проникновения, манипуляций и использования контрабандистами наркотиков, похитителями грузов, пиратами, преступными организаци-

¹ Strategic Report 2020 [Электронный ресурс] // РОСМОРПОРТ. URL: <https://www.rosmorport.ru/about/disclosure/report/presentation/strategicheskii-otchet/index.html> (дата обращения: 01.11.2022).

ями и террористами. Целями этих преступных элементов являются терминалы, суда, грузы, контейнеры, оборудование и персонал [9; 10; 33]. Цифровизация отрасли морских портов вызвала к жизни новые угрозы безопасности, такие как кибератаки и нарушения логистики в результате использования информационных технологий криминальными структурами. Меняющийся технологический уклад всегда требует особых усилий, направленных на поддержание квалификации персонала, доверия клиентов, предотвращения контрабанды и грабежа [39; 40]. Секьюритизация таких усилий является частью портовой инфраструктуры и системы безопасности морских портов в эпоху цифровых технологий.

Цифровые технологии в борьбе с преступностью на море

В морском праве «безопасность портов является краеугольным камнем для внедрения нового международного режима безопасности на морском транспорте в том, что касается защиты пользователей портов и морских коридоров, а также защиты морских судов» [17]. В Европейском союзе Кодекс ISPS имплементирован посредством Регламента 725/2004, который был последовательно распространен на все портовые зоны ЕС Директивой 2005/65/СЕ. В соответствии с Директивой все морские порты Европейского союза, действующие в соответствии с национальным законодательством, признаются важнейшими интермодальными узлами в сети грузовых и пассажирских перевозок, а также становятся компьютеризированными пунктами пограничного контроля [Там же].

Цифровизация торговли привела к изменению масштаба морского бизнеса, что нарушило баланс сил между компаниями, занимающимися онлайн контейнерными морскими перевозками, и логистической цепочкой, проходящей через европейские морские порты. Крупнейший порт Европы в Роттердаме в настоящее время активно использует цифровые решения, но все еще есть коррумпированные «сотрудники, которые сыграли определенную роль в незаконной торговле наркотиками, будучи вовлеченными в так называемые случаи грабежа» [23, с. 371]. Цифровые технологии позволяют операторам составлять расписание погрузки и отправления судов [19], но они не в состоянии остановить преступную деятельность. Правовые нормы по безопасности на море, в частности Инициатива по безопасности контейнеров (CSI), оказывают влияние на конкуренцию на рынке морских перевозок, однако все инициативы по обеспечению безопасности в морских портах ЕС [44] имеют региональную специфику и практически не действуют вне юрисдикции ЕС.

Для любого морского предприятия криминализация бизнеса, пиратство и нарушение логистики могут стать критическими угрозами. Хотя преступность широко признана угрозой общественной безопасности, а экономика портов, морских перевозчиков и рыболовных предприятий может выглядеть как проблема частного характера, сравнительные исследования показывают, что промышленный спад всегда способствует росту организованной преступности. Таким образом, благополучие морских предприятий — это залог эффективного противодействия критическим криминогенным угрозам на море.

Итальянский профессор криминологии Анна Серджи (Anna Sergi) в своем исследовании системы защиты морских портов от контрабанды наркотиков доказывает, что «роли при импорте и методы обеспечения безопасности меняются постоянно и быстро» [39]. Цифровизация морской отрасли делает актуальным наиболее типичное виртуальное преступление — мошенничество в форме злоупотребления доверием [4] — почти таким же опасным, как и пиратство. Поскольку угрозы безопасности в морском порту не ограничиваются контрабандой и кражами, существует высокий потенциальный риск политической преступной деятельности. Предотвращение проникновения экстремистов в отрасль является эффективной мерой борьбы с морским терроризмом и оказывает благотворное влияние на национальную и международную безопасность [6]. Особое внимание следует уделять психическому здоровью моряков, поскольку хорошо известно, что исполнители терактов — это слабые личности, страдающие синдромом расширенного самоубийства, заинтересованные в общественном внимании к себе [5].

Любые инициативы в области транспортной безопасности встречали большую критику в России из-за высокой стоимости новых мер, направленных на предотвращение морских террористических атак. На практике финансовые ресурсы для цифровизации были перераспределены из области обеспечения

безопасности судоходства и предотвращения производственного травматизма. Криминогенные угрозы для Северного транспортного коридора¹ обусловлены экономическими проблемами морских портов (таких как Диксон и Сабетта) [44] и требуют стратегических решений в области цифровой трансформации морского бизнеса [21].

Если существование морских портов как коммерческих предприятий, работающих с целью получения прибыли, является частью национальной политики, то «разработка и внедрение новых технологий, автоматизация и оптимизация логистики, погрузочно-разгрузочных работ и других видов экономической деятельности, обеспечивающих рост объемов обработки грузов» [34], являются частью национальной экономической безопасности. При принятии любых решений о безопасности морских маршрутов необходимо оценивать все факторы риска. Практика цифрового рынка показывает, что ошибки в логистике, разгильдяйство и некомпетентность персонала могут быть опаснее терактов и пиратских нападений, а финансовые потери морского предприятия могут привести к его криминализации.

Популярность искусственного интеллекта на море приведет к тому, что рано или поздно цифровые технологии будут использованы в пиратских целях. Вспоминая о том, что «когда их никто не нанимал, этоилыцы (военные, пираты и корсары) начинали грабить соседей по своему собственному выбору и усмотрению» [11, с. 77], можно прогнозировать, что следующий этап активности пиратов будет связан с нерациональным использованием цифровой инфраструктуры морских портов. Как в первой четверти XXI в. внезапно «сотни инцидентов с судами десятков государств в Аденском и Гвинейском заливах, а также в других регионах открытого моря вновь сделали из пиратства одну из главных угроз международной безопасности» [1, с. 149], так и в будущем нас ждут неприятные сюрпризы, но уже с использованием цифровых технологий. И хотя «в настоящее время Организации Объединенных Наций все же удалось снизить количество пиратских нападений на морские суда» [13, с. 86], нет никаких оснований полагать, что пираты не воспользуются в будущем уязвимостью приморской цифровой инфраструктуры.

Заключение

Цифровизация в интересах обеспечения безопасности морских предприятий требует компонента противодействия преступности, в противном случае цифровая среда будет использоваться не только для контрабанды и кибератак, но и для планирования пиратских нападений и террористических актов, совершаемых организованными преступными группами. Безусловно, что для обслуживания судов искусственный интеллект можно считать ключевой технологией, которая способна наладить связь между диспетчерами и докерами, управлять системой распределенного реестра и переводить документооборот судна в электронный вид. Однако при обслуживании пассажирских терминалов и работе с членами экипажа судна сокращение численности портового персонала в результате его замены цифровыми технологиями создает угрозу активизации организованной преступности, поскольку преступники могут проникать на территорию порта, используя уязвимости компьютерных технологий.

В позитивном плане технологии обеспечения безопасности в морских портах могут варьироваться в зависимости от типа рисков, которые являются общими для определенного вида морского бизнеса или локальными криминогенными угрозами. Криминогенные факторы, связанные с цифровизацией морских портов, с точки зрения позитивной безопасности и целей устойчивого развития нейтрализуются в процессе глобальной трансформации приморской экономики, что во многом связано с позитивным влиянием внедрения цифровых технологий на экономику морских предприятий [27; 28; 41].

В негативном аспекте морской безопасности стивидорным компаниям необходимо получить надзорные конкурентные преимущества, чтобы заставить порт работать на полную мощность. При внедрении цифровых технологий главной угрозой являются кибератаки, фишинг и неправомерный доступ к информации [4], так как не только авторизованные пользователи, но и хакеры могут проникнуть в сеть портов, нарушить ее функционирование и спланировать нападения на суда, пассажиров и грузы. Для

¹ Strategic Report 2020 [Электронный ресурс] // РОСМОРПОРТ. URL: <https://www.rosmorport.ru/about/disclosure/report/presentation/strategicheskii-otchet/index.html> (дата обращения: 01.11.2022).

предотвращения правонарушений на море системы управления морским страхованием, судоходными компаниями и портами и должны выстраиваться квалифицированным персоналом с использованием цифровых технологий, которые рассчитаны на угрозы морского терроризма, контрабанды и пиратства.

Литература

1. Варфоломеев А. А. Современное морское пиратство и действующее международное право // Международная жизнь. 2015. № 4. С. 149–162.
2. Гуцуляк В. Н. Правовое регулирование захода торговых судов в иностранные порты в условиях пандемии Covid-19 // Государство и право. 2020. № 7. С. 100–110. DOI: 10.31857/S102694520010654-0
3. Гуцуляк В. Н. Правовые средства борьбы с пиратством и терроризмом на морском транспорте // Транспортное право и безопасность. 2018. № 4 (28). С. 41–44.
4. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Гармонизация российского уголовного законодательства о противодействии киберпреступности с правовыми стандартами Совета Европы // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 6. С. 898–913. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(6).898-913
5. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Экстремисты: преступники и жертвы радикального насилия // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 612–628. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).612-628
6. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Киберпреступность и цифровая трансформация // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 1. С. 39–53. DOI: 10.22394/2686-7834-2021-1-39-53
7. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Противодействие идеологии современного терроризма // Управленческое консультирование. 2018. № 5 (113). С. 8–18. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-5-8-18
8. Кожевин Д. Ф., Поляков А. С., Таранцев А. А. [и др.]. Пожарная безопасность транспортно-перегрузочных комплексов угля, сжиженных углеводородных газов и нефтепродуктов в морском порту // Морские интеллектуальные технологии. 2020. № 4–1 (50). С. 193–200. DOI: 10.37220/MIT.2020.50.4.027
9. Сидорченко В. Ф. Морские пираты: от средневековья к современности. СПб., 2016.
10. Сидорченко В. Ф. Морское пиратство. СПб., 2004.
11. Сидорченко В. Ф. Первый на Земле «профсоюз» пиратов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2013. № 2. С. 75–78.
12. Сидорченко В. Ф. Спасение человеческих жизней и имущества на море «по-пиратски» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2010. № 2. С. 84–92.
13. Хижняк В. С. Современные проблемы международно-правового сотрудничества по борьбе с пиратством // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73). С. 82–86.
14. Abliakimova E., Jianjun W. Legal Regime of Russian Seaports: Security Policy Updates // Lex Portus. 2020, 7 (5). DOI: 10.26886/2524-101X.6.2020.1
15. Agatić A., Kolanović I. Improving the Seaport Service Quality by Implementing Digital Technologies // Pomorstvo. 2020, 34, 93–101. DOI: 10.31217/p.34.1.11
16. Akinyemi Y. C. Port Reform in Nigeria: Efficiency Gains and Challenges // GeoJournal. 2016, 81 (5), 681–97. DOI: 10.1007/s10708-015-9657-z
17. Andritsos F., Mosconi M. Port Security in EU: A Systemic Approach. 2010 International Waterside Security Conference, WSS 2010. DOI: 10.1109/WSSC.2010.5730222
18. Andritsos F. Port Security & Access Control: A Systemic Approach. IISA 2013 — 4th International Conference on Information, Intelligence, Systems and Applications. 2013. DOI: 10.1109/IISA.2013.6623728
19. Corruble P. EU Competition Law Applicable to Liner Shipping and Seaports: New Challenges of the Regulation. Bruxelles : Bruylant. 2021. 144 p
20. Davis C. The Politics of Ports: Privatization and the World's Ports // International Labor and Working-Class History. 2007, 71 (1), 154-161. DOI: 10.1017/S0147547907000385
21. Effah J., Amankwah-Sarfo F., Boateng R. Affordances and Constraints Processes of Smart Service Systems: Insights from the Case of Seaport Security in Ghana // International Journal of Information Management. 2021, 58. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2020.102204

22. Eski Y. Policing, Port Security and Crime Control. An Ethnography of the Port Securityscape. Routledge. 2018. 256 p.
23. Eski Y., Buijt R. Dockers in Drugs: Policing the Illegal Drug Trade and Port Employee Corruption in the Port of Rotterdam // Policing: A Journal of Policy and Practice. 2017, 11 (4), 371–386. DOI: 10.1093/police/paw044
24. Galani S. Port Closures and Persons at Sea in International Law // International and Comparative Law Quarterly. 2021, 70 (3), 605–633. DOI: 10.1017/S0020589321000233
25. Gjörv G. H. Security by Any Other Name: Negative Security, Positive Security, and a Multi-Actor Security Approach // Review of International Studies. 2012, 38 (4), 835–859. DOI: 10.1017/S0260210511000751
26. Gunes B., Kayisoglu G., Bolat P. Cyber Security Risk Assessment for Seaports: A Case Study of a Container Port // Computers and Security. 2021, 103. DOI: 10.1016/j.cose.2021.102196
27. Heilig L., Lalla-Ruiz E., Voß S. Digital Transformation in Maritime Ports: Analysis and a Game Theoretic Framework // NETNOMICS: Economic Research and Electronic Networking. 2017, 18. DOI: 10.1007/s11066-017-9122-x
28. Jović M. Digital Transformation of Croatian Seaports. 32nd Bled eConference Humanizing Technology for a Sustainable Society, BLED 2019 — Conference Proceedings. 2020, 1147–1164. DOI: 10.18690/978-961-286-280-0.63
29. Konvisarova E. V., Levchenko T. A., Pustovarov A. A. Theoretical and Methodological Approaches to the Supply Chain Strategies Role and Analysis of Seaport Competitiveness in the Far East of Russia // International Journal of Supply Chain Management. 2019, 8 (6), 493–498.
30. Lamarque H. Profitable Inefficiency: The Politics of Port Infrastructure in Mombasa, Kenya // The Journal of Modern African Studies. 2019, 57 (1), 85–109. DOI: 10.1017/S0022278X18000630
31. Liu C. P., Liang G. S., Su Y. [et all.] Navigation Safety Analysis in Taiwanese Ports // Journal of Navigation. 2006, 59 (2), 201–211. DOI: 10.1017/S0373463306003687
32. Łozowicka D., Kaup M. Koncepcja bezpiecznej ewakuacji ze statków cumujących w rzeczno-morskim porcie Szczecin w przypadku zagrożenia terrorystycznego podczas trwania imprez masowych // Bezpieczeństwo i Technika Pożarnicza. 2016, 43, 161–172. (На польском яз.) DOI: 10.12845/bitp.43.3.2016.14
33. McNicholas M. A. A Strategic Blueprint for World-Class Seaport Security. Maritime Security. Butterworth-Heinemann. 2016. DOI: 10.1016/b978-0-12-803672-3.00010-8
34. Nassar C. K., Nastacă C. C. The Beirut Port Explosion: Social, Urban and Economic Impact // Theoretical and Empirical Researches in Urban Management. 2021, 16 (3), 42–52.
35. Pavlič Skender H., Ribarić E., Jović M. An Overview of Modern Technologies in Leading Global Seaports // Journal of Maritime & Transportation Science. 2020, 59, 35–49. DOI: 10.18048/2020.59.02
36. Philipp R., Gerlitz L., Moldabekova A. Small and Medium-Sized Seaports on the Digital Track: Tracing Digitalisation Across the South Baltic Region by Innovative Auditing Procedures. Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. DOI: 10.1007/978-3-030-44610-9_35
37. Sarabia-Jacome D., Palau C. E., Esteve M. [et all.] Seaport Data Space for Improving Logistic Maritime Operations // IEEE Access. 2020, 8, 4372–4382. DOI: 10.1109/ACCESS.2019.2963283
38. Sciascia A. Monitoring the Border: Indonesian Port Security and the Role of Private Actors // Contemporary Southeast Asia. 2013, 35 (2), 163–187. DOI: 10.1355/cs35-2b
39. Sergi A. Playing Pac-Man in Portville: Policing the Dilution and Fragmentation of Drug Importations through Major Seaports // European Journal of Criminology. 2020. DOI: 10.1177/1477370820913465
40. Sergi A., Reid A., Storti L. [et all.] Ports, Crime and Security: Governing and Policing Seaports in a Changing World. Bristol University Press. 2021. DOI: 10.2307/j.ctv1rnpjf6
41. Tang X. Optimal Scheduling Method of Transport Path in Coastal Port International Logistics Park // Journal of Coastal Research. 2019, 93, 1125–1131. DOI: 10.2112/SI93-163.1
42. Turluchev A., Filobok A., Volkova T. [et all.] A Sea Ports in the Sustainable Development of the Azov-Black Sea Coast. 14th MEDCOAST Congress on Coastal and Marine Sciences, Engineering, Management and Conservation, MEDCOAST. 2019.

43. Turnbull P., Weston S. Employment Regulation, State Intervention and the Economic Performance of European Ports // *Cambridge Journal of Economics*. 1992, 16 (4), 385–404. DOI: 10.1093/oxfordjournals.cje.a035210
44. Vukovic N., Mekhrentsev A., Vukovic D. Transnational Transport Corridor of the Northern Sea Route Based on Sabetta Seaport: Challenges of Regional Development for Russia // *Journal of the Geographical Institute Jovan Cvijic, SASA*. 2018, 68 (3), 405–414. DOI: 10.2298/ijgi180613005v
45. Zhang X., Roe M. Models of Container Port Security. *Maritime Container Port Security* 2019. DOI: 10.1007/978-3-030-03825-0_4

Об авторах:

Кириленко Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;
e-mail: v.vaas@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4445-1682>

Алексеев Георгий Валерьевич, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: Deltafox1@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3720-0105>

References

1. Varfolomeev A. A. Modern Maritime Piracy and Current International Law. *International life* [Mezhdunarodnaya zhizn']. 2015; (4): 149–162. (In Rus.)
2. Gutsulyak V. N. Legal Regulation of Merchant Ships Entering Foreign Ports in the Conditions of the Covid-19 Pandemic. *State and Law* [Gosudarstvo i pravo]. 2020; (7): 100–110. (In Rus.) DOI: 10.31857/S102694520010654-0
3. Gutsulyak V. N. Legal Means of Combating Piracy and Terrorism in Maritime Transport. *Transport Law and Security* [Transportnoe pravo i bezopasnost']. 2018; 28 (4): 41–44. (In Rus.)
4. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Harmonization of Russian Criminal Legislation on Countering Cybercrime with the Legal Standards of the Council of Europe. *All-Russian Journal of Criminology* [Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal]. 2020; 14 (6): 898–913. (In Rus.) DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(6).898-913
5. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Extremists: Criminals and Victims of Radical Violence. *All-Russian Criminological Journal* [Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal]. 2019; 13 (4): 612–628. (In Rus.) DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).612-628
6. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Cybercrime and Digital Transformation. *Theoretical and Applied Jurisprudence* [Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya]. 2021; (1): 39–53. (In Rus.) DOI: 10.22394/2686-7834-2021-1-39-53
7. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Countering the Ideology of Modern Terrorism. *Administrative Consulting* [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018; 113 (5): 8–18. (In Rus.) DOI: 10.22394/1726-1139-2018-5-8-18
8. Kozhevnikov D. F., Polyakov A. S., Tarantsev A. A. [et al.]. Fire Safety of Transport and Transshipment Complexes of Coal, Liquefied Petroleum Gases and Petroleum Products in the Seaport. *Marine Intelligent Technologies* [Morskie intellektual'nye tekhnologii]. 2020; 50 (4–1): 193–200. (In Rus.) DOI: 10.37220/MIT.2020.50.4.027
9. Sidorchenko V. F. Sea Pirates: From the Middle Ages to the Present. St. Petersburg, 2016. (In Rus.)
10. Sidorchenko V. F. Maritime Piracy. St. Petersburg, 2004. (In Rus.)
11. Sidorchenko V. F. The First “Trade Union” of Pirates on Earth. *Bulletin of St. Petersburg University. Right* [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo]. 2013; (2): 75–78. (In Rus.)

12. Sidorchenko V. F. Saving Human Lives and Property at Sea “in a Piratical Way”. *Bulletin of St. Petersburg University. Right* [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo]. 2010; (2): 84–92. (In Rus.)
13. Khizhnyak V. S. Modern Problems of International Legal Cooperation in Combating Piracy. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia* [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii]. 2017; 73 (1): 82–86. (In Rus.)
14. Abliakimova E., Jianjun W. Legal Regime of Russian Seaports: Security Policy Updates. *Lex Portus*. 2020; 7 (5). DOI: 10.26886/2524-101X.6.2020.1
15. Agatić A., Kolanović I. Improving the Seaport Service Quality by Implementing Digital Technologies. *Pomorstvo*. 2020; (34): 93–101. DOI: 10.31217/p.34.1.11
16. Akinyemi Y. C. Port Reform in Nigeria: Efficiency Gains and Challenges. *GeoJournal*. 2016; 81 (5): 681–97. DOI: 10.1007/s10708-015-9657-z
17. Andritsos F., Mosconi M. Port Security in EU: A Systemic Approach. 2010 International Waterside Security Conference, WSS 2010. DOI: 10.1109/WSSC.2010.5730222
18. Andritsos F. Port Security & Access Control: A Systemic Approach. IISA 2013 — 4th International Conference on Information, Intelligence, Systems and Applications. 2013. DOI: 10.1109/IISA.2013.6623728
19. Corruble P. EU Competition Law Applicable to Liner Shipping and Seaports: New Challenges of the Regulation. Bruxelles : Bruylant. 2021. 144 p
20. Davis C. The Politics of Ports: Privatization and the World’s Ports. *International Labor and Working-Class History*. 2007; 71 (1): 154–161. DOI: 10.1017/S0147547907000385
21. Effah J., Amankwah-Sarfo F., Boateng R. Affordances and Constraints Processes of Smart Service Systems: Insights from the Case of Seaport Security in Ghana. *International Journal of Information Management*. 2021; (58). DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2020.102204
22. Eski Y. Policing, Port Security and Crime Control. An Ethnography of the Port Securityscape. Routledge. 2018. 256 p.
23. Eski Y., Buijt R. Dockers in Drugs: Policing the Illegal Drug Trade and Port Employee Corruption in the Port of Rotterdam. *Policing: A Journal of Policy and Practice*. 2017; 11 (4): 371–386. DOI: 10.1093/police/paw044
24. Galani S. Port Closures and Persons at Sea in International Law. *International and Comparative Law Quarterly*. 2021; 70 (3): 605–633. DOI: 10.1017/S0020589321000233
25. Gjørsv G. H. Security by Any Other Name: Negative Security, Positive Security, and a Multi-Actor Security Approach. *Review of International Studies*. 2012; 38 (4): 835–859. DOI: 10.1017/S0260210511000751
26. Gunes B., Kayisoglu G., Bolat P. Cyber Security Risk Assessment for Seaports: A Case Study of a Container Port. *Computers and Security*. 2021; (103). DOI: 10.1016/j.cose.2021.102196
27. Heilig L., Lalla-Ruiz E., Voß S. Digital Transformation in Maritime Ports: Analysis and a Game Theoretic Framework. *NETNOMICS: Economic Research and Electronic Networking*. 2017; (18). DOI: 10.1007/s11066-017-9122-x
28. Jović M. Digital Transformation of Croatian Seaports. 32nd Bled eConference Humanizing Technology for a Sustainable Society, BLED 2019 — Conference Proceedings. 2020; 1147–1164. DOI: 10.18690/978-961-286-280-0.63
29. Konvisarova E. V., Levchenko T. A., Pustovarov A. A. Theoretical and Methodological Approaches to the Supply Chain Strategies Role and Analysis of Seaport Competitiveness in the Far East of Russia. *International Journal of Supply Chain Management*. 2019; 8 (6): 493–498.
30. Lamarque H. Profitable Inefficiency: The Politics of Port Infrastructure in Mombasa, Kenya. *The Journal of Modern African Studies*. 2019; 57 (1): 85–109. DOI: 10.1017/S0022278X18000630
31. Liu C. P., Liang G. S., Su Y. [et all.] Navigation Safety Analysis in Taiwanese Ports. *Journal of Navigation*. 2006; 59 (2): 201–211. DOI: 10.1017/S0373463306003687
32. Łozowicka D., Kaup M. The Concept of Safe Evacuation from Sea Faring Vessels at the Port of Szczecin in Circumstances Occasioned by Terrorist Threats during Mass Events = Koncepcja bezpiecznej ewakuacji ze statków cumujących w rzeczno-morskim porcie Szczecin w przypadku zagrożenia terrorystycznego

- podczas trwania imprez masowych. *Bezpieczeństwo i Technika Pozarnicza*. 2016; 43: 161–172. (In Polish) DOI: 10.12845/bitp.43.3.2016.14
33. McNicholas M. A. A Strategic Blueprint for World-Class Seaport Security. *Maritime Security*. Butterworth-Heinemann. 2016. DOI: 10.1016/b978-0-12-803672-3.00010-8
 34. Nassar C. K., Nastacă C. C. The Beirut Port Explosion: Social, Urban and Economic Impact. *Theoretical and Empirical Researches in Urban Management*. 2021; 16 (3): 42–52.
 35. Pavlić Skender H., Ribarić E., Jović M. An Overview of Modern Technologies in Leading Global Seaports. *Journal of Maritime & Transportation Science*. 2020; (59): 35–49. DOI: 10.18048/2020.59.02
 36. Philipp R., Gerlitz L., Moldabekova A. Small and Medium-Sized Seaports on the Digital Track: Tracing Digitalisation Across the South Baltic Region by Innovative Auditing Procedures. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2020. DOI: 10.1007/978-3-030-44610-9_35
 37. Sarabia-Jacome D., Palau C. E., Esteve M. [et all.] Seaport Data Space for Improving Logistic Maritime Operations. *IEEE Access*. 2020; (8): 4372–4382. DOI: 10.1109/ACCESS.2019.2963283
 38. Sciascia A. Monitoring the Border: Indonesian Port Security and the Role of Private Actors. *Contemporary Southeast Asia*. 2013; 35 (2): 163–187. DOI: 10.1355/cs35-2b
 39. Sergi A. Playing Pac-Man in Portville: Policing the Dilution and Fragmentation of Drug Importations through Major Seaports. *European Journal of Criminology*. 2020. DOI: 10.1177/1477370820913465
 40. Sergi A., Reid A., Storti L. [et all.] *Ports, Crime and Security: Governing and Policing Seaports in a Changing World*. Bristol University Press. 2021. DOI: 10.2307/j.ctv1rnpjf6
 41. Tang X. Optimal Scheduling Method of Transport Path in Coastal Port International Logistics Park. *Journal of Coastal Research*. 2019; (93): 1125–1131. DOI: 10.2112/SI93-163.1
 42. Turluchev A., Filobok A., Volkova T. [et all.] A Sea Ports in the Sustainable Development of the Azov-Black Sea Coast. 14th MEDCOAST Congress on Coastal and Marine Sciences, Engineering, Management and Conservation, MEDCOAST. 2019.
 43. Turnbull P., Weston S. Employment Regulation, State Intervention and the Economic Performance of European Ports. *Cambridge Journal of Economics*. 1992; 16 (4): 385–404. DOI: 10.1093/oxfordjournals.cje.a035210
 44. Vukovic N., Mekhrentsev A., Vukovic D. Transnational Transport Corridor of the Northern Sea Route Based on Sabetta Seaport: Challenges of Regional Development for Russia. *Journal of the Geographical Institute Jovan Cvijic, SASA*. 2018; 68 (3): 405–414. DOI: 10.2298/ijgi180613005v
 45. Zhang X., Roe M. Models of Container Port Security. *Maritime Container Port Security* 2019. DOI: 10.1007/978-3-030-03825-0_4

About the authors:

Viktor P. Kirilenko, Head of the Chair of International and Humanitarian Law of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of Russian Federation;
e-mail: v.vvaas@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4445-1682>

Georgy V. Alekseev, Associate Professor of the Chair of Law of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor;
e-mail: Deltafox1@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3720-0105>

Стоит ли реформировать ООН?

Фурман Ф. П.

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: furman-fp@ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6700-3690>

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование направлено на изучение зарубежного и отечественного опыта в части процесса реформирования ООН, что позволяет подытожить соответствующий материал и достичь задач, определенных темой данной статьи. Основы современного кризиса ООН возникли с момента подписания устава организации, и связано это с тем, что длительный и дискуссионный процесс согласования основных положений этого документа состоялся благодаря уступкам и компромиссам участников организации, которые заложили возможность его дальнейшего просмотра.

Цель. Предложить рекомендации по возможным вариантам замены или реформирования ООН.

Задачи. Рассмотреть модели преодоления противоречия между национальными и наднациональными интересами и противоречия между ведущими странами мира, развитыми странами севера и менее развитыми странами юга.

Методология. Для сопоставления интеграционных практик ЕС и АСЕАН используется метод сравнительного анализа, диалектический метод исследования, а также системный метод исследования. Также использованы методы анализа, синтеза, обобщения и аналогии.

Результаты. На основе изученного приводятся рекомендации по реформированию ООН. Так, следует обратить внимание на опыт предыдущих наднациональных организаций, а также на практику диалоговых механизмов между ведущими мировыми игроками. При этом следует пресекать чрезмерное давление на страны, вмешиваясь в их внутренние дела, нарушая их суверенитет.

Выводы. Противоречие между национальными и наднациональными интересами является наиболее глубокой проблемой в любом интеграционном объединении, в том числе в ООН. Однако не существует универсального метода разрешения данной проблемы, в том числе в условиях пока однополярного мира. ООН следует сочетать в своей практике опыт ЕС, АСЕАН, ШОС как жесткий и мягкий подход к балансированию национальных и наднациональных интересов.

Ключевые слова: ООН, международные организации, геополитика, международные конфликты

Для цитирования: Фурман Ф. П. Стоит ли реформировать ООН? *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2022;16(4): 82-88. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-82-88>

Should the UN Be Reformed?

Felix P. Furman

North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: furman-fp@ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6700-3690>

ABSTRACT

This study is aimed at studying foreign and domestic experience in terms of the UN reform process, which allows us to summarize the relevant material and achieve the objectives defined by the topic

of this article. The aspect that the foundations of the modern crisis of the UN arose from the moment of signing its charter and this is due to the fact that the long and debatable process of agreeing on the main provisions of this document took place thanks to the concessions and compromises of the members of the organization, which laid the foundation for its further review.

Aim. Offer recommendations on possible options for replacing or reforming the UN.

Tasks. Consider models for overcoming the contradiction between national and supranational interests and the contradiction between the leading countries of the world, the developed countries of the North and the less developed countries of the South.

Methods. To compare the integration practices of the EU and ASEAN, the method of comparative analysis, the dialectical method of research, as well as the systematic method of research are used. And also used methods of analysis, synthesis, generalization, as well as analogy.

Results. On the basis of the studied, recommendations for reforming the UN are given. Thus, attention should be paid to the experience of previous supranational organizations, as well as to the practice of dialogue mechanisms between the world's leading players. At the same time, excessive pressure on countries should be stopped by interfering in their internal affairs, violating their sovereignty.

Conclusions. The contradiction between national and supranational interests is the most profound problem in any integration association, including the UN. However, there is no universal method for resolving this problem, including in the conditions of a still unipolar world. The UN should combine in its practice the experience of the EU, ASEAN, SCO as a hard and soft approach to balancing national and supranational interests.

Keywords: UN, international organizations, geopolitics, international conflicts

For citing: Furman F. P. Should the UN Be Reformed? *Eurasian Integration: Economic, Law, Politics*. 2022;16(4): 82-88. (In Rus.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-82-88>

Введение

С момента создания Организации Объединенных Наций (ООН) — глобальной наднациональной институции безопасности — исполняется 77 лет. Страны — победители во Второй мировой войне и основатели ООН создавали данную международную структуру с целью реализации нового послевоенного мирового порядка, центром которого будут универсальные, общепринятые механизмы регулирования международной жизни и решения проблем внутри ее стран-членов.

В 1990-х гг. сформировалась уникальная геополитическая ситуация, связанная с разрушением СССР и формированием биполярной системы международных отношений, характерными особенностями которой стали такие процессы, как: глобализация, информатизация и компьютеризация всех сфер жизни, увеличение количества международных конфликтов и глобальных проблем современности, гонка вооружений и т. д.

Постановка проблемы

XXI в. выдвинул целый ряд новых вызовов и угроз, на которые ООН не может эффективно и объективно реагировать.

Необходимо напомнить, что попытки ввести единые правила международной жизни и создать механизмы регулирования международного порядка относятся еще к XVIII в., т. е. к периоду Тридцатилетней войны, соответственно к Вестфальскому миру 1648 г. Именно тогда международные отношения приобрели системный характер и была провозглашена Вестфальская система интернациональных отношений [4].

А затем были результаты Венского конгресса 1815 г., и мир снова изменился, но не было еще США.

В целом за всю историю существовало пять систем интернациональных отношений. Последней была Ялтинско-Потсдамская система миропорядка, прекратившая свое существование в 1991 г. в связи с распадом СССР. Именно при этой системе был создан универсальный, легитимный и официальный механизм регулирования международного порядка — ООН [7].

Хотя послевоенная Ялтинско-Потсдамская система международных отношений перестала функционировать, однако ООН продолжает функционировать. Но возникает закономерный вопрос: является ли деятельность ООН эффективной, смогла ли она и сможет ли предупредить или разрешить локальные и региональные конфликты, отличительной чертой которых является их множественность (этнические, конфессиональные и т. д.). К тому же миротворческие миссии ООН в Сомали, на территории бывшей Югославии, в Судане оказались явно неэффективными.

Следует также добавить, что традиционные ныне понятия и категории военной, политической и экономической мощи государств оказались устаревшими, архаичными.

Изложение основного материала исследования

В 1965 г. СССР предложил создать договор о нераспространении ядерного оружия (далее — ДНЯО), и в 1968 г. данный договор был подписан в столицах ведущих стран того периода — в Москве, Вашингтоне и Лондоне. Срок действия этого документа был рассчитан на 25 лет, с денонсацией.

Из числа ядерных государств Договор был не подписан КНР и Францией, Индией, Пакистаном, Кубой, Бразилией, Израилем, рядом арабских стран и ЮАР.

В начале 1990-х гг. еще около сорока стран присоединились к ДНЯО, а шесть стран: ЮАР, Бразилия, Аргентина, Украина, Беларусь и Казахстан — отказались от ядерных программ. Но эти правила игнорируют Северная Корея и Иран [2].

В этой связи появился ряд новейших концепций об ограниченном суверенитете, превентивном гуманитарном вмешательстве и интервенции, превентивная теория удара. Как, например, ситуация с так называемой «грязной бомбой» на Украине в 2022 г. Объективно возникает вопрос, выработаны ли критерии реализации этих концепций и кто будет судьей и станет определять, какая страна и чего она не придерживается.

Очевидно, что проблематика сегодняшней международной ситуации заключается, прежде всего, в вопросах безопасности как глобального, так и регионального или национального плана.

Выскажем несколько обобщенных тезисов. Суть первого состоит в том, что мир находится в переходной стадии установления нового мирового порядка (точка бифуркации), характеризующегося такой ведущей чертой, как нестабильность. И это уже принятая всеми сегодняшняя объективная реальность. Логичным будет вывод относительно того, что более стабильный и прогнозируемый миропорядок сформируется только тогда, когда группа ведущих мировых акторов придет к консенсусу относительно того, какая модель будет положена в основу этого нового формата мирового порядка.

Правда, на сегодня четкого и объективного понимания между великими государствами в этом вопросе не просматривается.

Содержание второго тезиса состоит в том, что только два государства определились со своей ролью в международной ситуации. Прежде всего это касается США, которые по-прежнему стремятся обустроить мир в соответствии со своим видением и мироощущением. Но это становится достаточно иллюзорным в проекции существующих хаотичных и дестабилизирующих процессов, происходящих сегодня на геоэкономическом, геополитическом и цивилизационном полях в целом.

В том случае если Соединенным Штатам удастся вывести НАТО за пределы определенного региона, то мировая гегемония им теоретически обеспечена. Единственным сдерживающим фактором на сегодня для США является принципиальная политическая позиция и ядерный потенциал России.

Также необходимо отметить реальность притязаний на позицию сверхдержавности, наблюдаемую в экономических и политических притязаниях КНР, которая позиционирует себя как сторонний наблюдатель и занята, по официальным заявлениям китайских руководителей, собственными вну-

тренними проблемами. Но по некоторым показателям, таким, к примеру, как стоимость экспорта, Пекин опередил США. По ВВП КНР находится на уровне с США, и при этом следует объективно учитывать тот фактор, что за Китаем в большей степени стоит производственная мощь экономики, в то время как экономика США во многом базируется на финансовых рычагах, достаточно неустойчивых в сегодняшней геополитической и геоэкономической обстановке.

Еще один тезис можно свести к определению сегодняшней роли ЕС, пока еще имеющего статус регионального лидера. Однако объективно кажется, что происходит динамичный процесс «финляндизации», а возможно, и «скандинавизации» Европейского союза. Он уже давно самостоятельно не может (вероятно, и не имеет желания) эффективно решать свои европейские дела (примером может служить гражданская война в Югославии и показательный выход из ЕС Великобритании (Brexit)).

Отсюда и одна из самых актуальных и безотлагательных проблем современной мировой политики, которая заключается в реформировании Организации Объединенных Наций как института международной безопасности.

В течение столь длительного времени ООН, ее концепция, структура, методика финансирования, устаревшие положения устава не пересматривались, хотя вопросы об изменениях поднимались сразу после ее создания.

Прекращение холодной войны и биполярной системы международных отношений, формирование новых центров влияния, укрепление позиций и усиление роли в мире ряда государств, особенно ФРГ, Японии и КНР, рост значения развивающихся стран в межгосударственных отношениях (группа стран БРИКС) — все это приводит к вопросу о необходимости перестройки этой главной международной организации с целью ее адаптации к современным реалиям и вызовам [8].

Чтобы действовать адекватно новой расстановке сил, ООН нуждается в комплексном реформировании, особенно касательно структуры и механизмов работы ее базовых органов (в частности, Совета Безопасности и Секретариата), пересмотре ряда принципиально важных положений теории и практической деятельности, а именно вопросов урегулирования внутрисударственных конфликтов, международного вмешательства, применения силы для урегулирования конфликтов, а также проблемы гуманитарных интервенций и т. п.

После 1945 г. активно велись поиски модели новой всемирной организации безопасности. При этом предполагалось учесть недостатки деятельности Лиги Наций, как ее базовой предшественницы.

Следовательно, основатели ООН стремились максимально учесть горький опыт функционирования Лиги Наций, не позволивший ей выполнить свою миссию, и создать такую новую организацию, постановления которой, производимые наднациональными органами, будут обязательными для ее членов и стали бы осью послевоенной системы интернациональных отношений.

Был введен принцип вето, но против выступили ряд стран, такие как Куба, Аргентина, Австралия. Со временем Совет Безопасности (СБ) увеличился с одиннадцати стран до пятнадцати к началу 1990-х гг.

ООН сохраняет до сих пор устав, некоторые страны и специалисты считают то, что он неизменен, анахронизмом. В ООН существуют структуры, утратившие свое прежнее значение.

Например, Совет по опеке (занимается колониальными вопросами). Остается в тени Военно-штабной комитет Совета Безопасности, который ст. 47 устава уполномочен «давать советы и помощь СБ по вопросам, касающимся поддержания мира и безопасности...» [9]. Формулировка достаточно размыта и неоднозначна.

Еще один красноречивый пример. В сотрудничестве ФРГ и Японии с ООН существует проблемный аспект. Как известно, Устав ООН разрабатывался в 1945 г., когда Германия и ее союзники подверглись полнейшему поражению в войне, поэтому в ст. 53 и ст. 107 устава относительно стран, проигравших войну, есть выражение «бывшие враждебные державы». Германия за время своего членства в ООН (18 сентября 1973 г. ФРГ и ГДР были приняты в качестве 133-го и 134-го государства — члена ООН) неоднократно поднимала вопрос об исключении из устава этих статей. К тому же Германия владеет в ООН всем полным набором прав, как и любое другое государство.

По причине сложности процедуры изменения устава большинство членов ООН предложило отложить изъятие уставных статей по ФРГ и Японии до завершения реформирования всей системы ООН [1].

К другим изменениям в мире можно отнести и такие процессы, как: глобализация и регионализация; растущее экономическое неравенство между Севером и Югом; появление неурегулированных религиозных, этнических и культурных проблем; новейшие форматы (по своей природе) конфликтов; нивелирование принципа государственного суверенитета; преобладание силовой логики в решении проблем; коллаборационизм и т. д.

Следует также учесть, что если СБ ООН создавался с целью наделения данной структуры коллективными функциями и главной задачей выступало именно «умиротворение агрессора» (это четко прописывается уставом), то на сегодняшний момент возникла проблема поиска диалога между цивилизациями (что значительно усложняет трактовку понятия «агрессор») [5].

Кроме того, за годы своего существования ООН не остановила ни одной войны и не организовала ни одной мирной ситуации, хотя при этом и потеряла в миротворческих операциях значительный контингент участвующих в операциях людей.

Выделим некоторые причины необходимости реформирования ООН, которые объективно очевидны. В первую очередь это политические факторы, а именно прекращение холодной войны, разрушение Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, при том что новая модель современного международного порядка еще не создана. Биполярная система международных отношений отошла к прошлому, а вместе с ней и идеологическое противостояние двух социально-экономических и политических систем.

Сомнение на сегодняшний момент вызывает и уменьшение угрозы ядерной войны. При всем этом на сегодняшнем этапе мир получил ряд локальных (гражданских) войн на этнонациональной, религиозной и региональной почве. Перед ООН встала в этом контексте новая проблема — обеспечение мира, но уже в других формах военных конфликтов. К примеру, в Уставе ООН не предусмотрены конфликты внутри государства или формы конфликтов более низкого уровня. Таким образом, эффективность ООН в современных конфликтах оказалась объективно невысокой.

Также в Уставе ООН нет таких современных определений, как «миграция», «голод», «окружающая среда», не говоря о таких терминах, как «глобализация», «регионализация» и тому подобное. Отсутствует определение терроризма, который сегодня представляет одну из основных международных угроз. Известно, что для многих стран слово «террорист» идентично борцам за свободу и независимость.

Мы к тому же обязаны учитывать тот количественный факт, что число членов ООН во вторую половину 1990-х гг. составило сто девяносто, а в XXI в. — более двухсот. А это приводит к диспропорции и недемократичности, диктату ведущих стран мира.

Важно то, что в каждом критическом замечании есть реальная доля истины.

В целом, так или иначе, всех заинтересованных в проблематике этого вопроса можно разделить на «оптимистов» и «скептиков». Любой организм, даже по Э. Дюркгейму или Ч. Дарвину, обязан эволюционировать, чтобы выжить.

ООН, безусловно, виновата в том, что иногда она не может эффективно действовать по международным делам. Например, пресловутые «белые каски» явно выполняют определенные «заказы», и вину нужно переложить на те государства, которые являются творцами и гарантами существующего ныне миропорядка и прибегают к антисистемным действиям как можно больше, как, к примеру, США и Великобритания.

И исключительно в теоретическом плане можно говорить о трех вариантах предстоящего реформирования и развития ООН.

1. Постепенное реформирование ООН в нечто вроде печально известной Лиги Наций или в какой-то всемирный аналог ОБСЕ. При этом ООН превратится, таким образом, во всемирную «говорящую организацию» и будет абсолютно недееспособной в реальных кризисных ситуациях. И только ведущие страны будут иметь реальную власть и сильные позиции.

2. Стоит учитывать мнение ведущих аналитиков, например С. Хантингтона, считавших, что пока на вершине могущества находятся западные страны, но эта ситуация уже начинает меняться. Усиливается вновь роль России, и растет влияние Китая и Индии. А следовательно, кризис ООН неизбежен.
3. В отличие от революционеров от ООН, есть сторонники эволюции данной организации, по мнению которых все проблемы ООН в отсутствии эффективного руководства, чрезмерной бюрократизации, растрате средств, коррупции, в отсутствии должного контроля над деятельностью фондов и т. д., следовательно, и задача, и исходящая из нее проблема состоят в том, чтобы обеспечить устранение данных конкретных недостатков, но не изменять базовые принципы, заложенные в Уставе ООН.

Самое главное, сохранить право вето в СБ, поскольку именно это право, то есть принцип консенсуса постоянных членов СБ ООН, является основанием для поиска общепринятого решения в кризисных ситуациях.

Предлагается также постоянным членам СБ ООН заключить пятистороннее соглашение и взять на себя обязанность строго соблюдать Устав ООН и не действовать вопреки принципам единогласия. То есть необходимо понятие о джентльменском соглашении на межгосударственном уровне.

Самыми большими сторонниками этого варианта, то есть эволюционного развития и реформирования ООН, выступают Франция и Великобритания.

Думается, что связано это с тем, что эти страны перешли во второй эшелон мирового влияния, а на первом — США, Россия, Китай и вскоре «подтянется» и Индия.

Заключение

Все вышеперечисленные явления следуют логике современных международных отношений и предполагают необходимость реформирования ООН, в процессе развития которой определенные структуры отжили, другие должны появиться в соответствии с требованиями современной ситуации.

Таким образом, можно констатировать, что проблематика адаптации ООН к современным реалиям существует, как и проблема ее реформирования в соответствии с вызовами и запросами современности.

Литература

1. Базин О. А. Изменение политики Японии в ООН в конце 80-х — начале 90-х гг. XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9. С. 33–36.
2. Баранова Н. С. Международно-правовой контроль режима нераспространения ядерного оружия // Закон и право. 2021. № 7. С. 154–158. DOI: 10.24412/2073-3313-2021-7-154-158
3. Блищенко И. П. Проблемы ООН надо решать // Московский журнал международного права. 1996. № 3. С. 112–119.
4. Бурганова И. Н. Проблема суверенитета и вестфальская система 1648 г. // Modern Science. 2021. № 4. С. 250–253.
5. Ладыгина Д. Д., Майстат М. А. Особенности реформирования ООН в XXI веке (на примере СБ ООН) // Форум молодых ученых. 2021. № 4. С. 216–221.
6. Лисаускайте В. В. ООН и реагирование на бедствия: особенности становления механизма и его отдельные элементы // Международное право и международные организации. 2019. № 2. С. 28–40. DOI: 10.7256/2454-0633.2019.2.29986
7. Морозов Г. И. ООН на рубеже веков (к 50-летию ООН) // Московский журнал международного права. 1995. № 1. С. 58–83. DOI: 10.24833/0869-0049-1995-1-58-83
8. Муанда К. Л. Роль группы стран БРИКС на фоне деструктивных условий современного миропорядка // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). 2022. № 1. С. 2.
9. Неженец О. В. ООН как посредник в урегулировании международных конфликтов // Эпомен. 2020. № 35. С. 230–235.

Об авторе:

Фурман Феликс Павлович, профессор кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук;
e-mail: furman-fp@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6700-3690>

References

1. Bazin O. A. Changes in Japan's Policy at the UN in the Late 80s and Early 90s. XX Century. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of theory and practice* [Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki]. 2012; (9): 33–36. (In Rus.)
2. Baranova N. S. International Legal Control of the Regime of Non-Proliferation of Nuclear Weapons. *Law & Legislation* [Zakon i pravo]. 2021; (7): 154–158 (In Rus.). DOI: 10.24412/2073-3313-2021-7-154-158
3. Blishchenko I. P. UN Problems Must Be Solved. *Moscow Journal of International Law* [Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava]. 1996; (3): 112–119. (In Rus.)
4. Burganova I. N. The Problem of Sovereignty and the Westphalian System of 1648. *Modern Science* [Modern Science]. 2021; (4): 250–253. (In Rus.)
5. Ladygina D. D., Maistat M. A. Peculiarities of UN Reform in the 21st Century (on the Example of the UN Security Council). *Forum of Young Scientists* [Forum molodykh uchenykh]. 2021; (4): 216–221. (In Rus.)
6. Lisauskaite V. V. UN and Disaster Response: Features of the Formation of the Mechanism and its Individual Elements. *International Law and International Organizations* [Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii]. 2019; (2): 28–40 (In Rus.). DOI: 10.7256/2454-0633.2019.2.29986
7. Morozov G. I. UN at the Turn of the Century (to the 50th Anniversary of the UN). *Moscow Journal of International Law* [Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava]. 1995; (1): 58–83 (In Rus.). DOI: 10.24833/0869-0049-1995-1-58-83
8. Muanda K. L. The Role of the BRICS Group of Countries Against the Background of the Destructive Conditions of the Modern World Order. *A-factor: Research and Development (Humanities)* [A-faktor: nauchnye issledovaniya i razrabotki (gumanitarnye nauki)]. 2022; (1): 2. (In Rus.)
9. Nezhenets O. V. The UN as a Mediator in the Settlement of International Conflicts. *Epomen* [Epomen]. 2020; (35): 230–235. (In Rus.)

About the author:

Felix P. Furman, Professor of the Department of Jurisprudence of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy);
e-mail: furman-fp@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6700-3690>

Правовые нормы социального обеспечения военнослужащих — участников специальной военной операции

Семянникова Д. А.

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: semyannikova-da@ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5113-5958>

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены особенности правового регулирования социального обеспечения граждан, призванных в связи с объявлением частичной мобилизации, граждан, добровольно вступивших в ВС РФ, и членов их семей на региональном уровне.

Цель. Выявить эффективность новых подходов к установлению правового регулирования социального обеспечения военнослужащих в условиях частичной мобилизации.

Задачи. Рассмотреть критерии региональных законодателей Российской Федерации в установлении права военнослужащих на социальное обеспечение, предоставляемое в виде единовременных выплат. Для полноты исследования оценить уровень гарантированности социального обеспечения военнослужащих в РФ в сравнении с социальными гарантиями, предоставляемыми в странах, входящих в состав Евразийского экономического союза.

Методология. В ходе исследования поставленные задачи решались автором с использованием в работе общенаучных (сравнительный, формально-логический) и юридических (сравнительно-правовой, статистический) методов исследования.

Результаты. Проведена дифференциация правового регулирования социального обеспечения, предоставляемого в денежной форме, граждан, призванных в связи с объявлением частичной мобилизации, граждан, добровольно вступивших в ВС РФ, и членов их семей на региональном уровне. Ввиду равного социального риска представляется справедливым подход, при котором правом на получение единовременной выплаты обладают обе категории военнослужащих, без дополнительных оснований, учитываемых регионами.

Выводы. Реакция законодателя, последовавшая за объявлением частичной мобилизации, оказалась необходимой и своевременной, при этом оперативное реагирование на возникшие социальные риски должно быть продуманным, в том числе при выборе критериев, положенных в его основу. Ввиду выполнения новых для государства задач критерии, используемые при установлении правового регулирования социального обеспечения в виде денежных выплат, должны быть напрямую связаны с вероятностью наступления социального риска как для граждан, призванных в связи с объявлением частичной мобилизации, так и для граждан, добровольно вступивших в ВС РФ, и членов их семей.

Ключевые слова: региональное законодательство, частичная мобилизация, социальное обеспечение, мобилизованные граждане, военнослужащие, единовременная выплата

Для цитирования: Семянникова Д. А. Правовые нормы социального обеспечения военнослужащих — участников специальной военной операции. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2022;16(4): 89-97.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-89-97>

Legal Norms of Social Security of Servicemen — Participants of a Special Military Operation

Dina A. Semyannikova

North-West Institute of management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: semyannikova-da@ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5113-5958>

ABSTRACT

The article discusses the features of the legal regulation of social security of mobilized citizens, citizens who voluntarily joined the Armed Forces of the Russian Federation, and their family members in regions of Russia.

Aim. To identify the effectiveness of new approaches to establish legal regulation of military personnel's social security in partial mobilization condition.

Task. To analyze the effectiveness, taking into account the criteria of regional legislators of the Russian Federation in establishing the right to social security of military personnel, which is provided in the form of lump-sum payments. To complete the study, to assess the level of social security guarantees for military personnel in the Russian Federation in comparison with the social guarantees provided in the countries that are part of the Eurasian Economic Union (EEU).

Methods. In this study, the tasks were solved by the author with the use of general scientific methods (comparative, formal, logical) and legal research methods (comparative legal statistical data).

Results. In the course of the study, the differentiation of the legal regulation of social security of mobilized citizens, citizens who voluntarily joined the Armed Forces of the Russian Federation, and their family members, provided in cash, was conducted. In view of the equal social risk in which both categories of military personnel have the right to receive a lump sum payment, without additional grounds taken into account by the regions. This approach seems fair.

Conclusions. The legislator's reaction after the announcement of partial mobilization was necessary and timely, the underlying causes and rapid response to the emerging social risks should also be considered when selecting criteria. In view of the fulfillment of new tasks for the state, the criteria used in establishing the legal regulation of social security in the form of cash payments should be directly related to the likelihood of social risk for both categories of military personnel and their family members.

Keywords: regional legislation, partial mobilization, social security, mobilized citizens, military personnel, lump-sum payments

For citing: Semyannikova D. A. Legal Norms of Social Security of Servicemen — Participants of a Special Military Operation. *Eurasian Integration: Economic, Law, Politics*. 2022;16(4): 89-97. (In Rus.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-89-97>

Введение

В связи с объявлением начала проведения Россией специальной военной операции (далее — СВО), а также в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» граждане, заключившие контракт на прохождение военной службы в ВС РФ до 21.09.2022, а также призванные граждане Российской Федерации на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации (далее — ВС РФ) приобретают правовой статус военнослужащих.

В данный период времени социальное обеспечение мобилизованных граждан наиболее актуально ввиду большой вероятности наступления социального риска как для самого мобилизованного гражданина, так и для членов его семьи. Н. В. Антипова определяет социальный риск военнослужащих и членов их семей, как обусловленную особенностями военной службы вероятность утраты (сокращения, не-

получения) трудового дохода военнослужащим (членами его семьи) вследствие повреждения здоровья (смерти) военнослужащего [2].

В соответствии с п. 2. ст. 2 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» мобилизованные граждане, а также граждане, проходящие военную службу по контракту, приобретают статус военнослужащих с началом военной службы и утрачивают его с окончанием военной службы. Данным законом, иными федеральными конституционными законами и федеральными законами предусмотрены различные социальные гарантии и компенсации, в том числе для военнослужащих и членов их семей, а также гражданам, уволенным с военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации и членам их семей¹.

Стоит отметить, что социальные гарантии военнослужащих в странах, входящих в состав Евразийского экономического союза, устанавливаются на государственном уровне и представляют собой единую систему мер, направленную на установление социальной защищенности военнослужащих и членов их семей, включающую в том числе обеспечение, предоставляемое в денежном виде, по всей территории страны. Так, например, меры социальной защиты и виды обеспечения в денежной форме закреплены в правовых актах, устанавливающих правовой статус военнослужащих Республики Казахстан², Республики Беларусь³, Республики Армения⁴.

Обсуждение

Правовое регулирование социального обеспечения в Российской Федерации находится в совместном ведении государства и субъектов РФ, что в таких обстоятельствах, как частичная мобилизация, позволило обеспечить дополнительные гарантии в области социального обеспечения военнослужащих и членов их семей, проживающих в различных регионах.

На основе норм права социального обеспечения должно осуществляться определение обязательных параметров исполнения социальных обязательств государством (в части установления видов и объемов обеспечения) [5]. Важным является то, что государство, принимая социальные риски, презюмирует в случае их наступления возникновение социально-обеспечительных обязательств, направленных на компенсацию их неблагоприятных последствий [4].

Так, Указ Президента Российской Федерации от 16 марта 2022 г. № 121 «О мерах по обеспечению социально-экономической стабильности и защиты населения в Российской Федерации» обозначил необходимость принятия субъектами РФ решений об осуществлении единовременных денежных выплат гражданам Российской Федерации, включая определение порядка и условий осуществления таких выплат⁵.

Данная задача обусловила необходимость оперативного реагирования законодателей субъектов РФ, разработку правового регулирования, предусматривающего дополнительные меры по социальному обеспечению граждан, призванных в рамках частичной мобилизации, граждан, проходящих военную службу по контракту, а также членов их семей.

В целом правовое регулирование неоднородно в различных регионах, в том числе ввиду неотложности принятия нормативных актов в регионах в ситуации «экстренной необходимости», а также материальных возможностей самих регионов. Система критериев дифференциации правового регулирования отношений по социальному обеспечению военнослужащих имеет сложный характер, кроме того, такие критерии различаются между собой по степени их значимости [1]. В период проведения частичной мобилизации правовое

¹ Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Российская газета. 02.06.1998. № 104.

² Закон Республики Казахстан от 16 февраля 2012 г. № 561-IV «О воинской службе и статусе военнослужащих» // Казахстанская правда. 25.02.2012. № 57.

³ Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 100-З «О статусе военнослужащих» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2010 г. № 15, 2/1652.

⁴ Закон Республики Армения от 29 ноября 2017 г. № 3Р-195 «О военной службе и статусе военнослужащего» // Официальные ведомости Республики Армения. 06.12.2017. № 73 (1348), ст. 1209.

⁵ Указ Президента РФ от 16 марта 2022 г. № 121 «О мерах по обеспечению социально-экономической стабильности и защиты населения в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203160012> (дата обращения: 01.11.2022).

регулирование социального обеспечения, предоставляемого в виде единовременных выплат, на уровне субъектов РФ объемно, что позволило провести дифференциацию регионального правового регулирования социального обеспечения мобилизованных граждан, граждан, проходящих военную службу по контракту, и членов их семей.

Единовременные выплаты предназначены для оказания помощи семье мобилизованных граждан, граждан, проходящих военную службу по контракту, в восполнении доходов в связи с наличием особых обстоятельств, в частности, связанных с риском, способным повлиять на ее материальную обеспеченность.

Анализ существующего регионального законодательства позволяет провести дифференциацию таких выплат и сгруппировать единовременные выплаты по основаниям предоставления.

1. *В зависимости от порядка поступления в ряды Вооруженных Сил Российской Федерации.* Единовременные выплаты предоставляются гражданам, призванным на военную службу на основании повестки (мобилизованные граждане), гражданам, прибывшим в военный комиссариат добровольно (контрактники).

Так, в Санкт-Петербурге в целях оказания материальной помощи отдельным категориям лиц, проходящим военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации, предоставляется единовременная материальная помощь: в размере 100 тыс. руб. гражданам Российской Федерации, призванным на военную службу на основании повестки, и 300 тыс. руб. прибывшим в комиссариат добровольно¹.

В Курской области осуществляется единовременная выплата в размере 500 тыс. руб. добровольно выполнявшим (выполняющим) с 24.02.2022 задачи в ходе СВО и членам семьи добровольца², а также единовременные выплаты лицам, призванным на военную службу по мобилизации, лицам, заключившим контракт с Министерством обороны РФ после вступления в силу Указа Президента о мобилизации, в размере от 100 до 300 тыс. руб. в зависимости от звания³.

В Калининградской области единовременная выплата 15 тыс. руб. предусмотрена для членов семей граждан, призванных на военную службу по мобилизации⁴. При этом отдельного правового регулирования о выплатах добровольцам не предусмотрено. Кроме того, предусмотрена определенная очередность предоставления такой выплаты⁵.

В Иркутской области гражданам, призванным на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, предоставляется единовременная денежная выплата в размере 100 тыс. руб.⁶ В Псковской области подобная выплата мобилизованному гражданину или его супруге составляет 50 тыс. руб.⁷

¹ Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 28.09.2022 № 895 «Об оказании единовременной материальной помощи отдельным категориям лиц, проходящих военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7800202210060007> (дата обращения: 06.10.2022).

² Постановление Администрации Курской области от 17.06.2022 № 661-па «Об установлении расходного обязательства» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4600202207140001?rangeSize=20> (дата обращения: 22.06.2022).

³ Постановление администрации Курской области от 04.10.2022 № 1095-па «О предоставлении дополнительных социальных гарантий лицам, призванным на военную службу по мобилизации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4600202210060001> (дата обращения: 06.10.2022).

⁴ Постановление правительства Калининградской области от 10 октября 2022 года № 537 «О дополнительной разовой мере социальной поддержки в 2022 году в виде единовременной выплаты членам семей граждан, призванных на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 года № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации»» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3900202210120015> (дата обращения: 12.10.2022).

⁵ В первую очередь выплата предоставляется супруге мобилизованного гражданина, при ее отсутствии — родителю (родителям в равных долях) гражданина, а в случае, если мобилизованный гражданин не состоит в браке и не имеет родителя (родителей), выплата предоставляется совершеннолетнему ребенку (совершеннолетним детям в равных долях) мобилизованного гражданина.

⁶ Указ губернатора Иркутской области от 23 сентября 2022 года № 209-уг «О предоставлении единовременной денежной выплаты гражданам, проживающим на территории Иркутской области, призванным на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3800202209230001> (дата обращения: 10.10.2022).

⁷ Указ губернатора Псковской области от 12 октября 2022 года № 193-УГ «О мерах поддержки граждан Российской Федерации, призванных на военную службу по мобилизации, и членов их семей» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6000202210120001> (дата обращения: 21.10.2022).

В Хабаровском крае выплата предоставляется в размере 250 тыс. руб. только добровольцам батальонов региона¹. В Ярославской области выплата составляет 200 тыс. руб. также гражданам, заключившим контракт о прохождении военной службы².

2. *В зависимости от длительности срока службы мобилизованного гражданина, контрактника.* В отношении данного условия выявлена зависимость размера единовременной выплаты от срока обладания гражданином статуса военнослужащего / выполнения условий контракта.

Так, в Ханты-Мансийском АО — Югра 250 тыс. руб. предоставляется при заключении гражданином контракта, 250 тыс. руб. — при выполнении гражданином условий контракта в полном объеме по возвращении к месту жительства в автономном округе³.

3. *В зависимости от наличия в семье мобилизованного гражданина несовершеннолетнего ребенка.* Так, в Костромской области единовременная выплата в размере 30 тыс. руб. полагается гражданам, мобилизованным на территории Костромской области на военную службу по частичной мобилизации в ВС РФ, имеющим ребенка (детей) до 18 лет⁴.

В Челябинской области подобная выплата составляет 20 тыс. руб. на ребенка⁵.

В Амурской области единовременная выплата в размере 10 тыс. руб. предоставляется каждому несовершеннолетнему, в отношении которого мобилизованный гражданин является родителем (в том числе приемным), усыновителем, опекуном либо попечителем⁶.

4. *В зависимости от количества членов семьи военнослужащего.* Интересным представляется правовое регулирование в Республике Хакасия, где единовременная выплата предоставляется обратившемуся члену семьи мобилизованного гражданина в размере, являющемся суммой нескольких частей единовременной выплаты: в размере 10 тыс. руб. на каждого члена семьи мобилизованного, в размере 10 тыс. руб. на семью гражданина, 10 тыс. руб. на каждого несовершеннолетнего ребенка⁷.

Отдельно можно выделить выплаты, которые предполагают единовременную выплату в установленной законодателем сумме в сочетании с дополнительной выплатой на каждого ребенка в семье.

¹ Постановление Правительства Хабаровского края от 09.08.2022 № 410-пр «Об утверждении Порядка предоставления единовременной денежной выплаты гражданам, пребывающим в запасе, постоянно проживающим на территории Хабаровского края и заключившим краткосрочный контракт на прохождение военной службы в отдельных именных батальонах, формируемых Министерством обороны Российской Федерации в Хабаровском крае» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2700202208110012?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 11.08.2022).

² Указ губернатора Ярославской области от 25.07.2022 № 181 «О единовременной материальной выплате лицам, заключившим контракт о прохождении военной службы в именных воинских подразделениях, комплектуемых Ярославской областью» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7600202207280001> (дата обращения: 28.07.2022).

³ Постановление Правительства Ханты-Мансийского АО — Югры от 11 июля 2022 г. № 330-п «О предоставлении в 2022 году единовременной денежной выплаты гражданам, проживающим в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, поступившим на военную службу по контракту для участия в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/8600202207140002> (дата обращения: 14.07.2022).

⁴ Постановление губернатора Костромской области от 29.09.2022 № 222 «О дополнительной мере социальной поддержки гражданам Российской Федерации, призванным на военную службу по частичной мобилизации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4400202209290002> (дата обращения: 05.10.2022).

⁵ Закон Челябинской области от 28.10.2022 № 681-30 «О внесении изменений в статьи 1 и 2 Закона Челябинской области „О дополнительных мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан в связи с проведением специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины“» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7400202210310001> (дата обращения: 01.11.2022).

⁶ Постановление Правительства Амурской области от 3 октября 2022 г. № 980 «Об утверждении Порядка предоставления единовременной денежной выплаты семьям лиц, призванных на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2800202210050006?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 05.10.2022).

⁷ Постановление Правительства Республики Хакасия от 05.10.2022 № 602 «О направлении средств из резервного фонда Республики Хакасия, выделении средств из резервного фонда Правительства Республики Хакасия и об утверждении Порядка и условий предоставления единовременных выплат членам семей и детям граждан, проживающих на территории Республики Хакасия и призванных на военную службу по частичной мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1900202210060001> (дата обращения: 06.10.2022).

Так, в Тульской области единовременная выплата гражданам, направленным военным комиссариатом Тульской области для прохождения военной службы по контракту или в добровольческие отряды для участия в специальной военной операции, составляет 100 тыс. руб.¹, а также единовременная денежная выплата в размере 10 тыс. руб. на ребенка до 18 лет, 10 тыс. руб. на ребенка от 18 до 23 лет при условии его обучения по очной форме в образовательной организации².

В Мурманской области единовременная выплата предусмотрена членам семьи мобилизованного гражданина (в том числе родителям) в размере 100 тыс. руб. в равных долях, а также дополнительно каждому не достигшему возраста 18 лет ребенку гражданина — в размере 20 тыс. руб.³

В Республике Тыва размер единовременной выплаты мобилизованным гражданам составляет 100 тыс. руб.⁴, а также единовременная выплата в размере 5 тыс. руб. предоставляется несовершеннолетним детям гражданина⁵.

Интересен опыт Белгородской области, где региональная единовременная денежная выплата в размере 100 тыс. руб. предоставляется каждому гражданину, призванному на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, гражданину, заключившему контракт о прохождении военной службы либо контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации⁶, а также единовременная выплата при рождении с 01.10.2022 ребенка у данных категорий граждан в размере 50 тыс. руб.⁷

В некоторых субъектах РФ правом на получение единовременной выплаты обладают принимающие участие в СВО мобилизованные граждане и граждане, заключившие контракт на добровольной основе, без вышеперечисленных дополнительных оснований. Кроме того, размер единовременных выплат обеим категориям военнослужащих одинаков.

В Республике Адыгея единовременная выплата размером 100 тыс. руб. предоставляется гражданам, заключившим контракт с Министерством обороны РФ для прохождения военной службы, а также гражданам, убывающим на военную службу по мобилизации в Вооруженные силы Российской Федерации⁸.

¹ Указ Губернатора Тульской области от 19 июля 2022 г. № 63 «Об осуществлении в 2022 году единовременной денежной выплаты отдельным категориям граждан» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7100202207220009> (дата обращения: 22.07.2022).

² Указ губернатора Тульской области от 12.10.2022 № 105 «О предоставлении дополнительных мер социальной поддержки отдельным категориям граждан» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7100202210130001> (дата обращения: 13.10.2022).

³ Постановление правительства Мурманской области от 24 сентября 2022 года № 749-ПП «Об установлении дополнительной меры социальной поддержки в форме единовременной материальной помощи» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5100202209260003> (дата обращения: 26.09.2022).

⁴ Постановление Правительства Республики Тыва от 19.10.2022 № 673 «Об утверждении Порядка предоставления единовременной денежной выплаты гражданам, проживающим на территории Республики Тыва, призванным на военную службу по частичной мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1700202210200003> (дата обращения: 20.10.2022).

⁵ Постановление Правительства Республики Тыва от 30.09.2022 № 614 «Об утверждении Порядка предоставления единовременной денежной выплаты на ребенка военнослужащего в возрасте от 0 до 18 лет, призванного на военную службу по частичной мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1700202210050012> (дата обращения: 10.10.2022).

⁶ Постановление губернатора Белгородской области от 3 октября 2022 года № 171 «О предоставлении региональной единовременной денежной выплаты» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3100202210030003> (дата обращения: 05.10.2022).

⁷ Постановление Правительства Белгородской области от 10 октября 2022 г. № 585-пп «О порядке предоставления выплат семьям граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Белгородской области, призванных на военную службу по мобилизации или заключивших контракт о прохождении военной службы либо контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные силы Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3100202210100006> (дата обращения: 12.10.2022).

⁸ Постановление Кабинета Министров Республики Адыгея от 23.09.2022 № 234 «О внесении изменений в постановление Кабинета Министров Республики Адыгея от 24 июня 2022 года № 142 „О единовременной денежной выплате гражданам, постоянно или преимущественно проживающим на территории Республики Адыгея, заключившим контракт с Министерством обороны Российской Федерации для прохождения военной службы в Майкопском артиллерийском дивизионе имени Х. Андрухаева, формируемом войсковой частью № 13714, убывающим в зону проведения специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины, в 2022 году“» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0100202209290005> (дата обращения: 29.09.2022).

В Республике Калмыкия единовременная выплата в размере 50 тыс. руб. полагается как военнослужащим, заключившим контракт о прохождении военной службы в составе Калмыцкого именованного воинского формирования в ходе специальной военной операции, так и мобилизованным гражданам.

Некоторые регионы при установлении права на единовременную выплату гражданам, заключившим контракт о прохождении военной службы в ВС РФ, при правовом регулировании учитывают временные рамки, в которых гражданин заключил контракт.

Так, в Республике Саха (Якутия) единовременная выплата в размере 200 тыс. руб. предоставляется мобилизованным гражданам¹, а также лицам, добровольно заключившим контракты на выполнение специальных военных задач с 24.02.2022².

В Московской области правом на получение единовременной выплаты в размере 200 тыс. руб. обладают мобилизованные граждане, а также лица, заключившие контракт на добровольной основе в период с 21.09.2022 по 31.10.2022³.

В Камчатском крае на дополнительную меру социальной поддержки в виде единовременной выплаты в размере 100 тыс. руб. могут рассчитывать как мобилизованные граждане⁴, так и заключившие контракт до 31.08.2022⁵.

Результаты

На основе норм права социального обеспечения должно осуществляться определение обязательных параметров исполнения социальных обязательств государством (в части установления видов и объемов обеспечения) [5].

Представляется справедливым подход, при котором правом на получение единовременной выплаты обладают мобилизованные граждане и граждане, заключившие контракт на добровольной основе, без дополнительных оснований, введенных регионами. Это определяет одинаковое правовое положение данных категорий военнослужащих ввиду равной вероятности наступления социального риска в период проведения специальной военной операции.

Данный вывод подтверждает введенная Указом Президента Российской Федерации от 02.11.2022 № 787 «О единовременной денежной выплате военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации» единовременная денежная выплата в размере 195 тыс. руб. гражданам РФ, призванным на военную службу по мобилизации (в том числе уже прошедшим службу по призыву), а также гражданам Российской Федерации (иностранцам гражданам), заключившим контракт о прохождении военной службы в ВС РФ сроком на один год и более.

¹ Указ главы Республики Саха (Якутия) от 25 сентября 2022 г. № 2603 «О мерах поддержки семей военнослужащих» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1400202209290004> (дата обращения: 29.09.2022).

² Указ главы Республики Саха (Якутия) от 29.09.2022 № 2610 «О мерах поддержки семей военнослужащих и граждан, исполняющих (исполнявших) служебные обязанности в составе Вооруженных Сил Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1400202210030002> (дата обращения: 03.10.2022).

³ Постановление губернатора Московской области от 05.10.2022 № 317-ПГ «О социальной поддержке граждан Российской Федерации, призванных Военным комиссариатом Московской области и призывными комиссиями по мобилизации граждан в Московской области на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, граждан Российской Федерации, заключивших контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, а также членов их семей» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5000202210070001> (дата обращения: 07.10.2022).

⁴ Постановление правительства Камчатского края от 28 сентября 2022 года № 513-П «О предоставлении дополнительной меры социальной поддержки гражданам, призванным на военную службу по частичной мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4100202209280006> (дата обращения: 29.09.2022).

⁵ Постановление правительства Камчатского края от 26.07.2022 № 394-П «О внесении изменения в постановление Правительства Камчатского края от 01.04.2022 № 150-П „О предоставлении дополнительных мер социальной поддержки отдельным категориям граждан, принимающим (принимавшим) участие в специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины, и членам их семей, проживающим в Камчатском крае“» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4100202207270004> (дата обращения: 29.09.2022).

Заключение

Ввиду выполнения новых для государства задач, напрямую связанных с вероятностью наступления социального риска для мобилизованных граждан, граждан, добровольно заключивших контракт на прохождение военной службы в ВС РФ, и членов их семей, данные субъекты наделяются специальным правовым статусом, обуславливающим их право на различные виды социального обеспечения. Оперативное реагирование на новые социальные риски должно быть обоснованным, а критерии, положенные в его основу, — взвешенными и продуманными [3]. Реакция законодателя, последовавшая за объявлением частичной мобилизации, является необходимой и своевременной, при этом выбор региональным законодателем дополнительных критериев для возникновения права военнослужащих на единовременные выплаты должен отвечать задачам социального обеспечения, что напрямую влияет на эффективность выплат такого рода.

Литература

1. Антипьева Н. В. Принципы правового регулирования отношений по государственному социальному обеспечению военнослужащих // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2009. № 2 (19). С. 89–97.
2. Антипьева Н. В. Социальные риски как основания социального обеспечения военнослужащих // Российский ежегодник трудового права. 2009. № 4. С. 627–638.
3. Гусева Т. С., Семянникова Д. А. Развитие российского законодательства о социальном обеспечении в условиях распространения коронавирусной инфекции // Социальное и пенсионное право. 2020. № 4. С. 10–16.
4. Истомина Е. А. Пределы компенсации социальных рисков // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 2 (55). С. 122–127.
5. Миронова Т. К. Право социального обеспечения и современные тенденции правового регулирования отношений в сфере социальной защиты : диссертация ... д.ю.н.: 12.00.05. Место защиты: МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва, 2007. 365 с.
6. Проблемы Общей части права социального обеспечения / под общей редакцией Э. Г. Тучкова. М. : Проспект, 2017. 416 с.

Об авторе:

Семянникова Дина Александровна, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук; e-mail: semyannikova-da@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5113-5958>

References

1. Antipyeva N. V. Social Risks as the Basis of Social Security for Military Personnel. *Russian Yearbook of Labor Law* [Rossiiskii ezhegodnik trudovogo prava]. 2009; (4): 627–638. (In Rus.)
2. Antipyeva N. V. Principles of Legal Regulation of Relations on State Social Security of Military Personnel. *Bulletin of Omsk University* [Vestnik Omskogo universiteta]. Series: Law. 2009; 19 (2): 89–97. (In Rus.)
3. Guseva T. S., Semyannikova D. A. Development of Russian Legislation on Social Security in Conditions of the Spread of Coronavirus Infection. *Social and Pension Law* [Sotsial'noe i pensionnoe pravo]. 2020; (4): 10–16. (In Rus.)
4. Mironova T. K. Social Security Law and Current Trends in the Legal Regulation of Relations in the Field of Social Protection: dissertation ... Doctor of Law : 12.00.05. Place of defense: Moscow State University named after M. V. Lomonosov. Moscow, 2007. 365 p. (In Rus.)
5. Istomina E. A. Limits of Compensation for Social Risks. *Bulletin of Omsk University* [Vestnik Omskogo universiteta]. Series: Law. 2018; 55 (2): 122–127. (In Rus.)

6. Problems of the General Part of Social Security Law. Ed. by Tuchkova E. G. Moscow : Prospect, 2017. 416 p. (In Rus.)

About the author:

Dina A. Semyannikova, Associate Professor of the Department of Law of the North-West Institute of management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence;
e-mail: semyannikova-da@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5113-5958>

Правовое регулирование брачных отношений с иностранными гражданами (на примере Вьетнама)

Атнашев В. Р.

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: atnashev-vr@ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6369-4762>

РЕФЕРАТ

В настоящей статье проанализированы некоторые особенности вьетнамского законодательства, касающиеся заключения браков с участием иностранных граждан и вопросов гражданства. Также рассмотрена проблема принудительных и фиктивных браков.

Цель. Выявление особенностей законодательства Вьетнама о браке и семье и некоторых актуальных проблем в сфере смешанных браков.

Задачи. Анализ основных положений вьетнамского «Закона о браке и семье», роли международных договоров в данной сфере, сравнение ситуации с фиктивными браками во Вьетнаме и Российской Федерации.

Методология. Использованы общенаучные методы и метод сравнительного правоведения, в том числе сравнительно-правовой анализ норм международного частного права в области брачно-семейных отношений, анализ судебной практики применительно к фиктивным бракам граждан Социалистической Республики Вьетнам в Российской Федерации.

Результаты. Социалистическая Республика Вьетнам и Российская Федерация, представляя разные регионы мира и правовые системы, в сфере брачно-семейных отношений с иностранным элементом имеют сходные проблемы, которые во Вьетнаме усугубляются социальными проблемами и слабой защитой прав женщин и девочек.

Выводы. Пример Вьетнама показывает, что заключение двусторонних договоров и участие в международных конвенциях позволяют устранить проблему коллизии коллизий (хроающих браков), а участие в международных организациях может улучшить социально-экономическое положение населения и механизмы защиты прав человека в сфере брачно-семейных правоотношений.

Ключевые слова: хроающие отношения, гражданство, права женщин, фиктивный брак, торговля людьми, брачный договор

Для цитирования: Атнашев В. Р. Правовое регулирование брачных отношений с иностранными гражданами (на примере Вьетнама). *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2022;16(4): 98-105. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-98-105>

Legal Regulation of Marriage Relations with Foreign Citizens (on the Example of Vietnam)

Vadim R. Atnashev

North-Western Institute of Management of RANEPa, Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: atnashev-vr@ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6369-4762>

ABSTRACT

The article discusses, first of all, some features of the Vietnamese legislation concerning marriages with foreign citizens and issues of citizenship. The problem of forced and fictitious marriages is also touched upon.

Aim. Identification of specifics of the Vietnamese legislation on marriage and family and some topical problems in the field of mixed marriages.

Tasks. Analysis of main provisions of the Law on Marriage and Family of Vietnam, the role of international treaties in this sphere, comparison of the situation with fictitious marriages in Vietnam and the Russian Federation.

Methods. Comparative legal analysis of the norms of international private law in the field of marriage and family relations, description of the approaches of Vietnamese legislation to limping marriages and remission, as well as analysis of judicial practice in relation to fictitious marriages of Vietnamese citizens in the Russian Federation.

Results. The Socialist Republic of Vietnam and the Russian Federation, representing different regions of the world and legal systems, have similar problems in the field of marriage and family relations involving foreign elements, which in Vietnam are exacerbated by social problems and weak protection of the rights of women and girls.

Conclusion. The case of Vietnam demonstrates the conclusion of bilateral agreements and of universal conventions enhance eliminating the problem of conflict of law (limping marriages), while participation in international organizations improves the socio-economic situation of the population and develop mechanisms for protecting human rights in the field of marriage and family relations.

Keywords: limping marriage, citizenship, women's rights, fictitious marriage, human trafficking, prenuptial agreement

For citing: Atnashev V. R. Legal Regulation of Marriage Relations with Foreign Citizens (on the Example of Vietnam). *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2022;16(4): 98-105. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-98-105>

Введение

Брачные правоотношения, осложненные иностранным элементом, регулируются международным частным правом и приобретают особые отличительные признаки.

В целом в отечественной науке вопросам личных правоотношений, осложненных иностранным элементом, уделяется недостаточно внимания, особенно неимущественным отношениям. В то же время развитие международных связей и увеличивающееся количество смешанных браков обуславливают необходимость изменений в законодательстве государств с учетом норм коллизионного права. В полной мере это касается и российско-вьетнамских отношений.

В своей статье профессор В. М. Мазырин, главный отечественный специалист по новейшей истории Вьетнама, отмечает несовпадение сфер геополитических интересов РФ и Социалистической Республики Вьетнам (далее — СРВ). В частности, «Москва сделала ставку на создание нового интеграционного объединения стран — членов СНГ, охватив отдельные его части экономическим союзом (ЕАЭС) и военно-политическим партнерством (ОДКБ). Поскольку в этот блок вступили преимущественно государства Средней и Южной Азии, связанные с Китаем, ...была образована единая политическая платформа — Шанхайская организация сотрудничества, с которой, что показательно, СРВ никак не хочет взаимодействовать...» [3, с. 118].

Действительно, «тот факт, что РФ и СРВ видят свое будущее в разных с точки зрения географии интеграционных объединениях, объективно отдаляет их интересы» [Там же]. Если Россия отдает предпочтение регионализму (ШОС, ЕАЭС), то Вьетнам активно участвует в работе ВТО и вступает в такие универсальные организации, как Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) и Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транс-Тихоокеанском партнерстве (ВП ТТП) [7, с. 105]. К слову, ВРЭП считается крупнейшей в мире зоной свободной торговли (ЗСТ), на долю которой приходится 30% мирового ВВП [4, с. 157]. Тем не менее, по мнению Е. В. Кобелева, «в отношениях между РФ и СРВ нет неразрешимых проблем, которые бы тормозили их стратегическое партнерство, как и нет серьезных политических сил, которые выступали бы против развития и укрепления традиционных уз дружбы и сотрудничества между народами двух стран» [1, с. 27].

Источники регулирования брачных отношений в праве Вьетнама

К международно-правовым средствам регулирования отношений в данной сфере относятся международные универсальные договоры и декларации, принятые ООН; Гаагские конвенции и двусторонние межгосударственные договоры по семейным вопросам. В рассматриваемой сфере именно двусторонние договоры имеют первостепенное значение.

25 августа 1998 г. был заключен Договор между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам, ратифицированный Государственной Думой в мае 2010 г.¹, заменивший Договор между СССР и Социалистической Республикой Вьетнам о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам 1981 г. Раздел «Вопросы семейного права» (раздел 2) в действующем договоре начинается со ст. 24, посвященной заключению брака. В ней говорится, что условия заключения брака определяются для каждого из лиц, вступающих в брак, в соответствии с законодательством Договаривающейся Стороны, гражданином которой это лицо является (п. 1). В отношении препятствий к заключению брака соблюдается законодательство Договаривающейся Стороны, на территории которой заключается брак (п. 1), как и в отношении формы заключения брака (п. 2).

Тем не менее для укрепления двусторонних связей и России, и Вьетнаму необходимо большее участие в универсальных международных договорах в области семейного права, что также имеет значение для решения проблемы «хромающих браков».

Прежде всего, следует упомянуть Гаагскую конвенцию о заключении и признании действительности браков 1978 г.

Как указывает С. Ю. Ли, участие Российской Федерации (впрочем, как и Вьетнама) в данной конвенции позволила бы супругам — гражданам договаривающихся государств — участникам Конвенции, находящимся в «смешанных» браках, избавиться от опасений непризнания заключенных ими браков, а также заключения супругами вторично брака на территории государства своего гражданства [5, с. 22].

Между тем Россия не участвует и в Конвенции ООН о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков 1965 г., в отличие от Азербайджана и Кыргызстана. Согласно ст. 1 Конвенции, «не допускается заключение брака без полного и свободного согласия обеих сторон, которое должно быть изъявлено ими лично, в соответствии с законом» (ст. 1). В следующей статье говорится: «...участствующими в Конвенции государствами издаются законодательные акты, устанавливающие минимальный брачный возраст [15 лет. — Примеч. авт.]... Не допускается заключение брака с лицом, не достигшим установленного возраста, кроме тех случаев, когда компетентный орган власти в интересах сторон, вступающих в брак, разрешает сделать из этого правила исключение по серьезным причинам». Все браки должны регистрироваться компетентным органом власти (ст. 3).

Брачно-семейные отношения и вопросы гражданства в законодательстве Вьетнама

Во Вьетнаме при заключении смешанного брака вступающие в него вправе включить оговорку о применимом праве в брачный договор (п. 2 ст. 161), поэтому теоретически в качестве такого может быть выбрано право Вьетнама.

Для многих вьетнамцев, постоянно проживающих за рубежом, в том числе в Российской Федерации, очень важными являются вопросы гражданства, причем не только приобретения второго гражданства, но и отказа от гражданства СРВ. Последнее было крайне затруднено до принятия нового закона о гражданстве Вьетнама.

Во вьетнамском законодательстве предусмотрено, что брак, развод и признание недействительным брака между гражданином Вьетнама и иностранцем не изменяют гражданства Вьетнама. В действующем Законе о гражданстве 2008 г. (с изм. и доп. 2014 г.) обеспечены условия для принятия граждан-

¹ Договор ратифицирован вместе с Протоколом, подписанным 23 июля 2003 г. Вступил в силу 12 июня 2010 г. [Электронный ресурс] // Президент России — офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/7923> (дата обращения: 10.11.2022).

ства СРВ апатридами и беженцами. С другой стороны, допускается лишение лица, проживающего за границей, гражданства Вьетнама.

Интересно, что ранее и в Законе о гражданстве Вьетнама 1998 г. (ст. 16), и в одноименном законе 1988 г. (ст. 13) устанавливался приоритет положений международных договоров, подписанных Вьетнамом. Однако в действующем законе такое положение отсутствует. Только в ст. 12 данного закона, посвященной проблеме наличия у граждан Вьетнама одновременно иностранного гражданства, говорится о том, что такие вопросы регулируются в соответствии с международными договорами, в которых участвует Социалистическая Республика Вьетнам, а в случае отсутствия международного договора — в соответствии с международными обычаями (п. 1 ст. 12). В той же статье далее говорится: «В случае если иностранное право отсылает обратно к праву Вьетнама, то применяется вьетнамское законодательство о браке и семье»¹.

Согласно Гражданскому кодексу РФ, «обратная отсылка иностранного права может принимать-ся в случаях отсылки к российскому праву, определяющему правовое положение физического лица» (ст. 1190), а во Вьетнаме это отсылка к собственному праву вообще.

За рубежом вопросы усыновления и опеки с иностранным элементом решают дипломатические и консульские представительства Вьетнама, осуществляющие регистрацию брака, если это не противоречит праву государства пребывания (п. 1 ст. 102 Семейного кодекса СРВ), при этом ничего не говорится об их полномочиях в отношении расторжения брака.

Вообще, во Вьетнаме отдельный «Закон об усыновлении» был принят 17.06.2010. Согласно п. 5 ст. 3 данного закона, усыновление с иностранным элементом — это усыновление, осуществленное гражданином Вьетнама и иностранцем, постоянно проживающими во Вьетнаме иностранцами или гражданами Вьетнама, когда один из них проживает за рубежом². В последнем случае усыновление регистрируется дипломатическими представительствами СРВ за границей (п. 3 ст. 10)³. Следует отметить, что усыновитель-иностранец, постоянно проживающий во Вьетнаме, имеет приоритет перед проживающим за рубежом усыновителем с гражданством СРВ (ст. 5)⁴. Данный закон содержит специальный Раздел III «Усыновление с иностранным элементом» (ст. 22–34).

Согласно вьетнамскому законодательству, брак между гражданами Вьетнама или гражданами Вьетнама и иностранцами, зарегистрированный в иностранных компетентных органах за рубежом и соответствующий закону места регистрации брака, безусловно, признается в СРВ, если вьетнамский гражданин не нарушает нормы права своего государства [2].

Проблема нарушения прав женщин. Фиктивные браки

В действующем семейном законодательстве Вьетнама особое значение имеет ст. 5 Закона о браке и семье, которая называется «Охрана брачно-семейного режима».

1. Брачные и семейные отношения, определяемые и осуществляемые в соответствии с настоящим Законом, уважаются и охраняются законом.

2. Запрещаются следующие действия:

а) фиктивный брак, фиктивный развод;

б) ранний брак, принудительный брак, обманный брак, воспрепятствование браку;

в) когда состоящее в браке лицо заключает брак или сожительствует с другим лицом или, не состоя в браке, заключает брак или сожительствует с состоящим в браке лицом;

г) вступление в брак или соительство между прямыми родственниками; среди людей, имеющих родство в пределах трех поколений; между усыновителями и усыновленными детьми; между бывшими

¹ Luật Quoc Tich Viet Nam, 2008 (Закон о гражданстве Вьетнама) [Электронный ресурс] // International Law Firm — DSP (Devotion, Success, Profession). URL: <https://dsplawfirm.vn/luat-quoc-tich-viet-nam-nam-2008-sua-doi-bo-sung-nam-2014> (дата обращения: 10.11.2022).

² Luật Nuoi Con Nuoi. Ha Noi: NXB Tu Phap, 2010 (Закон об усыновлении) [Электронный ресурс] // THƯ VIỆN PHÁP LUẬT. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Quyen-dan-su/Luat-nuoi-con-nuoi-2010-108082.aspx> (дата обращения: 10.11.2022).

³ Там же, с. 11.

⁴ Там же, с. 9.

приемным отцом или приемной матерью и усыновленным ребенком, тестем и невесткой, свекровью и зятем, отчимом и падчерицей, мачехой и пасынком;

д) обогащение при вступлении в брак;

е) принуждение к разводу, развод при помощи обмана, воспрепятствование разводу;

ж) деторождение с использованием вспомогательных репродуктивных технологий в коммерческих целях, суррогатное материнство в коммерческих целях, выбор пола плода, бесполое размножение;

з) семейное насилие;

и) использование брачных и семейных прав в целях торговли людьми, трудовой эксплуатации, сексуального насилия или других действий в корыстных целях.

3. Все акты нарушения закона о браке и семье должны пресекаться строго и по закону.

Органы, организации и физические лица вправе требовать от судов и иных компетентных органов незамедлительного принятия мер по предупреждению и наказанию лиц, совершающих действия, которые нарушают законодательство о браке и семье.

4. Честь, достоинство, репутация, неприкосновенность частной жизни и другие личные права сторон уважаются и защищаются при разрешении брачно-семейных дел¹.

Одним из главных условий заключения брака является достижение брачного возраста — во Вьетнаме это 18 лет для женщин и 20 лет для мужчин. При определении брачного возраста иностранного гражданина применяется его / ее законодательство (*lex patriae* или *lex domicilii*).

Прямо указанное в п. «и» ч. 2 ст. 5 «использование брачных и семейных прав в целях торговли людьми, трудовой эксплуатации, сексуального насилия» по-прежнему является очень актуальным, так как вьетнамки активно вступают в браки с иностранцами, особенно гражданами КНР, Тайваня, Южной Кореи, при этом в этих странах часто нарушаются права женщин из Вьетнама. В частности, это иллюстрирует данные Департамента по делам семьи, который находится в ведении Национального комитета по делам населения, семьи и детей СРВ, ставшего «центральным механизмом по контролю и координации деятельности в области защиты, ухода и обучения детей»².

Неслучайно в 2011 г. во Вьетнаме был принят Закон о борьбе с торговлей людьми, который запрещает принудительный труд и сексуальную эксплуатацию.

Вообще, женская эмиграция — «это сфера повышенного риска и грубых нарушений прав человека», а государство часто не в состоянии обеспечить легитимную основу эмиграции своих граждан и тем более защиту их прав в этой сфере [6].

Ст. 1 Дополнительной Конвенции об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством 1956 г., относит к таким институтам и обычаям, в частности: «...с) любой институт или обычай, в силу которых... женщину обещают выдать или выдают замуж, без права отказа с ее стороны, ее родители, опекун, семья или любое другое лицо или группа лиц за вознаграждение деньгами или натурой; d) любой институт или обычай, в силу которого ребенок или подросток моложе восемнадцати лет передается одним или обоими родителями или своим опекуном другому лицу, за вознаграждение или без такового, с целью эксплуатации этого ребенка или подростка или его труда»³.

Следует отметить, что в последние годы наблюдается неуклонный рост количества жертв торговли людьми из Вьетнама в соседние страны. В частности, это отражено в недавнем докладе МОМ за 2022 г.⁴

¹ Luật Hôn nhân và gia đình 2014 số 52/2014/QH13 — Закон о браке и семье 2014 г. (Здесь и далее перевод с вьетнамского языка на русский выполнен автором статьи) [Электронный ресурс] // THU VIỆN PHÁP LUẬT. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Quyen-dan-su/Luat-Hon-nhan-va-gia-dinh-2014-238640.aspx> (дата обращения: 10.11.2022).

² Доклад о работе Тридцать второй сессии, Комитет по правам ребенка ООН (Женева, 13–31 января 2003 года) [Электронный ресурс]. URL: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:W_r1mn-INpsJ:docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx%3Fenc%3D6QkG1d%252FPPRiCAqhKb7yhq69A2GYuy0qAjh12awsE17T2E4mPj75WY4s4OktFH11sswmYd8ef1%252Bkk%252Fm4wlkuivuw5qRV8qQOwnt0C417Bl4%253D&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru (дата обращения: 10.11.2022).

³ Дополнительная Конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством [Электронный ресурс] // Конвенции и соглашения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/supplementconvention_slavery.shtml (дата обращения: 10.11.2022).

⁴ World Migration Report 2022: Chapter 10 — Human trafficking in migration pathways: trends, challenges and new forms of cooperation [Электронный ресурс] // IOM Publications Platform. URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022-chapter-10> (дата обращения: 10.11.2022).

По официальным данным, опубликованным в СРВ, почти 75% таких жертв, главным образом женщины и девочки, попадают в Китай, прежде всего в целях сексуальной эксплуатации¹. Естественно, статистика не отражает случаи насильственных браков с их участием².

Например, Детский фонд Blue Dragon подготовил доклад, в котором указывалось на увеличение случаев, когда приходилось вывозить из Китая вьетнамских девушек, оказавшихся жертвами насильственных браков³.

Кроме того, во Вьетнаме растет количество фиктивных браков с иностранцами. В основном такие браки заключают гражданки СРВ из бедных северных и юго-западных провинций Вьетнама.

В ст. 3 Закона о браке и семье дается определение фиктивного брака (п. 11): «Фиктивный брак означает использование брака для выезда, въезда, проживания, получения гражданства Вьетнама или иностранного гражданства; для получения льготного режима со стороны государства или для достижения других целей, не связанных с целью создания семьи»⁴.

К сожалению, проблема смешанных фиктивных браков актуальна и для России. Скандальный случай произошел в Самарской области: суд признал недействительным брак (фиктивный), который был зарегистрирован в местном ЗАГСе между мужчинами — гражданином России и гражданином Вьетнама, очевидно в отсутствие вьетnamца⁵. Другой пример из того же субъекта РФ: в мае 2012 г. суд Автозаводского района города Тольятти признал недействительным брак, заключенный в 2009 г. 21-летним гражданином России и 44-летней гражданкой Вьетнама, так как было установлено, что брак был заключен с целью получения вьетнамкой гражданства РФ в упрощенном порядке⁶. Вообще, в Самарской области таких случаев было довольно много⁷, особенно в г. Тольятти, где среди иностранцев, заключающих фиктивные браки, одно время на первом месте стояли именно вьетnamцы⁸. В 2018 г. был принудительно расторгнут брак между гражданином СРВ и жительницей г. Абдулино (Оренбургская область), признанный фиктивным⁹.

Помимо этого, в разных странах встречаются случаи, когда уже состоявшие в браке граждане Вьетнама, проживавшие за рубежом, заключали брак с иностранцами, скрывая факт наличия семьи во Вьетнаме. Учитывая уровень коррупции и во Вьетнаме, и в России, такие ситуации не воспринимаются как нечто вопиющее, хотя речь идет об административном правонарушении или уголовном преступлении (ст. 182 Уголовного кодекса Вьетнама 2015 г.), а также о нарушении прав российских граждан, прежде всего женщин и детей от таких «двойных» браков.

В целом заключение фиктивных браков с участием иностранных граждан не только нарушает принцип защиты семейных отношений, но и представляет угрозу интересам, основам общественной и государственной безопасности государства.

В отличие от многих других стран, в России заключение фиктивных браков не является уголовным преступлением и не влечет какой-либо серьезной ответственности — этим пользуются как предприим-

¹ China is main destination for Vietnamese trafficking victims: official [Электронный ресурс] // VnExpress International. URL: <https://e.vnexpress.net/news/news/china-is-main-destination-for-vietnamese-trafficking-victims-official-3797546.html> (дата обращения: 10.11.2022).

² A Discussion Brief on Child Marriage [Электронный ресурс] // UNFPA & UNICEF Vietnam. URL: <https://www.unicef.org/vietnam/sites/unicef.org/vietnam/files/2018-09/Child%20Marriage%20Eng.pdf> (дата обращения: 10.11.2022).

³ 'I hope you're ready to get married': in search of Vietnam's kidnapped brides [Электронный ресурс] // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/global-development/2017/aug/26/ready-married-kidnapped-brides-vietnam-china?CMP=Share_AndroidApp_Email (дата обращения: 10.11.2022).

⁴ Luật Hôn nhân và gia đình 2014 số 52/2014/QH13 — Закон о браке и семье 2014 г. [Электронный ресурс] // THU VIỆN PHÁP LUẬT. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Quyen-dan-su/Luat-Hon-nhan-va-gia-dinh-2014-238640.aspx> (дата обращения: 10.11.2022).

⁵ Гражданство «с браком» [Электронный ресурс] // 63.ru — новости Самары. URL: <https://63.ru/text/gorod/2012/03/15/55835221/> (дата обращения: 10.11.2022).

⁶ Прокурор в судебном порядке оспорил фиктивный брак гражданки Республики Вьетнам с гражданином России [Электронный ресурс] // БезФормата (bezformata.com) URL: <https://samara.bezformata.com/listnews/brak-grazhdanki-respubliki-vetnam/4252836/> (дата обращения: 10.11.2022).

⁷ Не поверили в любовь: в Самаре суд развел местного жителя с вьетнамкой [Электронный ресурс] // KP.Ru. URL: <https://www.samara.kp.ru/online/news/3715186> (дата обращения: 10.11.2022).

⁸ Из представителей стран дальнего зарубежья особо активными правонарушителями в этой сфере в России являются граждане Китая, Индии, Вьетнама.

⁹ Намерений создать семью у вьетnamца не было [Электронный ресурс] // Время 56 — новости Оренбургской области. URL: time56.ru/news/lenta-novostey/namereniya-sozdat-semyu-u-vetnamtsa-ne-bylo/ (дата обращения: 10.11.2022).

чивые граждане России, так и иностранцы. Очевидно, необходимо законодательно ужесточить ответственность иностранных граждан и особенно граждан России за заключение заведомо фиктивного брака.

Интересно, что в ч. 4 ст. 1394 Гражданского кодекса Франции (ФГК) закреплена императивная норма о публичном опубликовании брачного договора, когда один из супругов является коммерсантом на момент заключения брака, либо даже когда он становится коммерсантом в дальнейшем¹ (если нет брачного договора, то устанавливается *régime de communauté légale*, т. е. режим общей собственности)². Подобные положения, очевидно, направлены на охрану предпринимательских отношений. Наличие информации о принадлежности имущества тому или иному лицу позволяет защитить третьих лиц, которые участвуют в сделке с кем-либо из супругов и при необходимости могут наложить взыскание на одного из них.

Учитывая, что многие иностранцы, заключающие браки без намерения создать семью или «с корыстными целями» (в том числе граждане СРВ), являются предпринимателями и имеют стабильный доход, представляется целесообразным включить в российское законодательство аналогичное ФГК требование об обязательном заключении брачного договора, применительно к смешанным бракам.

Заключение

Такие государства, как Социалистическая Республика Вьетнам и Российская Федерация, представляющие разные регионы мира и правовые системы, в сфере брачно-семейных отношений с иностранным элементом имеют сходные проблемы, которые, однако, во Вьетнаме усугубляются социальными проблемами и слабой защитой прав женщин и девочек. На примере Вьетнама мы видим, что заключение двусторонних договоров и участие в международных конвенциях позволит устранить коллизии норм, а участие в международных организациях — улучшить социально-экономическое положение населения.

Литература

1. *Кобелев Е. В.* Вьетнам и политика поворота России на Восток // Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. М. : ИДВ РАН, 2020. С. 17–28.
2. *Крылова Н.* Семья с «иностранным элементом» // Азия и Африка сегодня. 2005. № 1 (570). С. 32–37.
3. *Мазырин В. М.* Сдержки экономического сотрудничества между Россией и Вьетнамом // Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. М. : ИДВ РАН, 2020. С. 114–131.
4. *Пак С. Ч.* Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) без Индии: статус мегэ-ЗСТ утрачен? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2021. Т. 16. № 2. С. 157–182. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-02-08
5. *Трофимец И. А., Ли С. Ю.* К вопросу о международно-правовом регулировании брачных отношений с участием иностранцев // Семейное и жилищное право. 2010. № 6. С. 21–26.
6. *Тюрюканова Е. В., Малышева М. М.* Женщина. Миграция. Государство. М. : Academia, 2001.
7. *Цветов П. Ю.* Российско-вьетнамские отношения под углом конструктивной критики. Рецензия на сборник статей «Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов» // Вьетнамские исследования. 2020. Т. 4. № 3. С. 104–109. DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10028

Об авторе:

Атнашев Вадим Рафаилович, доцент кафедры международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы

¹ Форма брачного договора [Электронный ресурс] // Lawyers-portal.ru. URL: lawyers-portal.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=170:2011-10-09-15-11-20&catid=17:2011-10-09-14-48-55&Itemid=18 (дата обращения: 10.11.2022).

² International Prenuptial Agreements [Электронный ресурс]. The Law Office of Jeremy D. Morley. URL: <https://www.international-divorce.com/the-need-for-international-prenuptial-agreements> (дата обращения: 10.11.2022).

при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат филологических наук, доцент;

e-mail: atnashev-vr@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6369-4762>

References

1. Kobelev E. V. Vietnam and the Russian “Pivot” to the East. Russian-Vietnamese Relations Today: Convergence of Bilateral Interests. Moscow : IFES RAN, 2020. P. 17–28. (In Rus.)
2. Krylova N. Family with a “Foreign Element”. *Asia and Africa Today* [Aziya i Afrika segodnya]. 2005; 570 (1): 32–37. (In Rus.)
3. Mazyrin V. M. What Does Restrain the Economic Cooperation between Russia and Vietnam. Russian-Vietnamese Relations Today: Convergence of Bilateral Interests. Moscow : IFES RAN, 2020. P. 114–131. (In Rus.)
4. Park San Chul. The Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) without Indian Participation: Can it Work as a Mega FTA? *International Organizations Research Journal: Education, Science, New Economy* [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika]. 2021; 16 (2): 157–182. (In Rus.) DOI: 10.17323/1996-7845-2021-02-08
5. Trofimets I. A., Li S. Yu. On the Issue of International Legal Regulation of Marriage Relations with the Participation of Foreigners. *Family and Housing Law* [Semeinoe i zhilishchnoe pravo]. 2010; (6): 21–26. (In Rus.)
6. Tyuryukanova E. V., Malysheva M. M. Woman. Migration. State. Moscow : Academia, 2001. (In Rus.)
7. Tsvetov P. Yu. Russian-Vietnamese Relations from the Point of View Constructive Criticism. Review of the Book “Russian-Vietnamese Relations Today: Convergence of Bilateral Interests”. *Vietnam Studies* [V’etnamskie issledovaniya]. 2020; 4 (3): 104–109. (In Rus.) DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10028

About the author:

Vadim R. Atnashev, Associate Professor of the Department of International and Humanitarian Law of the North-Western Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russia), PhD in Philology, Associate Professor in International Law and European Law;
e-mail: atnashev-vr@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6369-4762>

Сравнительный анализ южнокорейской и американской практики мягкой силы в мировой политике¹

Белая Е. К.^а, Кашина М. А.^{б, *}

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^б Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация;

* e-mail: kashina-ma@ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4509-8657>

РЕФЕРАТ

В XXI в. политика мягкой силы доказала свою целесообразность и эффективность и стала одним из важнейших внешнеполитических инструментов как сильных, так и средних и малых держав. Подход, предложенный Джозефом Наем, принято считать классическим примером политики мягкой силы, а США — лидирующим государством в этой области. Однако на фоне усиления на планете процессов глокализации и нарастания антиглобальных и антиамериканских настроений эффективность применения США политики мягкой силы оказывается под вопросом. Напротив, популярность южнокорейской культуры в последние годы во всем мире постоянно растет, что доказывает возможность успешного применения политики мягкой силы незападным (азиатским) государством.

Цель. Цель данной работы провести сопоставление южнокорейского и американского подходов к реализации политики мягкой силы.

Задачи. Задачи включают изучение элементов моделей мягкой силы США и Республики Корея (культура и образ жизни, ценности и идеологи, принципы внешней и внутренней политики) и их сравнение между собой.

Методология. Использованы методы кросс-культурного анализа и вторичного анализа данных, в том числе официальных источников.

Результаты. При реализации политики мягкой силы оба государства используют одинаковые ресурсы (элементы), выделенные Джозефом Наем (культура и образ жизни, идеология и ценности, принципы ведения внутренней и внешней политики).

Выводы. Различие между национальными моделями политики мягкой силы состоит в содержательном наполнении этих элементов. США и Республика Корея транслируют разные ценности, а также по-разному расставляют приоритеты в использовании отдельных элементов. США, делая главный акцент на идеологии, продвигают демократические ценности, в то время как Республика Корея, опираясь на культуру в широком понимании слова, апеллирует к гуманистическим и конфуцианским ценностям (любовь к себе, забота о ближних, поиск гармонии, жизнелюбие). Направления дальнейших исследований связаны с анализом природы и перспектив такого явления международных отношений, как азиатские волны (японская, корейская, китайская и др.).

Ключевые слова: Южная Корея, США, корейская волна, халлю, конфуцианство, культурная дипломатия, массовая культура, социальные сети, фандом

Для цитирования: Белая Е. К., Кашина М. А. Сравнительный анализ южнокорейской и американской практики мягкой силы в мировой политике. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2022;16(4): 106-120. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-106-120>

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда развития научных исследований и прикладных разработок СЗИУ РАНХиГС.

Comparative Analysis of South Korean and American Soft Power Practices in World Politics¹

Ekaterina K. Belaia^a, Marina A. Kashina^{b,*}

^a St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

^b Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: kashina-ma@ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4509-8657>

ABSTRACT

In the 21st century, soft power has proved its effectiveness and expediency and has become one of the most important foreign policy instruments of strong, medium and small powers. The approach proposed by Joseph Nye is considered to be a classic example of soft power politics with the United States being the leading state in this field. However, considering the intensification of glocalization processes and the growth of anti-global and anti-American sentiments, the effectiveness of the US soft power is being called into question. On the contrary, the popularity of South Korean culture has been constantly growing all over the world in recent years, which proves the possibility of successful application of the soft power policy by a non-Western (Asian) state.

Aim. The aim is to compare the South Korean and American approaches to the implementation of soft power policy.

Tasks. The tasks include studying the elements of the US and South Korean soft power models (culture and way of life, values and ideologies, principles of foreign and domestic policy) and comparing them with each other.

Methods. The methods of cross-cultural analysis and secondary analysis of data, including official sources, were used.

Results. When implementing the soft power policy, both states use the same resources (elements) distinguished by Joseph Nye (culture and lifestyle, ideology and values, principles of domestic and foreign policy).

Conclusion. The difference between national models of soft power lies in the content of these elements. The United States and the Republic of Korea convey different values and prioritize different elements of soft power. The United States, placing the main emphasis on ideology, promotes democratic values, while the Republic of Korea, relying on culture in the broadest sense, appeals to humanistic and Confucian values (love for oneself, caring for others, seeking harmony, cheerfulness). Directions for further research include the analysis of the origins and prospects of such a phenomenon of international relations as Asian waves (Japanese, Korean, Chinese, etc.).

Keywords: South Korea, the USA, Korean wave, Hallyu, Confucianism, cultural diplomacy, popular culture, social networks, fandom

For citing: Belaia E. K., Kashina M. A. Comparative Analysis of South Korean and American Soft Power Practices in World Politics. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2022; 16(4): 106-120. (In Rus.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-106-120>

Введение

Десять лет назад отечественные ученые, обсуждая проблему единства и многообразия культур в условиях глобализации, писали: «“Гуманитарная интервенция” должна быть исключена уже из-за самой двусмысленности и чудовищности словосочетания, которое включает как военное нападение с целью исправления стран-изгоев, так и давление, направленное на насильственную рекультуризацию

¹ The research was supported by the Foundation for the Development of Scientific Research and Applied Development of the North-West Institute of Management, Branch of RANEPA.

народов и людей» [16, с. 51]. Однако, как показала практика, современные государства отнюдь не отказались от идеи культурного вторжения, более того, сейчас оно становится одним из самых эффективных инструментов международной политики.

Феномены власти и силы всегда были в центре внимания в теории международных отношений [4, с. 8]. Известная идея Макса Вебера о том, что власть — это «любая возможность проводить внутри данных социальных отношений собственную волю даже вопреки сопротивлению, независимо от того, на чем такая возможность основана» [12, с. 41], получила новую интерпретацию в работах Джозефа Ная о мягкой силе. Согласно определению американского политолога, сила — это способность влиять на других, с тем чтобы получить желаемый результат [26, с. 2]. В работе *“Bound to Lead: The Changing Nature of American Power”* («Обреченные быть лидером: меняющаяся природа американской власти»), опубликованной в 1990 г., Джозеф Най предложил деление на жесткую и мягкую силу [25], отнес к первой военную мощь и экономическое могущество, а ко второй — ценностное и культурное обаяние. В истории человечества всегда превалировало проявление жесткой силы. Государства прибегали к военным и экономическим средствам давления для достижения своих целей. Однако новые реалии международной политики, в первую очередь появление в 1945 г. атомной бомбы и усиление процесса глобализации, повысили актуальность использования ресурсов мягкой силы (культура, идеология, ценности, институты, внутренняя и внешняя политика)

Работы Джозефа Ная способствовали возрождению дискуссии среди американской политической элиты о средствах достижения внешнеполитических целей [15, с. 304]. В период холодной войны США прибегали к использованию ресурсов мягкой силы для установления идеологического контроля над другими государствами. После распада СССР и краха биполярной системы международных отношений в 1991 г. США активизировали усилия по распространению своего культурного влияния по всему миру. По мнению американского политолога Эдварда Люттвака, глобализация стала использоваться США в качестве инструмента навязывания своей воли другим участникам международного сообщества, в частности в качестве инструмента культурной экспансии США [9, с. 262]. Учитывая лидерство США во всех сферах международных отношений, в том числе глобальную популярность американской культуры и американского образа жизни, американизация стала неотъемлемой частью глобализации. В свою очередь, глобализация и чрезмерная американизация породили противоположные тенденции — глокализацию, антиглобализм и антиамериканизм. Понятие глокализации было введено английским социологом Р. Робертсоном в начале 1990-х гг. Суть этого процесса состоит в том, «что представители локальных культур, втянутые в процесс экономической глобализации и стремящиеся приобрести от нее материальные выгоды, активно отстаивают при этом свою культурную идентичность и не стремятся приобщаться к инокультурным (прежде всего западным) ценностям» [8, с. 100]. Другими словами, в ходе глобализации государства, не принадлежащие к западной культурной традиции, не разделяющие западные ценности, стали четко осознавать свою непохожесть на «западные эталоны» и собственную самобытность, которой можно и нужно гордиться.

Идея того, что «мягкие» способы ведения политики (влияние через привлечение и убеждение) в определенных ситуациях могут оказаться более эффективными по сравнению с «жесткими» методами (давление и принуждение при помощи военных и экономических средств), известна с древнейших времен. Но поскольку, как уже отмечалось, именно Джозеф Най ввел термин «мягкая сила» [26, с. 1], не будет преувеличением сказать, что США стали пионерами в теоретическом осмыслении и практическом применении этой силы. Вслед за Соединенными Штатами концепцию мягкой силы взяли на вооружение практически все остальные страны мира, успешно адаптируя ее к своим национальным особенностям.

Если в начале XXI в. трудно было найти государство, чья стратегия мягкой силы была бы столько же эффективна, как американская, то сейчас ситуация начала меняться. Самый яркий пример — Республика Корея (далее — РК или Южная Корея). Сегодня, во втором десятилетии нового века, благодаря усилиям южнокорейского правительства, корейская¹ культура приобретает огромную популярность во всем мире.

¹ В данной работе под словом «корейский» понимается «южнокорейский», если не сказано иначе.

Необходимо подчеркнуть, что сильные мировые державы, такие как США, Китай, Россия, применяют стратегии мягкой силы как дополнение к инструментам жесткой силы, средние державы, к коим относится Южная Корея, вынуждены в большей мере полагаться на мягкую силу за неимением большого арсенала средств жесткой силы.

Первые идеи о необходимости экспорта корейской культуры для решения задач внешней политики прозвучали в период пребывания у власти президента Пак Чонхи (1963–1979 гг.), который в качестве инструмента повышения международного престижа страны рассматривал не только экономическое развитие, но и популяризацию тхэквондо как символа корейской культуры. В качестве одной из причин успеха будущей корейской мягкой силы можно назвать преемственность власти — последующие лидеры (Чон Духван (1980–1988 гг.), Ро Дэу (1988–1993 гг.)) продолжали начинания своих предшественников с тем, чтобы укрепить статус Южной Кореи как экономически развитого и демократического государства и создать, таким образом, положительный образ страны и улучшить к ней отношение мировой общественности, используя в том числе и ее культурные достижения (проведение в РК Азиатских игр 1986 г. и Олимпийских игр 1988 г.) [7, с. 338].

Официальным началом применения РК мягкой силы принято считать 1994 г., когда президент РК Ким Ёнсам (1993–1998 гг.) поставил перед правительством задачу использовать культуру для продвижения положительного образа Южной Кореи на мировой арене, а также для увеличения темпов экономического роста. Ким Ёнсам был впечатлен тем фактом, что кассовые сборы от фильма Стивена Спилберга «Парк Юрского периода» (1993 г.) равнялись прибыли, которую на тот момент получала компания Hyundai от продажи 1,5 млн единиц автомобилей¹.

Начиная с 1990-х гг. правительство РК начало активно использовать мягкую силу для достижения внешнеполитических целей. Сейчас в 2020-х трудно не согласиться с тем, что страна достигла на этом поприще немалых успехов. Подтверждением тому служит беспрецедентный рост популярности корейской культуры по всему миру, в том числе международный успех корейских музыкальных поп-групп и корейского кинематографа (фильм «Паразиты» режиссера Пон Чжунхо (2019 г.), сериал «Игра в кальмара» Хван Донхёка (2021 г.), фильмы «Пустой дом» (2004 г.), «Ариран» (2011 г.) и «Пьета» (2012 г.) режиссера Ким Кидука). Халлю (корейская волна), под которой понимают растущую популярность всего корейского — от фильмов и музыки до кухни и моды [3, с. 116], — стала одной из самых обсуждаемых тем среди специалистов, занимающихся вопросами мягкой силы.

Успех Южной Кореи в применении политики мягкой силы в международных отношениях актуализирует вопрос о том, было ли это удачным использованием американского (западного) опыта или была разработана собственная южнокорейская (азиатская) модель.

Обзор литературы

В своих работах Джозеф Най, раскрывая сущность понятия мягкой силы, ориентировался на опыт США. По признанию самого автора, описывая ресурсы и инструменты мягкой силы, он исходил из конкретного случая (кейса США), а не разрабатывал универсальный подход, подходящий для каждой страны [26, с. 6]. Тем не менее идеи Джозефа Нае стали классическим пониманием мягкой силы, от которого отталкивается большинство авторов, исследующих данную тему. При этом в процессе выработки национальной модели эксперты стараются привнести в классическую стратегию мягкой силы США то, что отражало бы особенности той или иной страны [11, с. 77].

На тему мягкой силы Южной Кореи написано множество работ. Их авторы изучают особенности, присущие южнокорейской модели, в том числе с целью понять секрет популярности корейской волны (халлю).

Ким Бокрэ, профессор Андонского национального университета, обосновывает успех политики мягкой силы РК следующими национальными особенностями. Во-первых, это высокий уровень экономического

¹ [언론분석] 한국의 소프트파워를 보도한 《르몽드》 ([Анализ СМИ] “Le Monde”, отчет о мягкой силе Кореи) [Электронный ресурс] // KOFICE: Korea Foundation for International Culture Exchange website. URL: http://kofice.or.kr/c30correspondent/c30_correspondent_02_view.asp?seq=18292 (дата обращения: 25.09.2022).

развития и индустриализации страны, благодаря которым 1) создается позитивный имидж Южной Кореи как развитой страны и 2) РК производит высококачественный культурный контент (яркие, красочные, высокого разрешения фильмы и клипы). Во-вторых, успех халлю объясняется общим уровнем привлекательности корейской культуры и образа жизни — автор пишет про особую модель корейского общества, в котором искусно сочетаются традиции (почтительность к старшим, забота о коллективе) и современность (развитая экономика, демократия, активное гражданское общество) [22].

Чо Бёнчоль и Сим Хичоль, профессора института СМИ и искусств Донг-а, в качестве основных факторов успеха мягкой силы РК называют 1) обилие и разнообразие культурного контента и 2) активное использование социальных сетей в продвижении культурных продуктов [19]. Авторы особенно отмечают высокий уровень корейских цифровых технологий, которые позволяют потребителю погрузиться в выступление, клип или фильм и испытать реалистичные эмоции.

Обобщая работы южнокорейских специалистов, можно сделать вывод, что успех корейской политики мягкой силы, который выражается в глобальной популярности корейской культуры, по их мнению, основан на трех китах: государственная политика, уникальность корейской культуры и цифровые технологии.

Грамотная государственная стратегия позволяет представить корейскую культуру как неповторимое сочетание современных западных и традиционных корейских ценностей, в которых любой человек сможет найти что-то для себя. Цифровые технологии, в развитии которых РК занимает лидирующие позиции, становятся каналами продвижения культурного продукта [24; 27].

В настоящее время корейскую политику мягкой силы можно назвать более успешной, чем американскую, доказательством чего являются усиливающиеся в мире антиамериканские настроения. Любовь к американской культуре совсем не означает любви к США как государству и принятия их ценностей, особенно политических [14, с. 20]. А ведь именно формирование позитивного отношения других стран и народов к государству, его ценностям и политике — основная цель использования мягкой силы как внешнеполитического инструмента.

Противоположная ситуация наблюдается с популярностью корейской культуры. Халлю продолжает набирать обороты, привлекая все новых фанатов. Согласно отчету «Глобальный статус халлю — 2021», опубликованному Корейским фондом, по состоянию на декабрь 2021 г. число поклонников халлю во всем мире составило 156,6 млн чел., что на 29% больше, чем в 2020 г., и в 17 раз больше по сравнению с 2012 г., когда была опубликована первая версия подобного отчета¹. Высокая положительная тенденция увеличения количества фанатов корейской волны наблюдается во всех регионах — в 13 раз в Европе, в 15 раз в Азии и Океании, в 22 раза в Америке, в 130 раз в Африке и на Ближнем Востоке. При этом 58,8% опрошенных из 116 стран ответили, что после знакомства с халлю их восприятие о Южной Корее изменилось в положительную сторону.

Данные опросов показывают, что фанаты халлю интересуются не только современной K-POP культурой, но и историей и традициями страны. Согласно данным Министерства культуры, спорта и туризма РК от ноября 2021 г., в 43 странах мира поклонники халлю заявили, что наслаждаются традиционной корейской культурой².

Представленный выше краткий обзор литературы показывает, что имеется много работ, посвященных феномену корейской мягкой силы и успеху халлю, большинство из которых анализируют особенности южнокорейской версии мягкой силы. Однако практически нет работ, в которых проводился бы сравнительный анализ моделей мягкой силы, используемых США и Южной Кореей. Заполнить этот теоретический пробел и призвана данная статья.

Исследовательский вопрос состоит в следующем: каковы отличия в наполнении элементов двух национальных моделей мягкой силы (южнокорейской и американской) и методах их продвижения?

¹ 2021 지구촌 한류현황 (2021 Глобальный статус Халлю) [Электронный ресурс] // MOFA: Republic of Korea Ministry of Foreign Affairs website. URL: https://www.mofa.go.kr/www/brd/m_4099/view.do?seq=367660&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm= (дата обращения: 25.09.2022).

² 전 세계 43개국 한류팬 한국 전통문화에 빠지다 (Поклонники Халлю из 43 стран мира наслаждаются традиционной корейской культурой) [Электронный ресурс] // MCST: Republic of Korea Ministry of Culture, Sports and Tourism website. URL: https://www.mcst.go.kr/kor/s_notice/press/pressView.jsp?pSeq=19173 (дата обращения: 25.09.2022).

Методология

В качестве теоретической рамки выбрана концепция глокализации Роланда Робертсона, в частности, тезис о том, что «Для культурной глобализации как глокализации характерно сближение деловой и потребительской культуры между разными странами мира и рост международного общения. С одной стороны, это приводит к популяризации отдельных видов национальной культуры по всему миру. С другой — популярные международные культурные явления могут вытеснять национальные или превращать их в интернациональные, зачастую даже приобретая их культурную окраску» [10, с. 177]. Феномен мягкой силы РК с позиций этой концепции предстает как диффузное проникновение восточной (азиатской), основанной на конфуцианской этике, культуры в западный (христианский) мир, при этом национальное содержание (традиции и ценности) упаковывается в универсальные формы потребления (телесериалы, клипы, еда, одежда, косметика и т. д.).

Цель статьи — провести сопоставление южнокорейского и американского подходов к реализации политики мягкой силы: как содержательного наполнения элементов самой модели (используемых ресурсов), так и технологий ее реализации.

Объектом исследования выступает мягкая сила, а именно ресурсы и технологии реализации мягкой силы США и РК.

Предмет исследования — южнокорейский и американский подходы к реализации политики мягкой силы.

Основная гипотеза заключается в том, что в южнокорейском подходе к реализации политики мягкой силы используются принципиально иные, отличные от американских, ценности и технологии их продвижения.

Методы, использованные при написании работы, включают кросс-культурный анализ, вторичный анализ данных по теме исследования, в том числе официальных источников.

Результаты

Начнем с определения основных элементов (ресурсов), применяемых в классической (американской) модели мягкой силы. Джозеф Най выделяет три основных компонента, делающих государство «обаятельным и привлекательным» в глазах других стран и народов, — культура, ценности, политика (внутренняя и внешняя) [14, с. 20].

Соответственно, первый ресурс мягкой силы США — это привлекательность американской культуры и американского образа жизни [11, с. 70]. Многие исследователи склонны полагать, что из числа ресурсов мягкой силы наибольшим влиянием обладает культура (под которой чаще всего понимается ее материальное проявление — музыка, фильмы, еда, мода....) [14, с. 20]. Люди по всему миру восхищаются достижениями США в области науки и технологий (компьютеры, смартфоны, интернет вещей) и массовой культуры (американская музыка и киноиндустрия).

Второй ресурс США — идеология с ее акцентом на ценности демократии. Еще в первой четверти XX в. президент США Вудро Вильсон заявил, что у США есть особая историческая миссия — сделать всех людей свободными, отводя тем самым Америке роль всемирного проводника демократических ценностей [5, с. 39]. С тех пор в сознании американцев, особенно элиты, твердо сформировалось убеждение об исключительности и превосходстве своей богоизбранной страны [2, с. 6].

Третий ресурс — политика. Внешнеполитический курс США направлен на создание либерального международного порядка, основанного на демократических ценностях, внутривнутриполитический — на создание образа страны равных возможностей для всех. Многие американцы, а также иностранцы, стремящиеся переехать в США, вдохновляются «американской мечтой», согласно которой «если вы упорно трудитесь и не сдаётесь, вы обязательно добьётесь успеха, кем бы вы ни были» [28, с. 32]. Зарождение «американской мечты» относят к периоду «золотой лихорадки» начала и середины XIX в., когда некоторым счастливицам удавалось разбогатеть за одну ночь. Второй этап «американской мечты» связывают

с периодом индустриализации после гражданской войны (1861–1865 гг.). Символами этой эпохи стали Томас Эдисон, Генри Форд, Джон Рокфеллер, которые хоть и родились в обычных условиях, смогли добиться успеха благодаря собственным усилиям. В XXI в. живым доказательством того, что в США возможно все, стали Стив Джобс, Билл Гейтс, Марк Цукерберг.

Однако феномен снижения эффективности американской мягкой силы в начале XXI в., проявляющийся в усилении антиамериканизма в мире в условиях сохранения высокой популярности американской массовой культуры, свидетельствует о том, что культура не является определяющим компонентом стратегии мягкой силы. Представляется, что гораздо большую значимость в этом процессе играют идеологические и ценностные установки. В XXI в., когда основным конфликтогенным фактором становится принадлежность к разным цивилизациям [17], насаждение определенных стандартов, правил и норм поведения и придание им статуса универсальных оборачивается против США.

Теперь рассмотрим, какое наполнение эти ресурсы мягкой силы получают в РК.

Первый компонент — привлекательность корейской культуры и корейского образа жизни — составляет основу корейской мягкой силы. Основная роль здесь принадлежит халлю в целом, основными элементами которой выступают музыкальная индустрия (K-POP) и киноиндустрия (дорамы и фильмы), которые, в свою очередь, отвечают за продвижение других компонентов корейской культуры, в том числе бренды, демонстрирующие экономические успехи страны (автомобили и техника), бьюти-индустрия (косметика и пластическая хирургия), мода, еда и туристические достопримечательности.

К концу XX в. многие страны, включая РК, пришли к осознанию, что их культура ничуть не уступает западным канонам и, имея свою ценность, может также экспортироваться за пределы национальных границ [22, с. 155]. Самобытная культура способна выступить центральным элементом политики мягкой силы любого государства. Такую точку зрения отстаивает профессор департамента коммуникаций факультета социальных наук Сеульского Национального Университета Хон Соккён, которая, отвечая в интервью южнокорейскому каналу SBS News на вопрос о причинах популярности халлю, заявила, что основная причина кроется в привлекательности корейской культуры самой по себе¹. По словам профессора, в зарубежных СМИ и научных кругах появилось много статей, в которых политика корейского правительства ошибочно рассматривается как ключевой фактор успеха халлю. Профессор убеждена, что культура — это не та сфера, где можно добиться результата при помощи материальных вложений, а точка зрения, что успех халлю объясняется в первую очередь усилиями правительства, принижает культуру страны.

Второй компонент — ценности. Наиболее полно тема ценностей, транслируемых через ресурсы и инструменты мягкой силы Южной Кореи, рассмотрена в статье профессоров университета Конкук Ким Кидука и Пэ Санджуна «Халлю и традиционные культурные гены Кореи». Авторы приходят к выводу, что основные культурные коды, на которых строится халлю, можно резюмировать следующим образом: 1) сообщество (чувство единства) и вежливость (community and courtesy); 2) динамичность (активность) и азарт (dynamics and excitement); 3) интуиция и гармония (intuition and harmony) [23].

Ценности, транслируемые в корейской политике мягкой силы, можно проследить на примере текстов песен группы BTS, которой удалось добиться беспрецедентной популярности по всему миру. Облако слов текстов песен BTS² представлено на рисунке. Чем больше размер шрифта, тем чаще используется это слово.

¹ 오징어 게임, 기생충, BTS...한류 성공은 정부 덕이다? (Игра в кальмара, Паразиты, BTS... Является ли успех корейской волны заслугой правительства?) [Электронный ресурс] // SBS News. URL: https://news.sbs.co.kr/news/endPage.do?news_id=N1006526872 (дата обращения: 25.09.2022).

² Инфографика выполнена нашей коллегой по проекту Д. В. Жарковой, студенткой бакалавриата по направлению подготовки «Бизнес-информатика» СЗИУ РАНХиГС. При создании облака слов ею были обработаны 300 песен BTS, переведенных на английский язык и размещенных на сайте Kaggle (<https://www.kaggle.com/datasets/kailic/bts-lyrics>). Текстовый файл включает в себя также пунктуацию, поэтому количество всех слов с символами при начальной обработке составило 156 295. После чего была удалена пунктуация, все слова приведены к нижнему регистру, а также удалены стоп-слова, которые не несут смысловой нагрузки. В результате количество слов после предобработки составило 56 227. Для создания облака слов использовалась библиотека Wordcloud Python, максимальное количество слов, представленных в облаке, равно 200. Слово like (нравится) встречается 1 178 раз, слово love (любить) 814 раз, слово know (знать) 735 раз, слово let (давай) 634 раза и слово go (идти) 588 раз. В итоге основной посыл песен группы выглядит очень позитивно — «(мне) нравится любить, зная, давай идти».

преследуемые РК, во многом совпадают с задачами КНР. Для Южной Кореи важнейшим мотивом является желание создать новый позитивный образ страны — получить международное признание, занять достойное место среди развитых государств и играть более весомую роль на международной арене. Причиной тому служит история Кореи, которая очень долго боролась за свою независимость. Сначала она подчинялась Китаю (конец XIV — конец XIX вв.), а затем стала колонией Японии (1910–1945 гг.) [20, с. 83]. Желание возвысить свою страну подпитывается чувствами патриотизма и национального достоинства, свойственных конфуцианской этике. При этом крайне важно, что другие государства не рассматривают РК как опасного противника с гегемонистскими устремлениями, чего нельзя сказать о Китае или России.

В таблице представлен сводный сравнительный анализ ресурсов мягкой силы РК и США.

Таблица

Сравнительный анализ элементов южнокорейской и американской моделей мягкой силы

Table. Comparative analysis of elements of the South Korean and American models of Soft Power

Ресурсы мягкой силы	США	РК
Культура и образ жизни	Постиндустриальное общество с развитыми экономическими и демократическими институтами, граждане которого живут в материальном достатке и могут легко себя реализовать в любой сфере жизни	Общество, в котором искусно сочетаются традиции (почтительность к старшим, забота о коллективе) и современность (развитая экономика, демократия, активное гражданское общество)
Значимые ценности	Демократические ценности, права человека, индивидуализм, проактивность, личная успешность	Традиционные конфуцианские ценности (почтительное отношение к старшим, забота о коллективе); гармония с миром; любовь к себе и принятие себя; жизнерадостность и оптимизм
Внешняя политика	Либеральный мировой порядок, возглавляемый США, страной с исторической миссией	Образ ответственного члена международного сообщества через внесение вклада в развитие человечества и решение глобальных проблем
Внутренняя политика	Идея «американской мечты» — государство неограниченных возможностей, в котором можно добиться личного успеха при определенных стараниях	Экономически развитое демократическое государство, граждане которого живут счастливо, в коллективе, в достатке и гармонии

Источник: таблица составлена авторами на основе анализа вторичных источников.

Анализ данных таблицы позволяет выделить два главных отличия южнокорейской модели мягкой силы от американской. Во-первых, различаются сами ценности, на базе которых формируется транслируемый посыл. Если американская мягкая сила строится вокруг понятия демократии и индивидуального успеха, то корейский подход можно описать словами «гуманизм» и «общность» (коллективность). Ценности, составляющие основу южнокорейской модели, отличаются универсальностью, в то время как США продвигают «общепринятые» либеральные ценности, хотя современный мировой порядок отличается крайним плюрализмом взглядов.

Второе отличие заключается в том, на каком из трех ресурсов (культура, ценности, политика) государство делает особый акцент. Джозеф Най заявляет, что никогда не настаивал на демократических ценностях как неотъемлемом компоненте мягкой силы, универсальном для каждой страны [26, с. 6]. Однако американские политологи и практики осуществления мягкой силы делают акцент на форме политического устройства страны, работая прежде всего с идеологической составляющей. Продвигая себя как эталонную демократию, защищающую в первую очередь права человека, США противоречат сами себе, поскольку проводят политику двойных стандартов. Обвиняя одни страны в нарушении прав человека (например, КНР, КНДР или Россию), США при сотрудничестве с другими странами (например, Саудовская Аравия) закрывают глаза на случаи, которые с точки зрения пропагандируемых ими принципов должны рассматриваться как нарушение прав человека. Кроме того, США сами не могут похвастаться абсолютным соблюдением прав человека. Неудивительно, что позиционирование себя исключительной страной с особой миссией (приобщить весь мир к демократическим ценностям) вызывает недовольство и раздражение во многих странах. Профессор международных отношений Гарвардского университета

Стефан Уолт уверен, что внешняя политика США была бы более эффективной, если бы страна не столь яро заявляла о своей исключительности¹.

В свою очередь, Южная Корея больше опирается на культуру в широком понимании этого слова. Несмотря на то, что, на наш взгляд, именно идеологическая составляющая является преимуществом южнокорейского подхода в сравнении с американским, факт того, что РК не прибегает к открытой пропаганде своих ценностей, а аккуратно пронизывает ими создаваемый культурный контент, также является преимуществом. Апеллируя к духовной культуре, а не политическим ценностям, которые не находят отклика во многих странах, отличающихся от США политическим устройством, Южная Корея обеспечивает широкую поддержку своим проявлениям мягкой силы.

Если говорить о специфических технологиях реализации южнокорейской модели мягкой силы, то стоит выделить два момента: 1) активное использование социальных сетей и 2) создание в интернете тесных сообществ поклонников корейской культуры (фандомов).

Социальные сети. Как уже отмечалось, в качестве ключевого фактора успеха халлю, транслирующей ценности корейской культуры по всему миру, выделяют эффективное (профессиональное) использование цифровых технологий, в том числе социальных сетей. Успехи Южной Кореи в цифровизации общества и экономики дали ей определенное преимущество в этой сфере в сравнении с США. На 2022 г. уровень проникновения социальных сетей в РК составляет 91% (третий показатель в мире после ОАЭ и Малайзии)². Социальные сети, предоставляя пользователям возможность общаться в любое время и из любой точки мира в режиме реального времени, сближают на фоне общих интересов огромные массы людей и приводят (в случае с халлю) к формированию так называемых фандомов или фанат-сообществ.

Фандомы. Необходимо подчеркнуть, что агентами мягкой силы выступают не только государственные институты, но и негосударственные организации, а также обычные граждане. Специалисты отмечают, что фандомы играют важную роль в процессе самоидентификации и социализации человека [6, с. 140]. Особенно сильное влияние, прежде всего с культурной точки зрения, фандомы приобретают в том случае, когда человек испытывает трудности с определением себя в обычной жизни вне фандома. Не менее важно и то, что, объединяясь в фандомы, фанаты получают возможность играть важную роль в жизни любимой группы, оказывая на участников и их творчество непосредственное влияние [Там же, с. 141].

Проиллюстрируем применение данных технологий использования мягкой силы на примере южнокорейской музыкальной группы BTS, которая сегодня приобрела глобальную популярность. Анализ феномена BTS особенно важен, учитывая, что фандом этой группы (ARMY) насчитывает порядка 90 млн чел. по всему миру, большую часть которых составляют подростки и молодежь. Не исключено, что кто-то из этих фанатов, став взрослыми, будут теми, кто принимает важные решения, в том числе экономические и политические.

Идея о том, чтобы сделать ставку на продвижение группы при помощи социальных сетей, появилась у ее продюсера Бан Шихёка в силу нескольких обстоятельств. Во-первых, на момент дебюта группы (2013 г.) южнокорейский рынок индустрии развлечений уже был переполнен множеством групп со схожим концептом. По сравнению с группами, принадлежащими крупным агентствам, у BTS было гораздо меньше возможностей использовать традиционные средства продвижения на музыкальном рынке, такие как теле- и радиовещание [24, с. 79]. Во-вторых, Бан Шихёк решил ориентироваться на новые поколения — поколения Y (или миллениалов) и Z, которые ценят горизонтальные отношения, при которых обе стороны в процессе свободного обмена мнениями формируют отношения равенства и солидарности [21, с. 94, 97]. Для подобного стиля взаимодействия между группой и фанатами идеально подходили социальные сети.

Социальные сети привели к формированию сплоченного фандома BTS — ARMY. Важно, что фанаты выступают в роли активного субъекта продвижения группы и повышения ее популярности в интернете,

¹ Walt Stephen M. The Myth of American Exceptionalism [Электронный ресурс] // Foreign Policy. 2011. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/the-myth-of-american-exceptionalism/> (дата обращения: 09.09.2022).

² Active Social Network Penetration in Selected Countries and Territories as of January 2022 [Электронный ресурс] // Statista.com. URL: <https://www.statista.com/statistics/282846/regular-social-networking-usage-penetration-worldwide-by-country/> (дата обращения: 09.05.2022).

а значит, и в мире. Фанаты в инициативном порядке создают огромное количество контента, связанного с BTS, включая: 1) переводческий контент (перевод текстов песен, видео, влогов, постов); 2) контент-реакции (контент, содержащий реакцию фанатов на выход клипа или выступления); 3) реконструированный контент (кавер-дэнсы или каверы на песни). Кроме того, фандом BTS известен своей активностью в сфере организации различных мероприятий в честь BTS (годовщины создания группы, получение наград, дни рождения участников). Немаловажно и то, что ARMY активно участвуют в благотворительности, повышая тем самым позитивный имидж своей любимой группы. Поэтому многие эксперты отмечают, что успех BTS был невозможен без их фандома (ARMY).

Заключение

Основная гипотеза нашего исследования, состоящая в том, что в южнокорейском подходе к реализации политики мягкой силы используются принципиально иные, отличные от американских, ценности и технологии их продвижения, была подтверждена.

Проведенный анализ показал, что основное отличие южнокорейской модели мягкой силы от американской кроется в ее идеологической составляющей — транслируемых ценностях. Американская мягкая сила строится вокруг понятия демократии, в то время как южнокорейский подход с его акцентом на уважительное отношение к человеку и взаимопомощь можно описать как гуманизм. Немаловажную роль в корейской политике мягкой силы играют и инструменты продвижения корейской культуры — использование социальных сетей и создание фандомов.

Музыкальная группа BTS, которой удалось добиться глобальной популярности благодаря умелому использованию вышерассмотренных элементов мягкой силы, является символом халлю. Правительство РК стало использовать группу в качестве еще одного инструмента дальнейшей популяризации корейской культуры. Примерами тому служат: 1) сотрудничество BTS и их агентства Big Hit Entertainment с ЮНИСЕФ в 2017 г. в рамках компании LOVE MYSELF и #ENDviolence с целью борьбы с насилием и обеспечением безопасной и здоровой жизни детей и молодежи¹; 2) назначение в 2021 г. бывшим президентом РК Мун Чжэином BTS «специальными посланниками президента по вопросам будущих поколений и культуры»²; 3) выступление BTS на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в 2018 г. и 2021 г.³; 4) участие лидера группы Ким Намджуна в записи аудиогuida для выставки современного корейского искусства The Space Between The Modern in Korean Art в 2022 г.⁴

Изначально правительство РК проводило политику продвижения халлю, ориентируясь исключительно на Азию. В настоящий момент популярность халлю растет в разных регионах мира, в том числе в России, и трудно однозначно сказать, достигла она своего пика или будет расти дальше. Очевидно одно, РК — одно из государств, наиболее умело использующих во внешней политике стратегию мягкой силы. Амбиции Южной Кореи по усилению своего регионального и глобального значения возрастают. В подобных условиях понимание механизмов реализации корейской мягкой силы и ее влияния на население других стран — важная геополитическая задача, в первую очередь для других государств, в том числе для России.

Ограничения исследования

Обсуждая результаты и выводы данного исследования, необходимо принять во внимание ряд ограничений.

¹ UNICEF and BTS Celebrate Success of 'Groundbreaking' LOVE MYSELF Campaign [Электронный ресурс] // UNICEF. URL: <https://www.unicef.org/press-releases/unicef-and-bts-celebrate-success-groundbreaking-love-myself-campaign> (дата обращения: 09.05.2022).

² South Korean President Appoints BTS as Special Envoys Before Their Visit to the UN [Электронный ресурс] // ABC News. URL: <https://abcnews.go.com/International/south-korean-president-appoints-bts-special-envoys-visit/story?id=80006773> (дата обращения: 09.05.2022).

³ We Have Learned to Love Ourselves, so Now I Urge You to 'Speak Yourself' [Электронный ресурс] // UNICEF. URL: <https://www.unicef.org/press-releases/we-have-learned-love-ourselves-so-now-i-urge-you-speak-yourself> (дата обращения: 09.05.2022).

⁴ BTS' RM to Narrate 'The Space Between: The Modern in Korean Art' exhibit in LA [Электронный ресурс] // Bandwagon Asia. URL: <https://www.bandwagon.asia/articles/bts-rm-to-narrate-the-space-between-the-modern-in-korean-art-exhibit-in-los-angeles-kim-namjoon-2022> (дата обращения: 09.05.2022).

Во-первых, следует учитывать особенности, присущие самому концепту мягкой силы, а именно трудно определить эффективность мягкой силы в отрыве от других стратегий. Любое государство обладает целым арсеналом средств проведения внешней политики — стратегии мягкой силы дополняются ресурсами жесткой и умной силы. РК, располагающая большими экономическими возможностями и состоящая в тесном союзе с США, не исключение.

Второе важное ограничение — считать ли рассмотренные выше ценности чисто корейскими. Страны с конфуцианской этикой, включая Китай и Японию, также могут выступать в роли проводника подобных установок. Здесь хочется отметить, что все ресурсы и инструменты мягкой силы необходимо рассматривать в совокупности. Только неповторимый набор всех характеристик привел к успеху модели РК. Подчеркнем, что сами южнокорейские эксперты признают трудность прогнозирования результатов применения стратегий мягкой силы [29, с. 9], что подтверждает возможность того, что успех халлю просто следствие удачного стечения обстоятельств, главным из которых стала усталость всего мира от доминирования американских ценностей.

Приведем интересную точку зрения, согласно которой именно Корея является истинной преемницей классической китайской культуры, в том числе традиций конфуцианства. В менталитете корейцев заложена идея уважения к большим, могущественным государствам с развитой цивилизацией. Поскольку конфуцианство стало идеологическим учением, пронизывающим все сферы жизни корейского общества, Китай (как колыбель истинной конфуцианской культуры) рассматривался корейцами как государство, на которое необходимо равняться. Расцвет такой политической линии по отношению к Китаю приходится на период Великой Минской империи (1368–1644 гг.). Однако с падением в 1644 г. легитимной династии Мин и завоеванием Китая маньчжурами (в корейском понимании варварами) в корейском мировоззрении происходит изменение отношения к китайской цивилизации. Китай был завоеван варварами, а потому больше не мог считаться центром конфуцианской вселенной. Так возникает концепция «малого Китая» (“Little China” Ideology, *소중화*, *сочжунхва*), когда Корея становится преемницей истинных конфуцианских традиций [18, с. 108].

Направления дальнейших исследований

Весьма перспективным направлением выступает сравнение моделей и потенциалов мягкой силы РК и КНР. Анализируя китайскую модель мягкой силы, эксперты приходят к тем же выводам — одно из главных отличий китайской мягкой силы от американской состоит в различии продвигаемых ценностей. Если американцы делают акцент на идеалах демократии и материальном успехе, китайцы ставят во главу угла коллективное благо и идеи «сообщества единой судьбы», противопоставляя таким образом свои ценности индивидуалистическим устремлениям США, которые неизбежно ведут к духовному кризису и моральной деградации [1, с. 105]. В современных условиях иная (неамериканская) культура может выступить в качестве альтернативы западным идеям индивидуализма, с присущими им эгоизмом и потребительским отношением. Схожесть ценностей, заложенных в корейской и китайской культурах, порождает ситуацию конкуренции между двумя странами. Кроме того, Китай не отстает от Южной Кореи и с точки зрения использования цифровых технологий. Китайское приложение TikTok имеет огромный потенциал для продвижения среди молодежи китайского взгляда на жизнь [13, с. 132].

В данной статье было показано, что основным элементом корейской мягкой силы является халлю (корейская волна). Однако перед корейской волной была японская, сейчас параллельно корейской нарастает китайская. Очевидно, что есть необходимость детального изучения феномена азиатских волн. Продолжится ли рост корейской волны или ее популярность пойдет на спад? Следует ли ждать возникновения следующей азиатской (например, тайской) волны? И т. д. и т. п.

Еще одним важным направлением дальнейших исследований может стать изучение процесса интериоризации (усвоения) зарубежными фанатами халлю корейских ценностей. Речь идет в первую очередь о поклонниках корейской массовой культуры в западных странах, чьи религиозные, культурные и этические традиции очень далеки от конфуцианства. Интересный эмпирический материал по этой теме могут дать сообщества любителей дорам или к-поп-групп в социальных сетях.

Литература

1. Андреев И. А. «Мягкая сила» на Западе и на Востоке: проблема эффективности // Власть. 2021. Том. 29. № 4. С. 102–108.
2. Богатуров А. Д. Истоки американского поведения // Россия в глобальной политике. 2004. № 6. С. 80–97.
3. Бураев Д. И., Гармаханов М. Ц. Корейская волна и мягкая сила. Стратегия развития и распространения // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 8. С. 115–120.
4. Емельянова Н. Н. «Мягкая сила» как концепт: критический анализ // Международная аналитика. 2018. № 3 (25). С. 7–24.
5. Киссинджер Г. Дипломатия. М. : Ладомир, 1997. 848 с.
6. Кузина Л. Б., Кузина Н. В. Влияние современных социокультурных практик стран Азиатско-Тихоокеанского региона на эстетические предпочтения, ценностные и поведенческие стереотипы подростков и юношества Российской Федерации (популярная музыка, мультипликация, самодельная литература, повседневность) // Modern Studies of Social Issues. 2020. Т. 12. С. 137–194.
7. Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 680 с.
8. Лысак И. В. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 4 (53). С. 99–103.
9. Люттвак Э. Государственный переворот: практическое пособие. М. : РФСОН. 2012. 326 с.
10. Малиновский А. С. Культурная глобализация (глокализация). Локальное и транснациональное // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 1 (129). С. 176–179.
11. Матвеев Ю. И., Галаева М. Г. Стратегия «Мягкой силы» основных акторов международных отношений // Проблемы постсоветского пространства. 2016. С. 69–79.
12. Пионткевич Л. Ю. Феномен власти: проблема концептуализации // Вестник Томского государственного университета. 2008. С. 41–48.
13. Подосокорский Н. Н. Мягкая сила ТикТока: соцсеть, которая покорила мир // Наука телевидения. 2022. № 18 (2). С. 117–146.
14. Радиков И., Лексютина Я. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 2. С. 19–26.
15. Сенокос Я. С. Упадок «мягкой силы» во внешней политике США: причины и тенденции // Социально-гуманитарные знания. 2021. С. 303–312.
16. Федотова В. Г. Единство и многообразие культур в условиях глобализации // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 45–53.
17. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М. : Издательство АСТ. 2003. 603 с.
18. Chang Hyunguen. The Changeover of Korean Concept toward China: Sinocentrism, Small-Sinocentrism, and Post-Sinocentrism // Journal of Asia-Pacific Studies. 2011. Vol. 18. № 2. P. 97–123. (In Kor.)
19. Cho Byung Chul, Sim Hichul. Success Factor Analysis of K-POP and a Study on Sustainable Korean Wave — Focus on Smart Media based on Realistic Contents // The Journal of the Korea Contents Association. 2013. № 13 (5). P. 90–102. (In Kor.)
20. Huang Yihang. Analysis on South Korean Soft Power — Taking BTS, Parasite and Squid Game as Examples // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2022. Vol. 663. P. 80–84.
21. Jang Wonho, Song Jung Eun. Analysis of the Non-economic Value of Hallyu: Focusing on Empathic Communication between BTS and ARMY // A Study on the Ripple Effect of Hallyu. Korea International Cultural Exchange Agency. 2018. P. 89–214. (In Kor.)
22. Kim Bok Rae. Past, Present and Future of Hallyu (Korean Wave) // American International Journal of Contemporary Research. 2015. Vol. 5. № 5. P. 154–160.
23. Kim Ki-Duk, Bae Sang-Joon. Hallyu and the Traditional Cultural Genes of Korea // Kritika Kultura. 2017. Vol. 29. P. 318–339.
24. Lee Dong Bae. A Study on Storytelling of Cultural Contents in the Global Age // Cultural Content Research. 2019. Vol. 17. P. 69–93. (In Kor.)

25. Nye Joseph S. Bound to Lead: the Changing Nature of American Power. New York : Basic Books. 1990.
26. Nye Joseph S. Soft Power: The Evolution of a Concept // Journal of Political Power. 2021. P. 1–13.
27. Park Hyun-Kyu. Success Factor Analysis of New Korean Wave ‘K-POP’ and a Study on the Importance of Smart Media to Sustain Korean Wave // Journal of Digital Convergence. 2020. Vol. 18. № 4. P. 129–135.
28. Yufei Wang. Exploring the Realization of the American Dream — Taking the Pursuit of Happiness as an Example // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2020. Vol. 445. P. 32–36.
29. 김상배. 소프트 파워와 21세기 권력. 네트워크 권력론의 모색. 한울아카데미. 2009. 344쪽 (Kim San-bae. Мягкая сила и власть в XXI веке. Изучение теории сетевой власти. Академия Хануль. 2009. 344 с). (In Kor.)

Об авторах:

Белая Екатерина Константиновна, ассистент кафедры корееведения восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); преподаватель кафедры иностранных языков Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: belaya-ek@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4400-595X>

Кашина Марина Александровна, профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, доцент;
e-mail: kashina-ma@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4509-8657>

References

1. Andreev I. A. “Soft Power” in the West and in the East: The Problem of Efficiency. *Power [Vlast’]*. 2021; 29 (4): 102–108. (In Rus.)
2. Bogaturov A. D. The Origins of American Behavior. *Russia in Global Affairs* [Rossiya v global’noi politike]. 2004; (6): 80–97. (In Rus.)
3. Buraev D. I., Garmakhanov M. Ts. Korean Wave and Soft Power. Development and Distribution Strategy. *Bulletin of the Buryat State University* [Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2014; (8): 115–120. (In Rus.)
4. Emelyanova N. N. “Soft Power” as a Concept: A Critical Analysis. *International Analytics* [Mezhdunarodnaya analitika]. 2018; 25 (3): 7–24. (In Rus.)
5. Kissinger G. Diplomacy. Moscow : Ladomir. 1997. 848 p. (In Rus.)
6. Kuzina L. B., Kuzina N. V. The Influence of Modern Socio-Cultural Practices of the Countries of the Asia-Pacific Region on Aesthetic Preferences, Value and Behavioral Stereotypes of Adolescents and Youth in the Russian Federation (Popular Music, Animation, Amateur Literature, Everyday Life). *Modern Studies of Social Issues* [Modern Studies of Social Issues]. 2020; 12: 137–194. (In Rus.)
7. Kurbanov S. O. History of Korea: From Antiquity to the Beginning of the XXI Century. St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg State University. 2009. 680 p. (In Rus.)
8. Lysak I. V. The Problem of Preserving Cultural Identity in the Context of Globalization. *Humanitarian and Socio-Economic Sciences* [Gumanitarnye i sotsial’no-ekonomicheskie nauki]. 2010; 53 (4): 99–103. (In Rus.)
9. Luttwak E. Coup D’état: A Practical Guide. Moscow : The Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. 2012. 326 p. (In Rus.)
10. Malinovsky A. S. Cultural Globalization (Glocalization). Local and Transnational. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University* [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta]. 2013; 129 (1): 176–179. (In Rus.)
11. Matveenkov Yu. I., Galaeva M. G. The Strategy of “Soft Power” of the Main Actors of International Relations. *Problems of the post-Soviet Space* [Problemy postsovetskogo prostranstva]. 2016: 69–79. (In Rus.)

12. Piontkевич L. Yu. The Phenomenon of Power: The Problem of conceptualization. *Bulletin of the Tomsk State University* [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta]. 2008: 41–48. (In Rus.)
13. Podosokorsky N. N. The Soft Power of TikTok: The Social Network that Conquered the World. *TV Science* [Nauka televideniya]. 2022; 18 (2): 117–146. (In Rus.)
14. Radikov I., Leksyutina Y. “Soft Power” as a Modern Attribute of a Great Power. *World Economy and International Relations* [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2012; (2): 19–26. (In Rus.)
15. Senokop Ya. S. The Decline of “Soft Power” in the US Foreign Policy: Causes and Trends. *Social and Humanitarian Knowledge* [Sotsial’no-gumanitarnye znaniya]. 2021: 303–312. (In Rus.)
16. Fedotova V. G. Unity and Diversity of Cultures in the Context of Globalization. *Questions of Philosophy* [Voprosy filosofii]. 2011; (9): 45–53. (In Rus.)
17. Huntington S. The Clash of Civilizations. Translation from English T. Velimeeva, Y. Novikova. Moscow : AST Publishing House. 2003. 603 p. (In Rus.)
18. Chang Hyunguen. The Changeover of Korean Concept toward China: Sinocentrism, Small-Sinocentrism, and Post-Sinocentrism. *Journal of Asia-Pacific Studies*. 2011; 18 (2): 97–123. (In Kor.)
19. Cho Byung Chul, Sim Hichul. Success Factor Analysis of K-POP and a Study on Sustainable Korean Wave — Focus on Smart Media based on Realistic Contents. *The Journal of the Korea Contents Association*. 2013; 13 (5): 90–102. (In Kor.)
20. Huang Yihang. Analysis on South Korean Soft Power — Taking BTS, Parasite and Squid Game as Examples. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2022; 663: 80–84.
21. Jang Wonho, Song Jung Eun. Analysis of the Non-economic Value of Hallyu: Focusing on Empathic Communication between BTS and ARMY. A Study on the Ripple Effect of Hallyu. Korea International Cultural Exchange Agency. 2018. P. 89–214. (In Kor.)
22. Kim Bok Rae. Past, Present and Future of Hallyu (Korean Wave). *American International Journal of Contemporary Research*. 2015; 5 (5): 154–160.
23. Kim Ki-Duk, Bae Sang-Joon. Hallyu and the Traditional Cultural Genes of Korea. *Kritika Kultura*. 2017; 29: 318–339.
24. Lee Dong Bae. A Study on Storytelling of Cultural Contents in the Global Age. *Cultural Content Research*. 2019; 17: 69–93. (In Kor.)
25. Nye Joseph S. Bound to Lead: the Changing Nature of American Power. New York : Basic Books. 1990.
26. Nye Joseph S. Soft Power: The Evolution of a Concept. *Journal of Political Power*. 2021: 1–13.
27. Park Hyun-Kyu. Success Factor Analysis of New Korean Wave ‘K-POP’ and a Study on the Importance of Smart Media to Sustain Korean Wave. *Journal of Digital Convergence*. 2020; 18 (4): 129–135.
28. Yufei Wang. Exploring the Realization of the American Dream — Taking the Pursuit of Happiness as an Example. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2020; 445: 32–36.
29. 김상배. 소프트 파워와 21세기 권력. 네트워크 권력론의 모색. 한울아카데미, 2009. 344쪽 (Kim Sangbae. Soft Power and 21st Century Power. The Search for Network Power Theory. Hanul Academy, 2009. 344 p.). (In Kor)

About the authors:

Ekaterina K. Belaia, Assistant Lecturer of the Department of Korean Studies, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); Lecturer of the Department of Foreign Languages, North-Western Institute of Management, RANEPa (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: belaya-ek@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4400-595X>

Marina A. Kashina, Professor of the Chair of Social Technologies of North-West Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor;
e-mail: kashina-ma@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4509-8657>

Современный гамбит в евразийской версии «Большой игры»

Козьменко С. Ю.

ФИЦ «Кольский научный центр РАН», г. Апатиты Мурманской области, Российская Федерация

e-mail: fregat306@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3728-8357>

РЕФЕРАТ

На полях «Большой игры» разворачивается очередная партия противостояния двух основных мировых цивилизаций — морской и континентальной, продолжатели дел и последователи англосаксов (США) против евразийской континентальной державы (России). Это не первая партия и, увы, не последняя. Противостояние берет начало с борьбы за контроль над акваторией Средиземного моря в далеком XVIII в. между Россией и Британской империей, которые и начали «Большую игру» с мальтийской партией в сентябре 1800 г. Великобритания — Британская империя — затем США против России — Российской империи — Советского Союза — Российской Федерации. Всего более 220 лет. Игра продолжается.

Цель. Целью исследования является решение научной проблемы определения национальных интересов России в современной версии «Большой игры».

Задачи. Для достижения цели исследования решаются следующие задачи: выявить геополитическую и геоэкономическую составляющие национальных интересов России в пределах регионального пространства современной версии противостояния и определить возможности реализации этих интересов.

Методология. В настоящей работе применяется методологический инструментарий пространственной экономики и теории новой экономической географии, позволяющий совместить на локализованном пространстве геополитические и экономические (геоэкономические) императивы при согласовании совместной деятельности.

Действие разворачивается в юго-западном приграничье России и охватывает акватории и земли Азовского бассейна и Северного Причерноморья, как «предполья» для обеспечения морского выхода России на мировые рынки южным маршрутом.

Выводы. Выводы исследования состоят в том, что в этом регионе решаются по существу две стратегические задачи — установление контроля над коммуникациями и энергетическими ресурсами на основе согласования военной и экономической деятельности России в акватории и на побережье Азовского и Черного морей в целях обеспечения «связанности» территории страны с юго-запада.

Изначально в основе конфликта лежит борьба за контроль над энергетическими ресурсами, и в первую очередь природным газом и коммуникациями доставки последнего на Запад, что представляется в современных условиях весьма проблематичным. Однако это является поводом для продолжения «Большой игры».

Ключевые слова: «Большая игра», морская и континентальная цивилизации, Новороссия, газовые войны

Для цитирования: Козьменко С. Ю. Современный гамбит в евразийской версии «Большой игры». *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2022;16(4): 121-129. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-121-129>

The Modern Gambit in the Eurasian Version of the “Great Game”

Sergey Yu. Kozmenko

Federal Research Center “Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Apatity, Murmansk region, Russian Federation

e-mail: fregat306@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3728-8357>

ABSTRACT

On the fields of the “Great Game” another party of confrontation between the two main world civilizations — maritime and continental, the successors and followers of the Anglo-Saxons (USA) against the Eurasian continental power (Russia) is unfolding. This is not the first batch and, alas, not the last. The confrontation originates from the struggle for control over the Mediterranean Sea in the distant 18th century between Russia and the British Empire, which started the “Great Game” with the Maltese party in September 1800. UK-British Empire-then USA vs. Russia-Russian Empire-Soviet Union-Russian Federation. In total more than 220 years. The game continues.

Aim. The aim of the study is to solve the scientific problem of determining the national interests of Russia in the modern version of the “Great Game”.

Tasks. To achieve the goal of the study, the following tasks are solved: to identify the geopolitical and economic components of Russia’s national interests within the regional space of the modern version of the confrontation and to determine the possibilities for realizing these interests.

Methods. This paper uses the methodological tools of spatial economics and the theory of new economic geography, which makes it possible to combine geopolitical and economic (geo-economic) imperatives in a localized space when coordinating joint activities. The action takes place in the southwestern borderlands of Russia and covers the waters and lands of the Azov basin and the Northern Black Sea region, as a “prefield” to ensure Russia’s maritime access to world markets via the southern route.

Conclusions. The conclusions of the study are that essentially two strategic tasks are being solved in this region — establishing control over communications and energy resources on the basis of coordinating Russia’s military and economic activities in the waters and on the coast of the Azov and Black Seas in order to ensure the “connectivity” of the country’s territory with southwest. Initially, the conflict was based on the struggle for control over energy resources and, first of all, natural gas and communications for the delivery of the latter to the West, which seems to be very problematic in modern conditions. However, this is the reason for the continuation of the “Great Game”.

Keywords: “Great Game”, maritime and continental civilizations, Novorossiia, gas wars

For citation: Kozmenko S. Yu. The Modern Gambit in the Eurasian Version of the “Great Game”. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2022; 16 (4): 121–129. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-121-129>

Введение

Динамика глобального развития современного мира основана на непреодолимой совокупности противоречий между двумя основными мировыми цивилизациями, морской (талассократической) и континентальной (теллуократической). По разорванной линии соприкосновения «океан vis континент» формируется дисконтинуальный пояс, состоящий из очагов и областей цивилизационного противостояния — это береговые зоны (страны и регионы) с неопределенной вариабельной ориентацией, способные выборочно создавать альянсы с крупными (великими) морскими или континентальными державами в зависимости от внутренней и внешней конъюнктуры, которая на современном этапе европейской геополитики определяется в основном экономическими соображениями. Драматизм сосуществования «властелинов моря» и «повелителей суши» в историко-геополитическом аспекте удачно показан в [4].

Каждая из цивилизаций стремится к доминированию в мире или, в конечном счете, к мировому господству. Морское мировоззрение, основанное на „Sea power“ А.-Т. Мэхэна [16, с. 575; 20] (Теории морской мощи) и концепции Ф. Колумба «абсолютного обладания морем» [14], реализует универсальную максиму [20]: «сила на море решает судьбу истории» и «кто владеет морем, владеет всем». То есть мировое господство обеспечивается через реализацию принципа «абсолютного обладания морем» [Там же].

Континентальная цивилизация в сфере мирового доминирования придерживается концепцией Heartland (сердцевинной земли), сформулированной в [19], основным положительным утверждением которой является своеобразная максима (по аналогии с „Sea power“): кто владеет сердцевинной землей (то есть Центральной Евразией), тот обладает мировым островом (материком Евразия), и кто обладает мировым островом, владеет всем. Два мира, две цивилизации составляют системное целое, как две стороны медали. Так обеспечивается гармония мироздания. Исчезновение с геополитического атласа современного мира одной из составляющих приведет к всемирному коллапсу, катастрофе глобального масштаба, в результате которой исчезнет сам феномен «океан *vis* континент».

Геополитическое пространство глобального противостояния «континент *vis* океан»

При построении геополитического и экономического атласа современного мира на основе сопряжения пространства в системе «континент *vis* океан» с позиций П. Н. Савицкого [18, с. 266–267] и современных представлений И. Ф. Кефели [8, с. 12–25] Европа не является единой геополитической конструкцией. Идентификация плавающей границы между западной и восточной частями, то есть пространствами, находящимися под влиянием англосаксов на западе и современного русского мира на востоке, во многом надумана. Это служит обоснованием бесконечного продолжения европейской и евразийской версий «Большой игры». Однако в Европе проходит линия соприкосновения двух цивилизаций — морской и континентальной, которые и формируют две отличающиеся друг от друга части Европы, соответственно, западную и восточную. И если геополитическое местоположение Западной Европы характеризуется сопряжением морского пространства — морей Атлантического океана и собственно Северной Атлантики, то Большая Россия (Восточная Европа) — сочетанием европейских возвышенностей и равнин. Северная часть этой линии соприкосновения проходит примерно по реке Висла, что характеризует принадлежность того или иного пространства к соответствующей цивилизации.

Согласно Х.–Дж. Макинтеру [19] к собственно Европе относятся пространства к западу от указанной линии соприкосновения; земли, расположенные к востоку, впоследствии получили наименование Евразия. Там же отмечается существенное сходство географической природы евразийских Восточно-Европейской (или Русской, в России — Беломорско-Кавказской), Западно-Сибирской и Туркестанской равнин в пределах ограничивающих это пространство гор Восточной Сибири, Дальнего Востока, Центральной Азии и Кавказа [Там же]. В пределах этого пространства создается отличный и обособленный от стран, лежащих к западу, в Европе, и к юго-востоку и югу (в Азии), особый мир, который И. Валлерстайн называл «мир-экономикой» [21], последний «ввиду недостижимости для заокеанской торговли будет независим от морских (заокеанских) держав и станет для них постоянным раздражителем» [Там же].

Морская составляющая этого региона на юго-западе включает побережье Азовского моря полностью, Северное Причерноморье, в том числе территории обширного историко-культурного региона Новороссии, охватывающего побережье азовско-черноморского бассейна от Бердянска до Одессы и Бессарабии. Это приморские земли современных Запорожской, Херсонской, Николаевской и Одесской областей. Такая геополитическая конструкция пространственной организации коммуникаций [2, с. 32–41] «суша — море» или «континент — океан» сложилась в результате продолжительных русско-турецких войн XVI–XVIII вв. — Российская империя постепенно присоединила эти земли, известные в России как Дикое поле, в ходе войн с Османской империей и Крымским ханством. В результате были образованы новые губернии (Херсонская и Таврическая) и заложены города Екатеринослав (Днепропетровск, 1787), Одесса (1795), Николаев (1789), Херсон (1778), Севастополь (1783), Александровск (Запорожье, 1770),

Бердянск (1817), Мариуполь (1779). Бердянск и Мариуполь изначально строились как порты-терминалы для вывоза пшеницы из Приазовья и левобережья Днепра. Экономическое значение прибрежно-портовой инфраструктуры Азовского моря сохраняется до сих пор.

На Северо-Западе, на побережье Балтийского моря, региональные границы простирались с севера на юг, включая территории Финляндии, которая вошла в состав России в результате русско-шведской войны 1808–1809 гг. Территории Эстонии и Латвии были уступлены Швецией и включены в состав Российской империи в конце Великой Северной войны в 1721 г., в то время как большая часть территории нынешней Литвы перешла под власть России после Третьего раздела Польши в 1795 г. Полученная по Ништадтскому мирному договору в 1721 г. и выкупленная Петром I за 2 млн ефимков (серебряных монет) Шведская Лифляндия, в которую входили северная часть современной Латвии и южная современной Эстонии, в Российской империи стала частью Рижской губернии, а потом отдельной Лифляндской губернией. По этому же договору в состав России вошел г. Выборг.

Развитие элементов морской цивилизации в Российской империи конца XVIII в. свидетельствовало о возможностях России не только выхода в Средиземное море, но и установления господства над этой акваторией. В XVIII в. и особенно с открытием Суэцкого канала (1869 г.) основные логистические потоки концентрировались в Средиземном море, на которое замыкалась вся мировая торговля, поэтому «владение этим морем» действительно означало владение всем миром. Для России это означало возможность выхода в Атлантику и Мировой океан.

Зарождение и развитие эпопеи «Большая игра»

Важнейшим игроком на этом поле была Великобритания (1707 г.), которая к концу XVIII в. прошла славный путь и представляла собой великую морскую державу — Британскую империю (1783 г.), которая и вступила с Россией в нешуточное противостояние за «обладанием и морем, и миром». В результате разыгралась настоящая геополитическая и геоэкономическая эпопея, известная миру как «Большая игра», в которой столкнулись русские и англосаксы.

К концу XVIII в. Россия, присоединив Эстонию и Латвию (1721 г.), часть земель Речи Посполитой в результате трех разделов и, по существу, отобрав у Турции акваторию и земли Северного Причерноморья, превратилась в великую морскую державу того времени. Этим Россия составила конкуренцию Великобритании в достижении мирового доминирования, являющегося приоритетом геополитики и экономики англосаксов. Практика взаимодействия с этими странами выражается емкой максимой, сформулированной А. Е. Вандамом более ста лет назад [1, с. 41–118]: «Хуже вражды с англосаксами может быть только дружба с ними». «Большая игра» имеет множество версий. В Европе разыгрывается европейская, на востоке — азиатская, не спеша разворачивается на севере арктическая версия [11, с. 11–26; 13, с. 39–45] «Большой игры». В Европе линия разделения поля «Большой игры» практически совпадает с условной границей Европа — Евразия по реке Висла и простирается по вислинскому меридиану с севера на юг до побережья Средиземного моря, обладание которым в ту эпоху означало владение миром.

До конца XIX в. обладание Средиземным морем, в акватории которого концентрировался основной мировой торговый коммерческий грузопоток, особенно с открытием Суэцкого канала (1869 г.), действительно решало «судьбу истории». В дальнейшем при активном включении в «Большую игру» США эта роль постепенно перешла к Северной Атлантике, и далее, на рубеже XX и XXI вв., на волне морской экспансии Китая, — к северным акваториям Индийского океана по направлению Южного Шелкового пути.

Россия уверенно обозначила свое присутствие в Средиземноморье славными морскими победами в ходе русско-турецких войн 1768–1774 гг. (Чесма, 1770 г.) и 1787–1792 гг. и особенно в 1798–1800 гг. при совместных с англичанами действиях на средиземноморских коммуникациях против наполеоновского флота. Первую войну организовали французы, вторую — англичане, которые были поражены стремительным выходом России к Черному морю и активным строительством флота в портовых городах Таврической и Херсонской губерний. Целью кампании 1798–1800 гг. было освобождение от французской оккупации Ионических островов и острова Мальта, последний был принят под защиту Российской

империи указом от 16 (27) декабря 1798 г. по просьбе делегации мальтийских рыцарей. В результате этой кампании после ухода союзного русского флота в Севастополь англичане захватили Мальту (сентябрь 1800 г.), и в дальнейшем по условиям Парижского мирного договора 1814 г. остров отошел Великобритании как колония. Мальта получила независимость только в 1964 г. Этот эпизод мировой истории можно считать дебютом «Большой игры», первым гамбитом («подножкой»), которая продолжается уже более двухсот лет.

Следует подчеркнуть, что значение острова Мальта в Средиземном море как средоточия морских коммуникаций сходно со значением Севастополя в Черном море. Господство на этих морях невозможно без обладания Мальтой и Севастополем соответственно. Здесь становится более понятным смысл событий Крымской весны 2014 г. и дальнейшие действия России в Новороссии. Обладание такой базой на Черном море, как Севастополь, обеспечивает доминирование России не только в акватории Черного и Азовского морей, но также в черноморских проливах и восточной части Средиземного моря [6, с. 3–11].

Эпоха славных морских дел России продлилась сравнительно недолго — от Гангута (1714 г.) в Балтийском море до Синопа (1853 г.) в Черном с последующим поражением в Крымской кампании (1853–1856 гг.) и полной потерей Черноморского флота. Это была эпоха парусного флота. В дальнейшем Россия так и не создала флота морской державы, поскольку сама является, по сути, крупной континентальной державой. Отдельная печальная история — это то, что произошло с флотом в 1990-е гг. — крушение национального масштаба с незабываемой трагедией «Комсомольца» (1989 г.) и «Курска» (2000 г.).

США. Построение современных версий «Большой игры»: геополитика и экономика

Стратегическим в определении конфигурации «Большой игры» является реализация плана США по переходу от «дипломатии канонерок» к «дипломатии доллара». Этот план, набросок которого предложил президент США У. Тафт еще в 1911 г., отшлифовал президент Ф.-Д. Рузвельт и последовательно выполняли все американские президенты. План был рассчитан примерно на сто лет и предусматривал постепенный переход от военного и идеологического методов воздействия на мировую систему к чисто экономическим. Основой замысла была целевая установка поставить весь остальной мир в экономическую зависимость от доллара. План предусматривал экономическое объединение США и Европы (причем Европа воспринимается не целиком в форме Евросоюза, а как некая совокупность отдельно взятых стран), первоначальное ослабление последней и вывод из стерлингового блока, то есть из-под влияния Великобритании. Эта задача была полностью решена к началу 1960-х гг., когда Британия, по существу, потеряла статус и величие империи, «над которой никогда не заходит солнце». Переход к «дипломатии доллара» завершился в ходе Второй мировой войны с закреплением результатов на Бреттон-Вудской конференции (1944 г.) и подтверждением лидерства США в мировой финансовой сфере с созданием Ямайской валютной системы (1976–1978 гг.).

«Большая игра» продолжалась теперь уже с другим основным западным игроком — США. С этого момента основой мироздания стала система ядерного сдерживания. В этой конструкции угроза гарантированного взаимного уничтожения стала лучшим гарантом мира. При этом сражаться мировые державы предпочитали опосредованно, в третьих странах, о чем свидетельствует опыт боевого соприкосновения последних семидесяти послевоенных лет от Южной Кореи до Сирии и Украины [5].

После завершения Второй мировой войны Великобританию уже перестали признавать как сверхдержаву на фоне США и СССР. Экономические трудности и начало антиколониальных выступлений заметно сказались и на мощи британского флота. ВМФ Великобритании эпохи распада Британской империи (к 1960 г.) уже существенно уступает ВМФ США и СССР, а в дальнейшем, при формировании морской составляющей ядерной триады, значительно отстает от последних. Таким образом, в период апогея холодной войны (1970–1980 гг.) статус великой морской державы окончательно закрепился за США, которые стали основным игроком партии «Большой игры» конца XX — начала XXI в. Заметим, что в этой партии паритет России с силами «коллективного Запада» в целом достигим даже без применения новейших видов вооружений: «нового ракетного комплекса с тяжелой межконтинентальной ракетой

“Сармат”; новейшей крылатой ракеты Х-101 воздушного базирования; высокоточных гиперзвуковых ракетных комплексов воздушного (“Кинжал”), наземного (“Авангард”) и морского (“Циркон”) базирования; боевых лазерных комплексов (“Пересвет”, “Задира”); крылатой ракеты глобальной дальности с ЯЭУ (“Буревестник”) и беспилотного подводного аппарата (“Посейдон”), аналогов которым нет ни в одной армии мира» [17]. Носителем этого подводного аппарата является модернизированная на ПО «Севмаш» атомная подводная лодка «Белгород» проекта 09852, которая была передана ВМФ 8 июля 2022 г.

Здесь существенное значение имеет размещение стратегических ядерных сил (СЯС), особенно на наиболее скрытной составляющей ядерной триады, баллистических ракет дальностью 9 300 км, размещенных на ракетных подводных лодках стратегического назначения, и пространственная организация арктических морских коммуникаций [3, с. 92–104]. Действенность этого фактора продемонстрирована на учениях «Умка-2021», в которых приняли участие три атомные подводные лодки третьего и четвертого поколения, которые всплыли во льдах Северного Ледовитого океана с интервалом примерно в 300 м друг от друга. Причем расстояние от точки всплытия (порядка 82 °СШ) через полюс до южной границы США (30 °СШ) составляет чуть более 4220 км.

Гибридные войны — неотъемлемая составляющая современной версии «Большой игры», включающая в том числе и газовые конфликты. На этом фоне повышается значение природного газа в экономической устойчивости современного общества. За последние пятьдесят с лишним лет энергетические ресурсы, включая природный газ, настолько органично вписались в повседневную жизнь общества, что какие-либо нарушения в цепочках поставок чреваты возникновением социальных коллизий глобального масштаба [12, с. 554–560].

Сирийский конфликт (2011 г. — по настоящее время), как апофеоз «арабской весны», также является элементом «Большой игры» между Россией и США на газовом поле. В основе этой партии лежит конкуренция между «шиитским» (Иран — Ирак — Сирия) газопроводом, строительство которого начато при участии России в 2010 г., и «суннитским» (Катар — Саудовская Аравия — Иордания — Сирия), строительство которого лоббирует США. Эта партия «Большой игры» пока сводится вничью — ни один газопровод так и не был построен.

Особенно чувствительная для нас история — это события, связанные с Украиной, специальная военная операция (СВО). Это тоже по существу вариант газовой войны. В зоне СВО расположено крупнейшее сланцевое нефтегазовое месторождение, Юзовская площадь. Это там, в Донецке, который до 1924 г. назывался Юзовкой, а потом Сталиным и Сталино (до 1961 г.). Для сравнения, исторический максимум транспортировки российского природного газа через газотранспортную систему Украины был достигнут в 1998 г. на уровне порядка 140 млрд м³. В лучшие с позиции экономической конъюнктуры годы (2017 г.) в США добывали до 200 млрд м³ сланцевого газа, а запасы Юзовской площади составляют более 4 трлн м³ — даже с учетом издержек, очистки и т. п. объем товарного природного газа может быть получен колоссальный.

Уже к 2013 г. вопрос освоения этих территорий был решен в пользу англо-голландской Shell (Юзовская площадь) и американской Chevron в Одесской области. Экологический ущерб от гидроразрыва пласта — эта технология требует колоссального количества воды — радикально изменяет водный баланс региона и природу в целом, но это никого не волновало. В целом идея заключалась в следующем. По проложенным еще во времена Советского Союза трубопроводам полученный природный газ (и нефть) можно было транспортировать на Запад, минуя Россию. В 2014 г. овладеть этими залежами не удалось, но ни США, ни англосаксы в целом не отказались от реализации этой идеи и все эти годы активно готовились к реализации нового варианта «Большой игры», опираясь на концепцию Евразийской дуги нестабильности [7, с. 97–136; 9, с. 90–148; 10, с. 24–33; 15, с. 28–89].

Заключение

В год столетия образования Советского Союза (30 декабря 2022 г.) постепенно проходит похмелье от тридцатилетней эйфории «дружбы с Западом», и Россия продолжает движение к возрождению,

начатому Крымской весной 2014 г. Есть надежда, есть уверенность, что точка невозврата уже пройдена. Особо стоит отметить, что евразийская версия «Большой игры» обретает новый вариант развития с появлением еще одного геополитического игрока на континенте — Организации тюркских государств, претендующей на утверждение «новой эры тюркской цивилизации: на пути к общему развитию и процветанию». Но это уже тема отдельного исследования.

Благодарности

Работа выполнена в рамках темы № 0226-2019-0028 ИЭП «Взаимодействие глобальных, национальных и региональных факторов в экономическом развитии Севера и Арктической зоны Российской Федерации» по государственному заданию ФИЦ КНЦ РАН.

Литература

1. *Вандам А. Е.* Наше положение. СПб. : Типография А. С. Суворина, 1912. Современное издание: Вандам А., Головин Н., Бубнов А. Неуслышанные пророки грядущих войн. Серия: Великие противостояния. М. : АСТ, Астрель, 2004. 368 с.
2. *Иванова М. В., Козьменко А. С.* Научные основания пространственной экономики и теории новой экономической географии // Север и рынок: формирование нового экономического порядка. 2020. № 4 (70). С. 32–41. DOI: 10.37614/2220-802X.4.2020.70.003
3. *Иванова М. В., Козьменко А. С.* Пространственная организация морских коммуникаций Российской Арктики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 92–104. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.6
4. *Ивашов Л. Г.* Геополитика русской цивилизации. М. : Институт русской цивилизации, 2015. 800 с.
5. *Ивашов Л. Г.* Геополитическая драма России. М. : Аргументы недели, 2021. 528 с.
6. *Исаков И. С.* Крымская кампания и новая обстановка на Черном море (по материалам Морского сборника, 1944. № 5–6. С. 6–15) // Морской сборник. 2020. № 10. С. 3–11.
7. *Кефели И. Ф.* «Большая Евразия» — геополитический проект ликвидации зон глобальной нестабильности // Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки: итоги 2016 г. / гл. ред. В. Н. Колотов. СПб. : «ИПК НП-Принт», 2017. 832 с.
8. *Кефели И. Ф.* Евразийская цивилизация: от идеи к современному дискурсу // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 2. Т. 15. С. 12–25. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-02-12-25>
9. *Кефели И. Ф., Малафеев О. А.* Евразийский союз versus «евразийская дуга нестабильности»: глобальная геополитика в контексте теории игр // Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки : колл. монография / отв. ред. В. Н. Колотов. СПб. : СПбГУ, Восточный ф-т; Изд-во «Студия НП-Принт», 2013. 576 с.
10. *Киселев С. Г., Кефели И. Ф., Опокин А. Б.* Из-за железного занавеса в сети гибридной войны (эхо Фултонской речи Черчилля) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3. С. 24–33. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-03-24-33>
11. *Козьменко С. Ю.* Региональное присутствие России в Арктике: геополитические и экономические тенденции // Арктика и север. 2011. № 3. С. 15–26.
12. *Козьменко С. Ю., Маслובоев В. А., Матвишин Д. А.* Транспортировка арктического природного газа в виде СПГ // Записки Горного института. 2018. Т. 233. С. 554–560. DOI: 10.31897/PMI.2018.5.554
13. *Козьменко С. Ю., Щеголькова А. А.* Геополитические основания регионального присутствия России в Арктике // Морской сборник. 2010. № 9 (1962). С. 39–45.
14. *Колумб Ф. Х.* Морская война. М. — СПб. : АСТ; Terra Fantastica, 2003. 271 с.
15. *Колотов В. Н.* Евразийская дуга нестабильности: история формирования, современное состояние и перспективы на будущее // Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки : колл. монография / отв. ред. В. Н. Колотов. СПб. : СПбГУ, Восточный ф-т; Изд-во «Студия НП-Принт», 2013. 576 с.

16. Мэхэн А.-Т. Влияние морской силы на французскую революцию и Империю / русский перевод Н. Л. Кладо (1895 г.), в 2 т. М. — СПб. : Terra Fantastica, 2002. 605 с.
17. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 1 марта 2018 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Президент России». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 11.07.2022).
18. Савицкий П. Н. Евразийство. Основы евразийства / под ред. А. Г. Дугина. М. : Арктогея-центр, 2002. 624 с.
19. Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History // *Geographical Journal*. 1904. XXIII. № 4.
20. Mahan A.-T. Influence of Sea Power upon History / *Illustrated Naval and Military Magazine*, N-Y, 1889. Русский перевод: Н. П. Азбелева (1895 г.): Мэхэн А.-Т. Влияние морской силы на историю. М. — СПб. : Terra Fantastica, 2002. 636 с.
21. Wallerstein I.-M. The Politics of the World-Economy. The States, the Movements and the Civilizations. Cambridge : Cambridge University Press, 1984.

Об авторе:

Козьменко Сергей Юрьевич, главный научный сотрудник Института экономических проблем им. Г. П. Лузина ФИЦ «Кольский научный центр РАН», доктор экономических наук, профессор;
e-mail: fregat306@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3728-8357>

References

1. Vandam A. E. Our Position. Saint Petersburg : Printing House of A. S. Suvorin. 1912. Modern edition: Vandam A., Golovin N., Bubnov A. Unheard Prophets of Future Wars. Series: Great Confrontation. Moscow : AST, Astrel, 2004. 368 p. (In Rus.)
2. Ivanova M. V., Kozmenko A. S. Scientific Foundations of Spatial Economics and the Theory of New Economic Geography. *North and the Market: The Formation of a New Economic Order* [Sever i rinok: formirovanie novogo tkonomicheskogo poriyagka]. 2020; (4): 32–41. (In Rus.) DOI: 10.37614/2220-802X.4.2020.70.003
3. Ivanova M. V., Kozmenko A. S. Spatial Organization of Sea Communications in the Russian Arctic. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* [Ekonomicheskie i sotsialnie peremeni: fakti, tendentsii, prognoz]. 2021; 14 (2): 92–104. (In Rus.) DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.6
4. Ivashov L. G. Geopolitics of Russian civilization. Moscow : Institute of Russian Civilization, 2015. 800 p. (In Rus.)
5. Ivashov L. G. Geopolitical Drama of Russia. Moscow : Arguments of the Week, 2021. 528 p. (In Rus.)
6. Isakov I. S. The Crimean Campaign and the New Situation in the Black Sea (Based on the Materials of the Marine Collection. 1944; (5–6): 6–15). *Marine Collection* [Morskoi sbornik]. 2020; (10): 3–11. (In Rus.)
7. Kefeli I. F. “Greater Eurasia” — A Geopolitical Project for the Elimination of Zones of Global Instability. Eurasian Arc of Instability and Problems of Regional Security from East Asia to North Africa: Results of 2016. Ed. by Kolotov V. N. Saint Petersburg : IPK NP-Print, 2017. 832 p.
8. Kefeli I. F. Eurasian Civilization: From Idea to Modern Discourse. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics* [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2021. No. 2. V. 15. P. 12–25. (In Rus.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-02-12-25>
9. Kefeli I. F., Malafeev O. A. Eurasian Union Versus “Eurasian Arc of Instability”: Global Geopolitics in the Context of Game Theory. Eurasian Arc of Instability and Problems of Regional Security from East Asia to North Africa: coll. Monograph. Ed. by Kolotov V. N. Saint Petersburg : St. Petersburg State University; NP-Print Studio Publishing House, 2013. 576 p.
10. Kiselev S. G., Kefeli I. F., Opokin A. B. From behind the Iron Curtain to Hybrid Warfare Networks (Echoes of Churchill’s Fulton Speech). *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2022; 16 (3): 24–33 [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. (In Rus.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-03-24-33>

11. Kozmenko S. Yu. Regional Presence of Russia in the Arctic: Geopolitical and Economic Trends. *Arctic and North* [Arktika i sever]. 2011; (3): 15–26. (In Rus.)
12. Kozmenko S. Yu., Masloboev V. A., Matviishin D. A. Transportation of Arctic Natural Gas in the Form of LNG. *Notes of the Mining Institute* [Zapiski gornogo instituta]. 2018; 233: 554–560. (In Rus.) DOI: 10.31897/PMI.2018.5.554
13. Kozmenko S. Yu., Shchegolkova A. A. Geopolitical Foundations of the Regional Presence of Russia in the Arctic. *Marine Collection* [Morskoi sbornik]. 2010; 1962 (9): 39–45. (In Rus.)
14. Colomb F. H. Naval War. Moscow — St. Petersburg : ACT; Terra Fantastica, 2003. 271 p. (In Rus.)
15. Kolotov V. N. Eurasian Arc of Instability: History of Formation, Current State and Prospects for the Future. Eurasian Arc of Instability and Problems of Regional Security from East Asia to North Africa: coll. monograph. Ed. by Kolotov V. N. Saint Petersburg : St. Petersburg State University; NP-Print Studio Publishing House, 2013. 576 p.
16. Mahan A.-T. The Influence of Sea Power on the French Revolution and the empire. Russian translation by Klado N. L. (1895), in 2 vols. Moscow — Saint Petersburg : Terra Fantastica, 2002. 605 p. (In Rus.)
17. Message of the President of the Russian Federation Putin V. V. to the Federal Assembly of the Russian Federation on March 1, 2018 [Electronic resource] // Website “President of Russia”. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (accessed: 07.11.2022). (In Rus.)
18. Savitsky P. N. Eurasianism. Fundamentals of Eurasianism. Ed. by Dugina A. G. Moscow : Arktogeya-Center, 2002. 624 p. (In Rus.)
19. Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History. *Geographical Journal*. 1904. XXIII. No. 4.
20. Mahan A.-T. Influence of Sea Power upon History. Illustrated Naval and Military Magazine, N-Y, 1889. Russian translation by Azbeleva N. P. (1895): Mahan A.-T. The Influence of Sea Power on History. Moscow — Saint Petersburg : Terra Fantastica, 2002. 636 p.
21. Wallerstein I.-M. The Politics of the World-Economy. The States, the Movements and the Civilizations. Cambridge : Cambridge University Press, 1984.

About the author:

Sergey Yu. Kozmenko, Chief Researcher at the Institute of Economic Problems n. a. G. P. Luzin Federal Research Center “Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (Apatity, Murmansk region, Russian Federation), Doctor of Science (Economy), Professor;
e-mail: fregat306@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3728-8357>

Особенности современной политики Турции на Южном Кавказе

Марабян К. П.

ООО «СК Арм-Ка», г. Чехов, Российская Федерация

e-mail: virq86@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0814-6525>

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается современная политика Турции на Южном Кавказе — в Закавказье. Подвергаются разбору двусторонние отношения между Турцией, с одной стороны, и государствами региона Южного Кавказа — с другой. Рассматриваются основные направления политики Турции в регионе. Дан обзор турецко-азербайджанских, турецко-армянских и турецко-грузинских отношений.

Война в Нагорном Карабахе в 2020 г. показала потенциальную конфликтность региона и угрозы безопасности России. Сейчас в регионе протекают уже другие процессы. Усилилась роль Турции, регион имеет конфликтные территории, среди которых особо выделяются Нагорно-Карабахская Республика, Республика Абхазия и Республика Южная Осетия.

Цель. Проанализировать современную ситуацию в регионе Южного Кавказа с точки зрения региональной безопасности. Проанализировать и описать роль и политику Турции в вопросах безопасности на Южном Кавказе.

Задачи. Выявление новой роли Турции в регионе Южного Кавказа и анализ сложившейся обстановки в регионе.

Методы. При написании работы использовался аналитический и описательный методы. Также применялись методы сравнительного анализа и анализа текстов.

Результаты. На современном этапе в регионе Южного Кавказа Турция играет ключевую роль в вопросах региональной безопасности наряду с Россией.

Выводы. Усиление роли Турции в регионе Южного Кавказа привело к снижению роли России и Ирана. Однако сложившаяся ситуация пока неустойчива и сохраняется высокая вероятность новых столкновений интересов внешних акторов в регионе Южного Кавказа.

Ключевые слова: региональная безопасность, Армения, Азербайджан, Грузия, Южный Кавказ, Турция

Для цитирования: Марабян К. П. Особенности современной политики Турции на Южном Кавказе. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2022;16(4): 130-138.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-130-138>

Features of Turkey's Modern Policy on the Southern Caucasus

Karen P. Marabyan

"SK Arm-Ka" LLC, Chekhov, Russian Federation

e-mail: virq86@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0814-6525>

ABSTRACT

The article examines the current policy of Turkey in the South Caucasus – Transcaucasia. Bilateral relations between Turkey, on the one hand, and the states of the South Caucasus region, on the other, are considered. The main directions of Turkey's policy in the region are considered. An overview of Turkish-Azerbaijani, Turkish-Armenian and Turkish-Georgian relations is given.

The war in Nagorno-Karabakh in 2020 showed the potential for conflict in the region and threats to Russia's security. Now other processes are taking place in the region. Turkey's role in the region has increased. The region has conflict territories, among which the Nagorno-Karabakh Republic, the Republic of Abkhazia and the Republic of South Ossetia stand out.

Aim. To analyze the current situation in the South Caucasus region from the point of view of regional security. To analyze and describe the role and policy of Turkey in security issues in the South Caucasus.

Tasks. Identification of Turkey's new role in the South Caucasus region and analysis of the current situation in the region.

Methods. Analytical and descriptive methods were used when writing the work. Methods of comparative analysis and text analysis, as well as content analysis were also used.

Results. At the present stage in the South Caucasus region, Turkey plays a key role in regional security issues, along with Russia.

Conclusions. The strengthening of Turkey's role in the South Caucasus region has led to a decrease in the role of Russia and Iran. However, the current situation is not stable yet and there is a high probability of new conflicts of interests of external actors in the South Caucasus region.

Keywords: regional security, Armenia, Azerbaijan, Georgia, South Caucasus, Turkey

For citing: Marabyan K. P. Features of Turkey's Modern Policy on the Southern Caucasus. *Eurasian Integration: Economic, Law, Politics*. 2022;16(4): 130-138. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-130-138>

Введение

Регион Закавказья, или как принято называть данный регион после развала СССР — Южного Кавказа, вот уже на протяжении почти двух с половиной столетий является ареной геополитического противостояния трех теперь уже бывших империй: России, Турции и Ирана. Распад СССР открыл путь экспансии и проникновения в регион ближайших соседей — Ирана и Турции. Турция активно начала распространять свое влияние в Грузии и Азербайджане, а Иран в Армении.

Турция старается проводить активную политику в тех странах, территории которых когда-то входили в Османскую империю [14, с. 27]. Турция проводит активную политику и в регионе Центральной Азии, активно используя этнический фактор.

Успехи Турции по отдельным странам в регионе Южного Кавказа разнятся. Так, влияние Турции в Азербайджане всеобъемлюще. Оно распространяется на многие сферы жизнедеятельности государства — от обороны до культуры и спорта. Довольно успешны и грузино-турецкие отношения во многих сферах — от образования и экономики до военно-технического сотрудничества.

Турция — Азербайджан

Турция поддерживает особые отношения с Азербайджаном, оказывающие значительное влияние на региональную политику Турции и ее двусторонние отношения со странами Южного Кавказа. Важность и близость турецко-азербайджанских отношений лучше всего характеризуется выражением «один народ — два государства».

Азербайджан и Турция делают акцент на единство тюркоязычных стран и народов. Турция активно продвигает идею единства тюркских народов и ведет в этом направлении активную политику на огромном евразийском пространстве. Особое место в этом пространстве занимает Средняя Азия, и Азербайджан является связующим звеном между Турцией и среднеазиатским регионом.

Распад Советского Союза открыл перед Турцией новые рынки, в т. ч. закавказские. Развитие экономики Турции после кризиса 2001 г. обеспечило ей место в двадцатке ведущих экономик мира (G-20). Соседство с такой экономикой имеет большое значение. И турецкий капитал активно вкладывается в Азербайджан.

Азербайджан и Турция имеют очень глубокие экономические отношения и вместе участвуют в крупных энергетических и транспортных проектах в регионе¹. Для Турции и Азербайджана особенно важными проектами являются нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан, газопровод Баку — Тбилиси — Эрзурум и железная дорога Баку — Тбилиси — Карс. Эти проекты, кроме экономического, имеют и очень важное политическое значение для региона Южного Кавказа в целом.

В 2018 г. был реализован еще один значимый энергетический проект — TANAP (Trans-Anatolian Natural Gas Pipeline, Трансанатолийский газопровод), газопровод из Азербайджана через всю территорию Турции к границе с Грецией [3, с. 336]. Далее данный газопровод соединяется с Трансадриатическим газопроводом. В перспективе этот газопровод должен доставлять в Европу и туркменский газ.

Турция является одним из важнейших торговых партнеров Азербайджана. По данным МИД Турции, товарооборот между странами в 2019 г. превысил 4 млрд долл. США². За период с 2002 г. по 2019 г. турецкие инвестиции в Азербайджане составили 11 млрд долл. США, а азербайджанские инвестиции в Турцию за тот же период составили более 19 млрд долл. США.

Турция и Азербайджан активно сотрудничают в военно-политической сфере. И это военно-политическое сотрудничество играет важную роль в становлении системы региональной безопасности на Южном Кавказе. Именно военно-политическая интеграция Азербайджана и Турции создала новую реальность в вопросах безопасности на Южном Кавказе. Война в Нагорном Карабахе в 2020 г. (вторая карабахская война) и подписание Заявления о прекращении огня³ усилили роль Турции в регионе и ее влияние на Азербайджан.

Турция активно принимала и продолжает принимать самое непосредственное участие в процессе становления и укрепления вооруженных сил Азербайджана. Турция — один из главных поставщиков вооружения в Азербайджан. Однако турецко-азербайджанские отношения в военно-политической сфере более глубоки. Азербайджанские военные проходят подготовку в турецких военных учебных заведениях. Также две страны реализуют проекты совместного производства военной техники. В армии Азербайджана на постоянной основе находятся турецкие военные советники. Несмотря на то, что Азербайджан углубляет военно-техническое сотрудничество с такими странами, как США, Израиль, Беларусь, отношения Баку с Анкарой в военной сфере имеют особое значение для Азербайджана.

Также Турция и Азербайджан активно углубляют сотрудничество в гуманитарной сфере. В сфере образования действуют совместные азербайджано-турецкие учреждения, например Бакинский лицей Ататюрка.

Для Азербайджана очень актуальна поддержка Турцией Нахичеванской Автономной Республики (НАР) — эксклава в составе Азербайджана. Политическая и экономическая поддержка Турции способствует жизнедеятельности НАР.

Стратегический характер взаимодействия двух государств, углубление отношений во всех сферах, союзнический уровень отношений, необходимость связать Турцию и Азербайджан железной дорогой Карс — Нахичевань и дальше через территорию Армении с Азербайджаном была прописана в Шушинской декларации 15 июня 2021 г., подписанной руководителями Азербайджана и Турции⁴. Этот документ декларирует стремление Турции и Азербайджана к установлению новой реальности и новой системы межгосударственных взаимоотношений на Южном Кавказе.

¹ Azerbaijan-Turkey Economic Relations [Электронный ресурс] // Embassy of the Republic of Azerbaijan to the Republic of Turkey. URL: <https://ankara.mfa.gov.az/en/content/99/economic-relations> (дата обращения: 06.03.2022).

² Türkiye-Azerbaycan ekonomik ilişkileri [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı (Турецко-азербайджанские экономические отношения. Официальный сайт МИД Турции). URL: <https://www.mfa.gov.tr/azerbaycan-ekonomisi.tr.mfa> (дата обращения: 06.03.2022).

³ См.: Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации. 10 ноября 2020 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 16.03.2022).

⁴ Türkiye ve Azerbaycan arasında Şuşa Beyannamesi imzalandı! İşte beyannamenin tam metni. 15.06.2021 [Электронный ресурс] // Haber Global (Между Турцией и Азербайджаном подписана Шушинская декларация). URL: <https://haberglobal.com.tr/dunya/turkiye-ve-azerbaycan-arasinda-susa-beyannamesi-imzalandi-iste-beyannamenin-tam-metni-115805> (дата обращения: 16.03.2022).

Турция — Армения

У Турции и Армении с 1993 г. фактически отсутствуют официальные межгосударственные отношения. Турция, поддерживая Азербайджан в карабахском конфликте, блокировала армяно-турецкую границу, тем самым закрыв и вопрос отношений, даже дипломатических [9].

Армения не участвует в энергетических и транспортных проектах региона, реализуемых с участием Турции и Азербайджана. Неучастие Армении в данных проектах актуализировало строительство железной дороги Карс — Ахалкалаки — Тбилиси — Баку. Этот проект углубил блокаду Армении. Из-за политических разногласий построена железная дорога вместо уже существующей дороги Карс — Гюмри.

А вот товарооборот между Арменией и Турцией есть и довольно ощутимый и происходит в основном через Грузию. Турция является одним из значимых торговых партнеров Армении. По данным Национальной статистической службы Армении, доля Турции в импорте Армении растет. В 2020 г. из Турции было поставлено товаров на сумму более 231 млн долл. США, или чуть более 5%¹. А вот экспорт из Армении в Турцию незначителен.

Турецко-армянские отношения были ограничены дополнительным фактором — армянской диаспорой. Представители армянской диаспоры, являясь в большинстве своем потомками жертв геноцида армян 1915 г., очень болезненно реагируют на возможность установления добрососедских отношений между Арменией и Турцией, опасаясь, что Армения попадет в экономическую зависимость от Турции и будет вынуждена отказаться от политики признания геноцида армян 1915 г. в Османской империи.

Пришедшая к власти в Армении в 2018 г. в результате так называемой бархатной революции команда неопытных деятелей, активно финансируемая из западных источников, декларирует уже совершенно новый подход во внешней политике Армении. Новое руководство Армении готово установить отношения с Турцией, отказавшись от политики признания геноцида армян в Османской империи, и пойти на уступки в карабахском вопросе.

Армянское руководство ожидает, что объем товарооборота между двумя странами может радикально измениться в случае открытия турецко-армянской границы и разблокирования соединяющих обе страны коммуникаций. К тому же в Армению потекут турецкие инвестиции. И при таком раскладе можно уменьшить влияние России в регионе в общем и в Армении в частности. Тогда можно поставить под вопрос и российское военное присутствие в регионе.

В военном присутствии России в регионе заинтересована не только сама Россия и Армения, но и Иран и, конечно же, непризнанная Нагорно-Карабахская республика — Арцах (НКР). Для НКР, которая понесла большие потери в войне 2020 г., причем как людские, так и территориальные, присутствие российских миротворцев является единственной гарантией выживания на данном этапе.

Турция — Грузия

У Грузии и Турции динамично развивающиеся отношения. Для Грузии важнейшим партнером в регионе является Турция. Турция и Грузия активно сотрудничают в политике, экономике, образовании, военно-политической сфере. В соответствии со Стратегией внешней политики Грузии 2019–2022 гг., Турция характеризуется как стратегический союзник и один из ключевых торговых партнеров Грузии². Для Грузии особо актуально укрепление сотрудничества в сфере энергетики, электронных коммуникаций, экономики, транспорта и транзита, обороны и безопасности. Обе страны активно сотрудничают

¹ Երևանի անկախ տվյալների բազա [Электронный ресурс] // ՀՀ ԿԿ (База данных внешней торговли. Статистический комитет Республики Армения). URL: <https://www.armstat.am/am/?nid=717&thid%5B%5D=792&years%5B%5D=2020&submit=Փնտրել> (дата обращения: 16.03.2022).

² 2019–2022 წლების საქართველოს საგარეო პოლიტიკის სტრატეგია [Электронный ресурс] // საქართველოს საგარეო საქმეთა სამინისტრო (Стратегия внешней политики Грузии 2019–2022 гг. Сайт МИД Грузии). URL: <https://mfa.gov.ge/getattachment/MainNav/ForeignPolicy/ForeignPolicyStrategy/2019-2022-clebis-saqartvelos-sagareo-politikis-strategia.pdf.aspx> (дата обращения: 09.04.2022).

в сфере военной безопасности. С учетом членства Турции в НАТО и декларирования Грузией политики вступления в этот альянс сотрудничество двух стран очень актуально для Грузии [10, с. 18].

Для грузинской экономики очень важное место занимает участие Грузии в региональных транспортных и энергетических проектах. Это участие обеспечивает весьма ощутимые поступления в бюджет Грузии. Совместные энергетические и транспортные проекты вносят свой вклад в формирование политики в регионе. Данные проекты также способствуют стабильности региона [13, с. 766].

Однако Грузия стала весьма зависима от турецко-азербайджанского тандема, особенно в области экономики, что накладывает свои отпечатки и на политику. Безальтернативное влияние Турции на Грузию уже настораживает часть общества Грузии. Пример Аджарии, где турецкий капитал полностью контролирует значительную долю экономики автономной республики, уже вызывает беспокойство. С развалом СССР Аджария вошла в сферу геополитических интересов Турции [1].

Турция проводит политику дистанцирования Аджарии от Грузии, укрепляя политическую и экономическую самостоятельность региона. У Турции особый подход к Аджарии. Это обусловлено как наличием в Аджарии значительного мусульманского населения, так и положениями Московского и Карского договоров. В период владычества Османской империи в Аджарии, аджарцы, как и некоторые другие христиане, смешивали ислам и православие в быту. Данные переписи населения в Грузии показывают рост численности мусульманского населения в Аджарии при относительной неизменности общей численности населения. Следует отметить также, что Аджарская автономия образовалась согласно Московскому договору 1921 г. Согласно этому договору, северная часть Батумской области передавалась в состав Грузинской ССР с предоставлением широкой местной автономии в административном отношении и торговых привилегий Турции в батумском порту¹. После распада СССР Россия сохраняла свое влияние в регионе, в т. ч. и благодаря своей военной базе в Батуми. Однако приход к власти М. Саакашвили вызвал так называемый аджарский кризис в 2004 г., что привело к отставке руководителя Аджарии А. Абашидзе. Таким образом, при уменьшении в регионе влияния России усилилось турецкое. В 2007 г. Россия вывела 12-ю военную базу из Батуми, и военно-политическое влияние России в Аджарии и в целом в Грузии резко сократилось. А по итогам кавказского кризиса 2008 г. отношения между Россией и Грузией вообще прекратились. Однако военное присутствие России усилилось в Абхазии и Южной Осетии. Турция продолжала усиление своего влияния в других регионах Грузии, особенно в регионе Самцхе-Джавахети и Квемо-Картли. В регионе Самцхе-Джавахети усилилось экономическое присутствие Турции в основном благодаря железной дороге Карс — Баку, а в регионе Квемо-Картли — благодаря общности в религии и языке с местным азербайджанским населением.

У Грузии и Турции очень глубокие связи в военно-политической сфере. Турция активно помогала Грузии в строительстве и подготовке грузинской армии. Турция активно содействовала процессу приведения грузинских вооруженных сил в соответствие со стандартами НАТО [5]. После кавказского кризиса 2008 г. Грузия еще активнее начала реформирование своих вооруженных сил в надежде на скорейшее членство в НАТО. Одной из приоритетных задач в этом направлении стало получение военной помощи от Турции [8, с. 349]. И Турция активно помогала грузинским силовым структурам и армии в повышении боеготовности, поставке вооружения и подготовке кадров.

Грузия стала связующим звеном турецкого влияния в рамках коридора Турция — Азербайджан — Центральная Азия. Грузия же при помощи Турции компенсирует отсутствие дипломатических отношений с Россией.

Заключение

Таким образом, Турция, благодаря своему экономическому потенциалу, существующим и проектируемым энергетическим проектам, приобрела реальные рычаги влияния на Южном Кавказе. Это, в свою очередь, подразумевает и политическое влияние.

¹ Московский договор между Россией и Турцией, 16 марта 1921 г. [Электронный ресурс] // Документы XX века. URL: http://www.hrono.ru/dokum/192_dok/19210316ru_tur.html (дата обращения: 10.04.2022).

Современная внешняя политика Турции во многом выработана А. Давутоглу, бывшим министром иностранных дел и премьер-министром, который, будучи профессором стамбульского Университета Бейкент, опубликовал книгу «Стратегическая глубина. Международное положение Турции». Книга описывает путь Турции в процессе становления мировой державой [6].

С учетом вовлеченности в энергетические и транспортные проекты Грузии, Турции и Азербайджана сотрудничество этих стран будет углубляться, особенно в политической сфере.

Для стран региона важным проектом для участия может стать транспортный коридор «Север — Юг», однако в настоящее время остается много нерешенных вопросов для полной реализации данного проекта. Конфликт между Арменией и Азербайджаном вокруг Нагорного Карабаха может лишить Армению возможности участия в этом проекте. В целом у данного проекта большой потенциал для стран Южного Кавказа, развивающий экономику региона.

Турция, являясь членом блока НАТО, будет проводить в регионе Южного Кавказа и политику США, и частично ЕС. Ни США, ни страны ЕС не хотят втягиваться в проблемы и конфликты Южного Кавказа в военной сфере, предпочитая работать в политической сфере. Турция, проводя свою политику в регионе, продвигает интересы США и НАТО [12, с. 163].

Вторая карабахская война создала новую реальность на Южном Кавказе [7, с. 352]. Российские миротворцы обеспечивают разграничение вооруженных сил Азербайджана и Нагорного Карабаха. А Турция получила право контроля за режимом прекращения огня в зоне нагорнокарабахского конфликта. 30 января 2021 г. на территории Агдамского района начал работу Совместный российско-турецкий мониторинговый центр. Именно вмешательство и помощь Турции позволили Азербайджану выиграть в этой войне [2]. Однако итоги этой войны еще не подкреплены, что создает конфликтную ситуацию, несмотря на декларирование мирного процесса со стороны руководств Турции, Азербайджана и Армении. Сохраняется потенциальная конфликтность и в зоне грузино-абхазского и грузино-югоосетинского конфликтов. Однако в этих зонах вероятность военных столкновений на данном этапе сведены к минимуму.

В урегулировании карабахского конфликта Турция стремится проводить более активную политику, усиливая свою вовлеченность в региональные проблемы безопасности. Это вызывает настороженность Ирана. Однако это не афишируется, но вызывает озабоченность и у России. Турция и Россия пытаются сгладить острые углы в отношениях, однако сколько это может длиться, пока не понятно. Подходы России и Турции в вопросах региональной безопасности на Южном Кавказе противоположны, Россия не заинтересована в иностранном военном присутствии в регионе. Также нужно отметить исключительную роль России в вопросе урегулирования карабахского конфликта, т. к. Россия старается проявлять нейтральную позицию, в то время как Турция проводит исключительно проазербайджанскую и антиармянскую политику. Так, Турция проводит политику силового решения проблемы Нагорного Карабаха и подталкивала Азербайджан к нарушению режима прекращения огня [11].

После второй карабахской войны в регион Южного Кавказа, в зону нагорнокарабахского конфликта, вошли турецкие вооруженные силы на основании Заявления о прекращении огня в Нагорном Карабахе, подписанного президентами России и Азербайджана, а также премьер-министром Армении. Турция получила легитимное право своего военного присутствия в зоне конфликта.

Также с учетом влияния Турции на Азербайджан и членства Турции в НАТО Иран проявляет крайнюю обеспокоенность возможностью новых военных действий по отношению к Армении с целью пробить так называемый Зангезурский коридор (также называют Мегринским коридором). Данный коридор усилит влияние Турции на Кавказский и Центральноазиатский регионы, и наоборот, углубит блокаду Ирана. Исламская Республика также потеряла стабильную транспортную связь с Арменией, так как участок в 21 км автодороги Горис — Капан оказался под контролем ВС Азербайджана, а это была единственная доступная большегрузным автомобилям дорога в высокогорном регионе Сюник Армении, связывающая Иран и Армению. Иран также обеспокоен возможностью дислоцирования в приграничных с Ираном территориях, бывших до войны под контролем армии обороны НКР, вооруженных сил или формирований, враждебных Ирану.

Турция получила дивиденды по итогам второй карабахской войны в области пропаганды и имиджа, создав образ сильного государства, имеющего возможность решать военные задачи за пределами своей территории, защищая тюркское единство. Россия, в свою очередь, проиграла в этой сфере. В политическом дискурсе заговорили о поражении Армении как союзника России и победе Азербайджана как союзника Турции. Многие эксперты обращают внимание на факт безусловной и всеобъемлющей поддержки со стороны Турции своему союзнику Азербайджану и отсутствие со стороны России такой поддержки в отношении Армении. Активное вмешательство России в конфликт привело бы к конфликту с Турцией, что с учетом сложившейся сложной геополитической ситуации вокруг России было неприемлемо, поэтому России пришлось принять факт военного присутствия Турции в зоне конфликта вокруг Нагорного Карабаха [4, с. 103].

Несмотря на стремление Грузии в НАТО, в грузинском политическом дискурсе уже поднимается вопрос о необходимости обозначения угроз со стороны Турции в отношении суверенитета Грузии. Уже приходит осознание факта зависимости Грузии от Турции. И Грузия будет вынуждена пойти на сближение с Россией для защиты своего суверенитета от Турции.

Учитывая фактор юридически не оформленного распада СССР и выстроенную геополитическую систему на постсоветском пространстве, возникшие конфликты на всей территории бывшего СССР (юридически существующего до сих пор), военно-политическое присутствие иностранных государств и военно-политических блоков на территории СССР можно исключить, лишь объявив о незаконности выхода союзных республик из СССР. Конфликт между Россией и Литвой уже дал начало подобным процессам¹. Принятие таких решений со стороны России — правопреемника СССР, в соответствии с ст. 67 Конституции России², приведет к выводу военного присутствия Турции в регионе Южного Кавказа.

Литература

1. Бредихин А. В. Грузия аль-Ислами [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Архонт». 2018. № 5 (8). URL: https://www.arkhont.ru/_files/ugd/966b90_028780d9d984402cbcfcdcadfad925326.pdf (дата обращения: 30.07.2022).
2. Гаджиев К. Южный Кавказ через призму второй карабахской войны // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 3 (52). DOI: 10.20542/2073-4786-2021-3-126-139
3. Жильцов С. С., Савичева Е. М. Региональная безопасность на Южном Кавказе: энергетическая составляющая // Проблемы постсоветского пространства. 2021. Т. 8. № 3. С. 331–340. DOI: 10.24975/2313-8920-2021-8-3-331-340
4. Ильиных А. В., Романюха Д. Р. Результаты военных действий в Нагорном Карабахе — 2020: новые геополитические вызовы для Российской Федерации // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. № 3. С. 97–106. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-3-97-106
5. Мачавариани Г. Г. Характер и особенности грузино-турецких отношений на современном этапе [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Архонт». 2017. № 2 (2). С. 4–13. URL: https://www.arkhont.ru/_files/ugd/966b90_42958fea92df4e46a165fa8d56f2a292.pdf (дата обращения: 14.04.2022).
6. Парланова А. Т. Отличительные особенности внешнеполитической стратегии Турции на современном этапе // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2017. № 9. С. 46–52.
7. Чернявский С. Нагорно-Карабахский конфликт в контексте меняющейся региональной геополитики // Проблемы постсоветского пространства. 2021. Т. 8. № 3. С. 341–360. DOI: 10.24975/2313-8920-2021-8-3-341-360
8. Elmas B. Türkiye'nin Gürcistan Politikasındaki Değişim ve Dönüşüm // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2018. V. 11. No. 59. P. 344–351 (Элмас Б. Изменение и трансформация политики Турции в от-

¹ См.: Законопроект № 139560-8 Об отмене Постановления Государственного Совета СССР «О признании независимости Литовской Республики» [Электронный ресурс] // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/139560-8> (дата обращения: 29.08.2022).

² Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter9> (дата обращения: 29.08.2022).

- ношении к Грузии // Международный журнал социальных исследований. 2018. Т. 11. № 59. С. 344–351. (На турецком языке). DOI: 10.17719/jisr.2018.2642
9. Göksel D. Nigar. Turkey and Armenia Post-Protocols: Back to Square One? [Электронный ресурс] // The Turkish Economic and Social Studies Foundation (TESEV). URL: https://www.tesev.org.tr/wp-content/uploads/report_Turkey_And_Armenia_Post_Protocols_Back_To_Square_One_EN.pdf (дата обращения: 30.07.2022).
 10. Jones S., Kakhishvili L. The Interregnum: Georgian Foreign Policy from Independence to the Rose Revolution // Georgian Foreign Policy. The Quest for Sustainable Security. 2013. Konrad-Adenauer-Stiftung. P. 13–40.
 11. Kerim Has, Vali Kaleji, Sergey Markedonov. The Breakdown of the Status Quo and the International Dimension of the Nagorno-Karabakh Crisis [Электронный ресурс] // Valdai Discussion Club, 17.12.2020. URL: <https://valdaiclub.com/a/reports/thebreakdown-of-the-status-quo/> (дата обращения 09.09.2022).
 12. Kirişçi K. Turkey and the West Fault Lines in a Troubled Alliance // Brookings Institution Press, Washington D. C., 2018. P. 309.
 13. Topal C. Türkiye'nin Güney Kafkasya Politikası ve Gürcistan // Turkish Studies International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. Winter 2015. V. 10 (1). P. 753–770 (*Tonak* C. Политика Турции на Южном Кавказе и Грузия // Академический журнал Turkish Studies. 2015. Т. 10 (1). С. 753–770) (На турецком языке). DOI: 10.7827/TurkishStudies.7878
 14. Հովսեփյան Լ., Պետրոսյան Ա. Ժամանակակից Թուրքիայի արտաքին և տարածաշրջանային քաղաքականության ռազմականացման միտումները / «Բաների Երևանի համալսարանի. Միջազգային հարաբերություններ, Քաղաքագիտություն», Երևան, 2021. № 3 (36), էջ 19–30 (*Овсенян Л., Петросян А. Тенденции милитаризации внешней и региональной политики современной Турции // Вестник ЕГУ. Международные отношения, Политология. Ереван, 2021. № 3. С. 19–30.*) (На армянском яз.) DOI: 10.46991/BYSU:D/2021.12.3.019

Об авторе:

Марабян Карен Паргевович, независимый политолог, генеральный директор ООО «СК Арм-Ка», г. Чехов, Российская Федерация;
e-mail: virq86@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0814-6525>

References

1. Bredihin A. V. Georgia Al-Islami [Electronic resource]. *Arkhont* [Arkfont]. 2018; 5 (8). URL: https://www.arkhont.ru/_files/ugd/966b90_028780d9d984402cbcfcdcadfad925326.pdf (accessed: 30.07.2022). (In Rus.)
2. Gadzhiev K. South Caucasus through the Prism of the Second Karabakh War. *Russia and the new States of Eurasia* [Rossiya i novye gosudarstva Evrazii]. 2021; 3 (52). (In Rus.) DOI: 10.20542/2073-4786-2021-3-126-139
3. Zhiltsov S. S., Savicheva E. M. Regional Security in the South Caucasus: The Energy Factor. *Post-Soviet Issues* [Problemy postsovetskogo prostranstva]. 2021; 8 (3): 331–340. (In Rus.) DOI: 10.24975/2313-8920-2021-8-3-331-340
4. Ilinykh A. V., Romanyukha D. R. The Results of the Military Actions in Nagorno-Karabakh — 2020: New Geopolitical Challenges for the Russian Federation. *Journal of Political Studies* [Zhurnal politicheskikh issledovaniy]. 2021; 5 (3): 97–106. (In Rus.) DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-3-97-106
5. Machavariani G. G. The Nature and Peculiarities of the Georgian-Turkish Relations at the Present Stage [Electronic resource]. *Archon* [Arkfont]. 2017; 2 (2): 4–13. URL: https://www.arkhont.ru/_files/ugd/966b90_42958fea92df4e46a165fa8d56f2a292.pdf (accessed: 14.04.2022). (In Rus.)
6. Parlanova A. T. Distinctive Features of Turkish Foreign Policy. *Topical Issues of Contemporary International Relations* [Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy]. 2017; (9): 46–52. (In Rus.)

7. Chernyavsky S. The Nagorno-Karabakh Conflict in the Context of Changing Regional Geopolitics. *Post-Soviet Issues* [Problemy postsovetskogo prostranstva]. 2021; 8 (3): 341–360. (In Rus.) DOI: 10.24975/2313-8920-2021-8-3-341-360
8. Elmas B. Change and Transformation of Turkey's Policy towards Georgia. *The Journal of International Social.* 2018; 11 (59): 344–351 (In Turkish). DOI: 10.17719/jisr.2018.2642
9. Göksel D. Nigar. Turkey and Armenia Post-Protocols: Back to Square One? [Electronic resource]. The Turkish Economic and Social Studies Foundation (TESEV). URL: https://www.tesev.org.tr/wp-content/uploads/report_Turkey_And_Armenia_Post_Protocols_Back_To_Square_One_EN.pdf (accessed: 30.07.2022.)
10. Jones S., Kakhishvili L. The Interregnum: Georgian Foreign Policy from Independence to the Rose Revolution. *Georgian Foreign Policy. The Quest for Sustainable Security*. 2013. Konrad-Adenauer-Stiftung. P. 13–40.
11. Kerim Has, Vali Kaleji, Sergey Markedonov. The Breakdown of the Status Quo and the International Dimension of the Nagorno-Karabakh Crisis [Electronic resource]. Valdai Discussion Club, 17.12.2020. URL: <https://valdaiclub.com/a/reports/thebreakdown-of-the-status-quo/> (accessed: 09.09.2022).
12. Kirişci K. Turkey and the West Fault Lines in a Troubled Alliance. Brookings Institution Press, Washington D. C., 2018. P. 309.
13. Topal S. Turkish Policy in the South Caucasus and Georgia. *Turkish Studies — International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic*. Winter 2015; 10 (1): 753–770 (In Turkish). DOI:10.7827/TurkishStudies.7878
14. Hovsepyan L., Petrosyan A. Trends of Militarization of Foreign and Regional Policy of Modern Turkey. *Bulletin of Yerevan University. International relations, Political Science*. Yerevan, 2021; (3): 19–30. (In Armenian) DOI: 10.46991/BYSU:D/2021.12.3.019

About the author:

Karen P. Marabyan, Independent Political Scientist, Director-general of “SK Arm-Ka” LLC, Chekhov, Russian Federation;
e-mail: virq86@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0814-6525>

Сравнительный анализ современных концепций информационного противоборства

Выходец Р. С., Панцеров К. А.*

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: pantserev@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2164-9525>

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование посвящено сравнительному анализу предметных полей основных современных концепций информационно-психологического противоборства.

Цель. Выявить особенности предметных полей основных современных концепций информационно-психологического противоборства.

Задачи. Проанализировать основные современные концепции информационно-психологического противоборства: информационная война, сетевая война, сетецентрическая война, ментальная война; определить их сущностные характеристики и выявить особенности предметных полей.

Методология. При проведении исследования для решения научных задач авторы использовали как общенаучные (анализ, синтез, аналогия), так и специальные методы: контент-анализ, сравнительный анализ, критический дискурс-анализ.

Результаты. Исследование показало, что термин «информационная война» появился в отчете, подготовленном по заказу Министерства обороны США. В дальнейшем этим понятием активно оперировали американские военные эксперты, занимавшиеся разработкой и планированием различного рода военных операций. Отношение к данному термину в научных кругах неоднозначное. В научной литературе можно встретить большое количество определений, объясняющих данный феномен, что свидетельствует о непрекращающихся дискуссиях в научном мире относительно того смысла, которое следует вкладывать в понятие «информационная война». Нередко этот термин заменяют термином «информационное противоборство». Информационное противоборство — это взаимоотношение между государствами, в рамках которых одно из них преследует цель расширения зоны своего влияния и воздействует на информационную сферу другого государства, реализуя выгодные для себя решения в военной, политической, экономической и иных областях.

Выводы. На основе предложенного анализа существующих в научном дискурсе концепций информационного противоборства авторы приходят к выводу, что теорию информационного противоборства следует рассматривать как область научных исследований, направленных на осмысление использования современных технологий в межгосударственном противоборстве, обуславливающих коренные изменения в формах, принципах и средствах конфликтов в информационную эпоху. В настоящее время теория информационного противоборства дифференцировалась и получила развитие в ряде оригинальных концепций, акцентирующих свое внимание на различных аспектах противостояния в информационной среде и использовании ИКТ в военном противостоянии.

Ключевые слова: информационно-психологическое противоборство, информационная война, сетевая война, сетецентрическая война, ментальная война, когнитивная война

Для цитирования: Выходец Р. С., Панцеров К. А. Сравнительный анализ современных концепций информационного противоборства. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2022; 16 (4): 139–148. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-139-148>

Comparative Analysis of Modern Concepts of Information Warfare

Roman S. Vykhodets, Konstantin A. Pantserov*

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

*e-mail: pantserev@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2164-9525>

ABSTRACT

This study is devoted to the comparative analysis of the subject fields of the main modern concepts of information and psychological warfare.

Aim. To identify the features of the subject fields of the main modern concepts of information and psychological warfare.

Tasks. To analyze the main modern concepts of information and psychological warfare: information war, network war, network-centric war, mental warfare; determine their essential characteristics and identify the features of subject fields.

Methods. During the research, both general scientific (analysis, synthesis, analogy) and special methods were by the authors in order to solve scientific problems: content analysis, comparative analysis, critical discourse analysis.

Results. The study showed that the term “information warfare” has appeared in a report commissioned by the US Department of Defense. Further, this concept was actively operated by American military experts involved in the development and planning of various types of military operations. The attitude to this term in scientific circles is ambiguous. In the scientific literature, one can find a large number of definitions explaining this phenomenon, which indicates the ongoing discussions in the scientific world about the sense of the “information war” as the phenomena.

Often this term is replaced by the term “information and psychological warfare”, which should be understood as such a relationship between states in which one of the opposing parties, in order to expand its zone of influence and eliminate potential competitors, resorts to active covert influence on the information sphere of its opponent, aimed at creating conditions for making favorable decisions for one or the other state in military, political, economic and other fields.

Conclusions. The authors come to the conclusion that the theory of information warfare should be considered as an area of scientific research aimed at understanding the use of advanced technologies in interstate confrontation which causes fundamental changes in the forms, principles and means of conflicts in the information age. Currently, the theory of information warfare has been differentiated and developed in a number of original concepts that focus on various aspects of confrontation in the information environment and the use of ICT in military confrontation.

Keywords: information and psychological warfare, information war, network war, network-centric war, mental warfare

For citing: Vykhodets R. S., Pantserov K. A. Comparative Analysis of Modern Concepts of Information Warfare. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2022; 16 (4): 139–148. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-139-148>

Введение

Современные информационные технологии за последние два десятилетия сделали колоссальный рывок в своем развитии, прочно войдя в повседневную жизнь буквально каждого человека. Однако вступление человечества в цифровую эпоху не сделало мир более безопасным и комфортным для людей. Скорее, наоборот, данное обстоятельство породило множество проблем политического, экономического и цивилизационного характера.

Сегодня мы видим, как продолжают возрастать угрозы деструктивного применения передовых технологий, в том числе и на объекты критически важной инфраструктуры государства, а информационные технологии становятся ключевым элементом гибридных войн.

Представляется очевидным, что любому государству, если оно стремится проводить самостоятельную внешнюю политику и не стать жертвой очередной «цветной революции», следует выстроить мощную линию защиты в информационной сфере. Однако выработка подобной стратегии не представляется возможным без теоретического осмысления характера современного информационно-психологического противоборства и четкого формулирования основных вызовов и угроз, которые исходят от постоянно совершенствующихся информационных технологий. В этой связи предлагается комплексное изучение существующих в современном научном дискурсе подходов, описывающих информационное противоборство как доминирующий тренд мировой повестки дня.

Современные концепции информационного противоборства

Информационная война

Понятие «информационная война» впервые употребил американский ученый Томас Рона. В 1976 г. по заказу Министерства обороны США он подготовил для компании Boeing отчет с говорящим названием «Системы вооружения и информационная война». В этом отчете он высказал предположение, что информационная инфраструктура, которая уже в 1970-е гг. превратилась в один из ключевых элементов американской экономики, может стать легкой мишенью для потенциального противника [20]. За последние десятилетия в мире накоплен значительный опыт проведения различного рода информационно-психологических операций, а также разработан и апробирован широкий спектр средств и методов оказания информационно-психологического воздействия. При этом обращает на себя внимание тот факт, что сама по себе концепция информационной войны зародилась не в научном дискурсе, а в отчете, который был подготовлен для крупной американской авиастроительной корпорации. Данное обстоятельство, с нашей точки зрения, убедительно свидетельствует о том значении, которое американское военное руководство придает новым технологиям. Информационные операции выступают одним из важных направлений в процессе подготовки и проведения информационных войн. Они предполагают проведение различного рода мероприятий, ориентированных на создание условий для принятия в информационном пространстве противника психологического воздействия с целью достижения выгодных решений в военной, политической, экономической и иных областях. По мнению бывшего командующего ВМС США Стюарта Грина, «информационные операции включают в себя следующие элементы: радиоэлектронная борьба, операции в компьютерных сетях, психологические операции, военный обман и оперативная безопасность» [17, с. 80].

Сетевая война

Разработка концепции сетевых войн связана с именами Джона Аркиллы и Дэвида Ронфельдта. В работе «The Advent of Netwar» [11], опубликованной в 1996 г., американские военные аналитики сосредоточились на разработке нового подхода к организации военной сферы и ведения боевых действий, которые учитывают изменения, вызванные информационной революцией. Предложенный авторами термин «сетевая война» выражал роль новых информационных технологий в управлении современными военными конфликтами. При этом на первый план выдвигается сетевой, а не иерархический принцип управления малыми группами. Сетевые войны, в отличие от традиционных военных конфликтов, нацеленных на физическое уничтожение противника и его критической инфраструктуры, направлены на разрыв коммуникаций и связи в войсках противника и его гражданской сфере [12]. Соответственно, все звенья сети, обладая определенной автономностью, связаны системой взаимодействий на основе новейших информационных технологий, находясь даже на значительном расстоянии друг от друга. В качестве элементов такой сети выступают не только отдельные подразделения регулярных войск, но также

различного рода повстанческие, партизанские, террористические подразделения и группировки, ведущие подрывную деятельность в отношении противника. Поэтому в современных конфликтах на первый план выходят управление и контроль над сетью, позволяющие добиться доминирования и превосходства в сетевой войне.

Дальнейшее развитие идеи Дж. Аркиллы и Д. Ронфельдта получили в работах исследователей проблем влияния информационной революции на военно-политические конфликты и военных специалистов. В частности, адмирал вооруженных сил США Уильям Оуэнс обосновал необходимость использования новейших информационных технологий в реорганизации военной стратегии на новом уровне, который объединяет данные разного рода информационных датчиков, включая космическое слежение, а также осуществление силовых операций, направленных на достижение превосходства над противником, основанного на полном господстве в информационной области [19]. В целом концепция сетевых войн оказала существенное влияние на осмысление характера и методов ведения военно-политических конфликтов в информационную эпоху и послужила основой для дальнейших исследований в этой области, а также разработки национальных и международных доктрин и стратегий.

Сетецентрическая война

Разработка концепции сетецентрических войн пришлось на конец 90-х — начало 2000-х гг. и осуществлялась в основном усилиями военных экспертов США. В этот период в уставе сухопутных войск американской армии принцип управления войсками “Command and Control” (C2) связывался с применением набора средств и процессов, использующих человеческие, физические и информационные ресурсы, объединенных в единую систему. Это предполагает интеграцию стратегического и оперативного командования войсками, боевых и разведывательных средств в единую систему. При этом существенно возрастает значение горизонтальных коммуникаций на основе новых информационных технологий между армейскими подразделениями, объединяющими различные рода войск, разведку, силы психологических операций, радиоэлектронной борьбы и связи. В соответствии с новым видением военные подразделения не рассматривались как совокупность техники, личного состава и структур управления, а представлялись в качестве единой сети, в которой повышалась самостоятельность боевых единиц, а принятие ряда решений делегировалось на низовой уровень. Ведущую роль в теоретическом обосновании нового сетевого принципа организации и управления войсками сыграли работы Артура Цебровски и Джона Гарстки, за которыми закрепилось авторство концепции сетецентрических войн. В своем совместном исследовании [14] они указали на две ключевые особенности новых войн: быстрота управления и самосинхронизация. Первая обеспечивает достижение информационного превосходства над противником и направлена на лишение его возможности осуществлять системные и скоординированные действия, а вторая — способность военной структуры к самоорганизации снизу, что кардинально отличает сетецентрическую организацию от классической модели, основанной на принципе иерархичности и централизации. Концепция сетецентрических войн фиксируется, главным образом, на прикладных вопросах организации и управления войсками в новых условиях, придавая существенное значение информационной среде как основе для эффективной коммуникации между подразделениями.

Кибервойна

Концепция кибервойны концентрируется на теоретическом осмыслении использования компьютеров и сети Интернет для нанесения ущерба противнику, а также выработке механизмов защиты от угроз в киберпространстве и противодействия кибератакам, которые включают в себя финансовые преступления и шпионаж против человека, организаций и государства (киберпреступность), действия негосударственных акторов, направленные на взлом компьютерных систем критически важных объектов, государственных органов, транспорта и т. д. (кибертерроризм), использование киберпространства против вооруженных сил противника, инфраструктуры и гражданского населения (кибервойна).

Один из видных теоретиков в области безопасности Ричард Кларк определил кибервойну как действия одного национального государства с проникновением в компьютеры или сети другого национального государства для достижения целей нанесения ущерба или разрушения [15]. По мнению А. С. Капто, кибервойну следует рассматривать в качестве одного из новых видов войны, основанного на современных информационных технологиях. Это не самостоятельный вид противоборства, кибервойна всегда является составной частью информационной войны и в целом выступает элементом полномасштабной военной кампании, включающей как недавно возникшие, так и более привычные способы борьбы [7, с. 616]. В настоящее время обеспечение безопасности в киберпространстве включено в систему национальных интересов практически любого государства, а выработка эффективных средств противодействия киберугрозам выступает предметом многочисленных доктрин, стратегий и международных соглашений.

Информационно-психологическое противоборство

Концепция информационно-психологического противоборства отталкивается от факта глубокого проникновения цифровых технологий в общемировом масштабе. По последним данным, сегодня порядка 60% населения планеты являются активными интернет-пользователями, более 50% регулярно используют социальные сети для получения информации и общения, при этом во многих странах данные показатели значительно превосходят среднемировые значения¹. Это дает основания рассматривать информационное пространство в качестве одного из основных измерений конкуренции, борьбы и конфликтов в современных международных отношениях. Как указывает И. Ф. Кефели, информационно-психологическое измерение «охватывает внутренний мир человека, его чувства, эмоции, мысли, мировоззрение, индивидуальное и общественное сознание» [8, с. 78]. Практика информационно-психологического противоборства может рассматриваться как вспомогательный инструмент в военных конфликтах между государствами, так и в качестве основной арены противостояния в тех случаях, когда применение военной силы серьезно ограничено. По мнению А. В. Манойло, характерной чертой современных конфликтов выступает расширенное использование технологий информационно-психологической войны, нацеленных на создание условий для манипуляций сознанием населения страны [9].

Основной предмет концепции информационно-психологического противоборства, прежде всего, концентрируется на изучении систем и инструментов формирования общественного мнения, а также особенностей восприятия человеком информации. Одно из первых научных исследований данного вопроса в контексте межгосударственных конфликтов принадлежало Полу Лайнбарджеру, который детально проанализировал способы применения достижений психологии в военных конфликтах. В своей работе, изданной в 1954 г., он пишет: «Психологическая война в широком смысле слова представляет собой использование основ психологии в военном деле. В узком смысле психологическая война представляет собой использование пропаганды в вооруженной борьбе одновременно с ведением таких боевых действий, которые дополняют пропаганду» [18, с. 46].

В настоящее время особую актуальность приобретают исследования использования «фейков» для воздействия на индивидуальное сознание и манипулирование общественным мнением противника [10], а также использования технологий искусственного интеллекта и специальных приложений для создания заведомо ложного визуального изображения и дальнейшего его использования с целью дискредитации противника, а также способов блокирования подобной информации. Отдельного внимания заслуживают междисциплинарные исследования особых информационно-смысловых конструкций, способствующих селективному восприятию человеком внешней информации, подкрепляемому внутренними стимулами организма и / или социокультурной среды [2].

Таким образом, концепция информационно-психологического противоборства является полем междисциплинарных исследований, основанных на достижениях современной теории коммуникации, когнитивной науки и возможностей новейших информационных систем, достижения превосходства и / или противодействия целенаправленному воздействию в информационном пространстве.

¹ Digital 2022. Global Overview Report [Electronic resource]. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022/> (accessed: 11.10.2022).

Ментальная (когнитивная) война

Концепцию ментальных войн в последние годы активно разрабатывает российский исследователь и военный эксперт А. М. Ильницкий. Автор отталкивается от признания того, что в настоящее время происходит совмещение инструментов войны и соперничества мирного времени, что определяет радикальные изменения в системе вызовов и угроз, определяющих характер и формы межгосударственного противоборства. Это приводит к возникновению войны нового типа, главной целью которой выступает уничтожение самосознания, изменение ментальной, цивилизационной основы общества противника. Сам термин «ментальная война» в научный и общественно-политический дискурс введен А. М. Ильницким в марте 2021 г. По мнению автора, ментальная война относится к новому типу войн и направлена на разрушение мировоззрения и цивилизационных основ противника [4]. В структуре ментальной войны выделяются специфические цели, этапы и технологии:

- стратегические цели (реализация в течение 10–15 лет): изменение исторического самосознания, базовых смыслов, ценностей и целей общества;
- оперативные цели (реализация в течение 3–5 лет): атаки на сложившийся стиль жизни, вытеснение существующих норм поведения, делигитимация власти, раскол общества;
- этапы: первый — информационно-идеологическое воздействие, второй — социальные технологии манипулирования обществом.

Технология реализации включает информационную и психоэмоциональную составляющие, в которых активную роль играют технологии искусственного интеллекта [5, с. 26].

В своей сути концепция ментальной войны апеллирует к классическим концепциям межцивилизационного противоборства, отталкивающимся от фундаментальных модернистских представлений об универсальном, одностороннем векторе общественного прогресса, лежащего в основе давления Запада на остальные цивилизации, которое проявляется в «навязывании» западных моделей развития остальному человечеству. При этом ключевой идеей концепции ментальной войны выступает умысел и целенаправленные действия по негативному влиянию и изменению сознания населения противника. По этому поводу Ильницкий пишет: «Ментальная война — это скоординированная совокупность разномасштабных действий и операций, направленных на “оккупацию” сознания противника в целях парализа его воли, изменения индивидуального и массового сознания населения для деморализации армии и общества, уничтожения духовно-нравственных ценностей, традиций и культурно-исторических основ государства, “стирания” национальной идентичности народа» [6, с. 28]. Именно этот аспект концепции определяет некоторые теоретические трудности в четком очерчивании феномена ментальной войны и выделении его из предметного поля современного информационного противоборства. Идентификация наличия принятого политического решения по «оккупации» сознания противника осложняется либо секретностью документов, в которых подобное решение могло бы быть закреплено, либо же оценочными суждениями и трактовкой исследователя фактов естественной конкуренции между государствами, продвижения национальных интересов, реализации инструментов мягкой силы в информационном пространстве.

В англоязычной литературе ментальная война именуется когнитивной войной (Cognitive Warfare). Формирование концепции когнитивной войны связано с исследованиями новых форм ведения войны, проводимых экспертами и аналитиками НАТО. Наиболее известной аналитической работой в этой области является исследование “Cognitive Warfare”, проведенное в 2020 г. Франсуа дю Клузелем, экспертом Innovation Hub, при финансовой поддержке Allied Command Transformation — организации, входящей в структуру командования НАТО. Осмысление феномена когнитивной войны опирается на признание человеческой психики и разума в качестве новой шестой сферы ведения войны, наряду с воздушной, наземной, морской, космической и кибернетической.

Ключевым принципом когнитивной войны выступает так называемый «взлом личности», суть которого состоит в использовании современных информационных и когнитивных технологий для глубокого понимания человеческой психики, особенностей восприятия информации и достаточно точного прогнозирования поведения человека, что открывает широкие возможности для манипуляции сознанием

и действиями людей в беспрецедентных и сложных масштабах [16, с. 7]. Ключель ставит вопрос об использовании в военных целях (либо в дополнение к боевым действиям, либо самостоятельно) новых областей знаний, таких как поведенческая экономика, наука о мозге и нейротехнологии (NeuroS/T), наука о больших данных, киберпсихология. Сегодня крупные компании разработали новые методы сбора данных, позволяющие делать выводы о личной информации, которые стали основой для прогнозирования потребительского поведения. Например, цифровая модель, созданная специалистами Cambridge Analytica, показала, как объединить личные данные с машинным обучением в политических целях путем профилирования отдельных избирателей, чтобы нацелить их на персонализированную политическую рекламу. Начиная с 2013 г. некоторые страны реализуют крупномасштабные проекты по исследованию человеческого мозга [22], использование результатов которых в военных и разведывательных целях вполне реально, что ставит новые проблемы в области обеспечения национальной безопасности, форм и средств военных конфликтов. По мнению экспертов из университета Джона Хопкинса, когнитивная война преследует две дополняющие друг друга цели: дестабилизацию и влияние, а ее объектами могут выступать как целые общества, так и отдельные лидеры в политике, экономике, религии и науке [13, с. 11]. Таким образом, концепция когнитивной войны привносит на поле боя современных конфликтов третье измерение: к физическому и информационному измерениям теперь добавляется когнитивное измерение. В мире, пронизанном технологиями, война в когнитивной области мобилизует более широкий спектр боевых возможностей, чем это могут сделать физические и информационные измерения. Основная цель концентрируется на установлении контроля над людьми (гражданскими и военными), организациями, а также над идеями, психологией и поведением людей. Применение современных технологий и достижений когнитивной науки в военных целях позволяет значительно расширить границы традиционных конфликтов и добиться результатов с меньшими затратами.

Заключение

В знаменитой работе Элвина и Хейди Тоффлеров «Война и антивоина» авторы разделили всю историю войн на три периода, соответствующих истории развития человеческой цивилизации: аграрный, промышленный и информационный [21]. По их мнению, основой будущих информационных войн будут служить совершенные системы связи, космические технологии, средства принятия решений и коммуникации в реальном времени.

С нашей точки зрения, данное обстоятельство как раз и объясняет тот факт, почему термин «информационная война» появился именно в отчете, подготовленном по заказу Министерства обороны США. В дальнейшем этим понятием активно оперировали американские военные эксперты, занимавшиеся разработкой и планированием различного рода военных операций. При этом отношение к данному термину в научных кругах неоднозначное. В научной литературе можно встретить большое количество определений, объясняющих данный феномен, что свидетельствует о непрекращающихся дискуссиях в научном мире относительно того смысла, которое следует вкладывать в понятие «информационная война». Следует обратить особое внимание на еще один важный момент, касающийся специфики ведения информационного противоборства в формате идеологического противостояния на пространстве Большой Евразии между «коллективным Западом» и незападным миром [1; 3].

В этом смысле теория информационного противоборства охватывает область научных исследований, направленных на осмысление использования современных технологий в межгосударственном противоборстве, обуславливающих коренные изменения в формах, принципах и средствах конфликтов в информационную эпоху. В настоящее время теория информационного противоборства дифференцировалась и получила развитие в ряде оригинальных концепций, акцентирующих свое внимание на различных аспектах противостояния в информационной среде и использовании ИКТ в военном противостоянии.

Наглядно предложенный анализ существующих в научном дискурсе концепций, описывающих сферы информационного противоборства, представлен на рисунке. Первая ось отражает объект воздействия: индивидуальная психика человека, информационная повестка, программно-аппаратная среда,

информационная инфраструктура; вторая — средства воздействия: публичная дипломатия, злонамеренное воздействие на социально-политическую сферу, информационно-психологические операции, боевые действия.

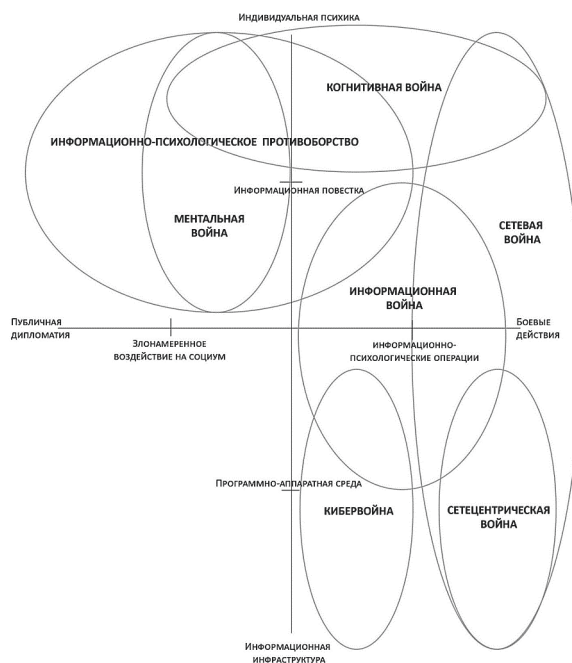

Рис. Сферы информационного противоборства

Fig. Spheres of Information Confrontation

Источник: составлено авторами по итогам проведенного анализа

Литература

1. Бартош А. А., Кефели И. Ф. Фактор информационного противоборства в политике коллективно-го Запада // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 4 (73). С. 283–302. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_4_283
2. Выходец Р. С. «Информационные доминанты» как инструмент информационно-психологических войн // Общественные науки и современность. 2022. № 4. С. 93–104. DOI: 10.31857/S0869049922040074
3. Глазьев С. Ю., Кефели И. Ф. К вопросу об идеологии Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 10–21. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-01-10-21
4. Ильницкий А. М. Безопасность страны как фундамент развития // Арсенал Отечества. 2021. № 1 (51).
5. Ильницкий А. М. Ментальная война // Военная мысль. 2021. № 8. С. 19–33.
6. Ильницкий А. М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. 2022. № 4. С. 24–35.
7. Капто А. С. Кибервойна: генезис и доктринальные очертания // Вестник Российской Академии наук. 2013. Т. 83. № 7. С. 616–625. DOI: 10.7868/S0869587313070050
8. Кефели И. Ф. Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности. СПб., 2020. 228 с.
9. Манойло А. В. «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2019. № 2. С. 37–45.
10. Манойло А. В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М.: Горячая линия — Телеком, 2018. 496 с.

11. Arquilla J., Ronfeldt D. In Athena's Camp. Preparing for Conflict in the Information Age. 1997. RAND Corporation. 525 p.
12. Arquilla J., Ronfeldt D. The Advent of Netwar. 1996. RAND Corporation. 127 p.
13. Bernal A., Carter C., Singh I. [и др.]. Cognitive Warfare. John Hopkins University. 2020. 45 p.
14. Cebrowski A., Garstka J. Network-Centric Warfare — Its Origin and Future [Электронный ресурс] // Proceedings. 1998. Vol. 124. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/1998/january/network-centric-warfare-its-origin-and-future> (дата обращения: 23.10.2022).
15. Clarke R. Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do About It. 2011. Ecco. 320 p.
16. Cluzel F. Cognitive Warfare. Innovation Hub. 2020. 45 p.
17. Green S. Cognitive Warfare. The Augean Stables. Joint Military Intelligence College. July 2008 [Электронный ресурс]. URL: www.theaugeanstables.com/wp-content/uploads/2014/04/Green-Cognitive-Warfare.pdf (дата обращения: 29.10.2022).
18. Linebarger P. Psychological Warfare. Washington, 1954. 335 p. (рус. перев. П. Лайнбарджер. Психологическая война. М., Воениздат. 1962 г. 352 с.).
19. Owens W., Offley E. Lifting the Fog of War. 2001. Johns Hopkins University Press. 296 p.
20. Rona T. Weapon Systems and Information War. Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976. 50 p.
21. Toffler A., Toffler H. War and Anti War. Grand Central Publishing. 1995. 370 p.
22. Vykhodets R. S., Shlyapnikov V. V. The Role of Big Brain Science in the Development of Artificial Intelligence Technologies // Archivos Venezolanos De Farmacología Y Terapéutica. 2022. Vol. 41. No. 2. P. 79–84. <https://doi.org/10.5281/zenodo.6571103>

Об авторах:

Выходец Роман Сергеевич, доцент кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук, доцент;
e-mail: marketing812@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5910-9815>

Панцеров Константин Арсеньевич, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, доцент;
e-mail: pantserov@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2164-9525>

References

1. Bartosh A. A., Kefeli I. F. The Factor of Information Warfare in the Collective West's Current Policy. *National Strategy Issues* [Problemy natsional'noi strategii]. 2022; (4): 283–302. (In Rus.) DOI: 10.52311/2079-3359_2022_4_283
2. Vykhodets R. S. "Information Dominants" as a Tool of Information and Psychological Warfare. *Social Sciences and Contemporary World* [Obshchestvennye nauki i sovremennost']. 2022; (4): 93–104. (In Rus.) DOI: 10.31857/S0869049922040074
3. Glazyev S. Yu., Kefeli I. F. On the Question of the Ideology of the Eurasian Economic Union. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics* [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2022; 16 (1): 10–21. (In Rus.) DOI: 10.22394/2073-2929-2022-01-10-21
4. Ilitsky A. M. Country's Security as the Foundation of Development. *Arsenal of the Fatherland* [Arsenal Otechestva]. 2021; (1). (In Rus.)
5. Ilitsky A. M. Mental Warfare. *Military Thought* [Voennaya mysl']. 2021; (8): 19–33. (In Rus.)
6. Ilitsky A. M. Russia's Mental Security Strategy. *Military Thought* [Voennaya mysl']. 2022; (4): 24–35. (In Rus.)
7. Kapto A. S. Cyberwar: Genesis and Doctrinal Outlines. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences* [Vestnik Rossijskoj Akademii nauk]. 2013; 83 (7): 616–625. (In Rus.) DOI: 10.7868/S0869587313070050

8. Kefeli I. F. *Asphatronics: On the Way to the Theory of Global Security*. St. Petersburg, 2020. 228 p. (In Rus.)
9. Manoylo A. V. *Information Wars and Psychological Operations. A Guide to Action*. Moscow, 2018. 496 p. (In Rus.)
10. Manoylo A. V. Fake News as a Threat to National Security and as a Tool of Information Management. *Bulletin of the Moscow University. Series 12. Political Sciences* [Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki]. 2019; (2): 37–45. (In Rus.)
11. Arquilla J., Ronfeldt D. *The Advent of Netwar*. 1996. RAND Corporation. 127 p.
12. Arquilla J., Ronfeldt D. In *Athena's Camp. Preparing for Conflict in the Information Age*. 1997. RAND Corporation. 525 p.
13. Bernal A., Carter C., Singh I. [et al.] *Cognitive Warfare*. John Hopkins University. 2020. 45 p.
14. Cebrowski A., Garstka J. Network-Centric Warfare — Its Origin and Future [Electronic resource]. *Proceedings*. 1998; 124. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/1998/january/network-centric-warfare-its-origin-and-future> (accessed: 23.10.2022).
15. Clarke R. *Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do About It*. 2011. Ecco. 320 p.
16. Cluzel F. *Cognitive Warfare*. Innovation Hub. 2020. 45 p.
17. Green S. *Cognitive Warfare. The Augean Stables* [Electronic resource]. Joint Military Intelligence College. July 2008. URL: www.theaugeanstables.com/wp-content/uploads/2014/04/Green-Cognitive-Warfare.pdf (accessed: 29.10.2022).
18. Linebarger P. *Psychological Warfare*. Washington, 1954. 335 p.
19. Owens W., Offley E. *Lifting the Fog of War*. 2001. Johns Hopkins University Press. 296 p.
20. Rona T. *Weapon Systems and Information War*. Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976. 50 p.
21. Toffler A., Toffler H. *War and Anti War*. Grand Central Publishing. 1995. 370 p.
22. Vykhodets R. S., Shlyapnikov V. V. The Role of Big Brain Science in the Development of Artificial Intelligence Technologies. *Archivos Venezolanos De Farmacología Y Terapéutica*. 2022; 41 (2): 79–84. <https://doi.org/10.5281/zenodo.6571103>

About the authors:

Roman S. Vykhodets, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Philosophy, Associate Professor;
e-mail: marketing812@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5910-9815>

Konstantin A. Pantserov, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science, Associate Professor;
e-mail: pantserov@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2164-9525>

Организация Договора о коллективной безопасности: реалии и перспективы кризисного реагирования

Торопыгин А. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-Западный институт управления), Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: toropygin-av@ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0678-3347>

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование направлено на изучение ключевой проблемы региональной безопасности — кризисного реагирования в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Цель. Показать, что, несмотря на развитие механизма кризисного реагирования, современное его состояние не удовлетворяет государства-члены, что сказывается на общей безопасности евразийского пространства.

Задачи. Рассмотреть этапы развития кризисного реагирования через призму развития формирования ОДКБ как организации, призванной обеспечивать безопасность в двух направлениях: военной безопасности и противодействия «новым вызовам».

Методология. Для сопоставления механизмов противодействия кризисам используется метод сравнительного анализа, в том числе положений международных договоров, а также успешных и неуспешных практик в СНГ и ОДКБ.

Результаты. На основе конкретных примеров деятельности и изучения принятых решений руководящими органами ОДКБ показано, что совершенствование направления кризисного регулирования станет основным в развитии организации.

Ключевые слова: кризисное регулирование, миротворчество, операции ОДКБ, саммиты ОДКБ, повышение безопасности, СНГ

Для цитирования: Торопыгин А. В. Организация Договора о коллективной безопасности: реалии и перспективы кризисного реагирования. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2022; 16 (4): 149–156. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-149-156>

Collective Security Treaty Organization: Realities and Perspectives of Crisis Response

Andrey V. Toropygin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: toropyginav@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0678-3347>

ABSTRACT

This study is aimed at studying the key problem of regional security — crisis response within the framework of the Collective Security Treaty Organization (CSTO).

Aim. Show that despite the development of the crisis mechanism, its current state does not satisfy the member states, which affects the overall security of the Eurasian space.

Tasks. Consider the stages of development of crisis management through the prism of the development of the formation of the CSTO as an organization designed to ensure security in two directions: military security and countering “new challenges”.

Methods. To compare the mechanisms for countering crises, the method of comparative analysis is used, including the provisions of international treaties, as well as successful and unsuccessful practices in the CIS and the CSTO.

Results. Based on specific examples of activities and study of the decisions taken by the governing bodies of the CSTO, it is shown that the improvement of the direction of crisis management will become the main one in the development of the Organization.

Keywords: crisis management, peacekeeping, CSTO operations, CSTO summits, security enhancement, CIS

For citing: Toropygin A. V. Collective Security Treaty Organization: Realities and Perspectives of Crisis Response. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2022; 16 (4): 149–156. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-149-156>

Введение

В начале 1990-х гг. молодые государства на постсоветском пространстве были охвачены многочисленными конфликтами этнического, политического и военного порядка, что привело к трансформации биполярного мироустройства. Поначалу эти государства ожидали поддержку международного сообщества в разрешении своих проблем. Нельзя сказать, что такая поддержка совсем не была оказана. Но в скором времени выяснилось, что страны Запада готовы предоставить ее не только в ограниченном размере, но и весьма адресно. Иными словами, с определенным собственным интересом. Содружество Независимых Государств (СНГ) вообще не воспринималось ими; отношения строились на двухсторонней основе. И хотя взаимодействие велось и с ОБСЕ, и ООН, все-таки было ясно — государства СНГ должны решать эту проблему сами. Россия, как самое мощное государство этого объединения, взяла на себя основное бремя этого сложного процесса. По сути дела, весь вооруженный сегмент миротворчества был российским, но все решения Российская Федерация принимала в рамках СНГ. В рамках СНГ была создана система мониторинга и разрешения конфликтов. Ситуация в сфере военной безопасности была аналогичной. Договор о коллективной безопасности (ДКБ) 1992 г. стал гарантом суверенитета и территориальной целостности всех государств-членов, но основные вооруженные силы были российскими. В 1996 г. была принята «Концепция предотвращения и урегулирования конфликтов на территории государств — участников Содружества Независимых Государств», которая была основана не только на большом аналитическом материале процесса разрешения конфликтов во всем мире, но и опиралась на опыт, полученный на пространстве СНГ. В основе концепции ключевым служил параметр «напряженность в конфликте», соответствующий этапам: предотвращение конфликта (меры по предотвращению конфликта); урегулирование вооруженных конфликтов; постконфликтное построение мира (миростроительство). Концепция на долгое время стала не только теоретической основой разрешения конфликтов на пространстве СНГ, но и в определенной мере руководством по миротворчеству.

Обсуждение и результаты

В апреле 1999 г. Арменией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией и Таджикистаном был подписан Протокол о продлении Договора о коллективной безопасности, на основании которого сформировался новый состав стран-участниц и установлен автоматический порядок продления действия Договора на пятилетние периоды (Азербайджан, Грузия и Узбекистан прекратили свое членство в Договоре).

До 2002 г. Договор, по сути, представлял собой региональное соглашение, которое сыграло важную роль в поддержании тесного сотрудничества и взаимопонимания в военно-политической области. 14 мая 2002 г. в Москве Советом коллективной безопасности было принято решение о придании Договору о коллективной безопасности статуса международной региональной организации. 7 октября 2002 г. в Кишиневе на саммите СНГ президентами Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана,

России и Таджикистана был утвержден Устав ОДКБ. В декабре 2003 г. Устав ОДКБ был зарегистрирован в Секретариате ООН. А в 2004 г. Организация получила статус наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН¹.

Это было время активного государственного строительства на постсоветском пространстве, формирования и артикуляции собственной внешней политики. В 2000 г. был подписан Меморандум о повышении эффективности Договора о коллективной безопасности, расширивший компетенции структуры в направлениях противодействия терроризму, более полного использования Договора в интересах предотвращения и урегулирования конфликтов и миротворчества. В 2002 г. произошла институционализация ДКБ, и с принятием Устава была создана Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Таким образом, 2022 г. является юбилейным — годом тридцатилетия Договора о коллективной безопасности и двадцатилетия ОДКБ.

ОДКБ взяла на себя не только функцию ДКБ, но и противодействие «новым вызовам»: операции по борьбе с терроризмом, наркотрафиком, сотрудничество в сфере информационной безопасности, борьба с нелегальной миграцией, чрезвычайными и кризисными ситуациями. Но и военная инфраструктура государств-участников, предназначенная для территориальной обороны и отражения внешних военных угроз «старого типа», по-прежнему важна. В теоретическом плане второе (новые вызовы) направление связано с внутренней политикой и деятельностью государства и может затрагивать вопросы суверенитета в конфликтных внутригосударственных ситуациях, первое (угрозы старого типа) — защита суверенных прав. По мнению А. Никитина, эта линия и становится все более масштабной².

Вместе с тем, несмотря на это, развернулась достаточно эффективная деятельность по борьбе с терроризмом, наркотрафиком, нелегальной миграцией, о чем, например, говорит список проведенных специальных операций: комплексная оперативно-профилактическая операция «Канал»; операция по противодействию незаконной миграции «Нелегал»; операция «Прокси» в целях пресечения преступлений в сфере современных информационных технологий; «Наемник» по пресечению вербовки, перекрытию каналов въезда / выезда граждан государств — членов ОДКБ для участия в террористической деятельности³. В целом это направление развито недостаточно. По сути дела, подход стран к пониманию внутренних кризисов не был определен.

В первую очередь это было связано с деятельностью / бездействием организации в вопросах предотвращения кризисных ситуаций типа цветных революций. Теоретическим осмыслением и конкретными предложениями по совершенствованию действий в вопросах противодействия кризисам можно считать Положение «О порядке реагирования Организации Договора о коллективной безопасности на кризисные ситуации» (2010)⁴.

В документе дается определение *кризисной ситуации*, под которой понимается «нарастающее обострение обстановки в одном или нескольких государствах — членах ОДКБ, которое непосредственно угрожает его (их) безопасности, стабильности, территориальной целостности, суверенитету и способно при отсутствии необходимой помощи государств — членов ОДКБ привести к его (их) неспособности выполнять свои функции и / или дестабилизации региона коллективной безопасности»⁵. И хотя из контекста следует, что это ситуация может быть вызвана аварией или природным явлением, речь в первую очередь идет именно о ситуации урегулирования политического конфликта в государстве или между государствами. Об этом говорило и время принятия документа — кризис в Грузии.

¹ От Договора к Организации. История создания, основы деятельности, организационная структура [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: <https://odkb-csto.org/30-let-odkb/istoriya/> (дата обращения: 01.12.2022).

² Никитин А. ОДКБ: эволюция функций и структур обеспечения безопасности СИПРИ [Электронный ресурс] // Вооружения, разоружение и международная безопасность. Ежегодник СИПРИ. 2016. С. 911. URL: https://www.imemo.ru/files/File/en/publ/2017/SIPRI_YEARBOOK_2016_RUS.pdf (дата обращения: 01.12.2022).

³ Международные организации. Организация Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Армения. URL: <https://www.mfa.am/ru/international-organisations/1> (дата обращения: 01.12.2022).

⁴ Нормативные правовые документы, подписанные в рамках ОДКБ. Положение «О порядке реагирования Организации Договора о коллективной безопасности на кризисные ситуации» [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/normativnye_pravovye_dokumenty_podpisannye_v_ramkakh_odkb/#loaded (дата обращения: 01.12.2022).

⁵ Там же.

Этот механизм ни разу не был задействован. Что бы ни говорилось о конкретных ситуациях, понятно, что в этих вопросах не может быть полной прозрачности, очевидно нежелание государств — членов Организации обсуждать что-либо, так или иначе имеющее отношение или предполагаемое отношение к внутренним делам или связанное с государственным суверенитетом. Но было и другое мнение. В этой связи можно вспомнить позицию А. Лукашенко по использованию коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) для предотвращения государственных переворотов, которая выглядела достаточно убедительной: «...войной, фронтом никто на нас не пойдет, а вот конституционный переворот совершить — руки чешутся у многих»¹. Это было сказано в 2011 г. По итогам тех событий были приняты документы, призванные решать кризисные ситуации: «...принятие соответствующих нормативно-правовых документов позволит государствам-членам более эффективно и оперативно реагировать на развитие кризисных ситуаций... (Документы. — *Примеч. авт.*) были подготовлены после июльских известных трагических событий в Киргизии»².

Близким по своей сути является механизм миротворческой операции. С позиций ООН региональные межправительственные организации (ОДКБ относится к таковым) могут осуществлять только операции по поддержанию мира, т. е. после подписания устойчивого перемирия конфликтующими сторонами. Это было невозможно осуществить в рамках СНГ в 90-х гг. И в этой связи в ОДКБ были уточнены некоторые детали, с этим связанные. Современные методы проведения операций вошли как новые положения в «Соглашение о миротворческой деятельности Организации Договора о коллективной безопасности» (2013 г.)³. Не затрагивая основополагающие определения, такие как «миротворчество» «миротворческие силы», «мандат на проведение миротворческой операции», в соглашении вводятся положения об информировании СБ ООН о решении провести миротворческую операцию на территории государства-члена. Причем исходя из обстановки в регионе Совет коллективной безопасности (СКБ) может запросить полномочия (мандат) у Совета Безопасности ООН, а может просто запустить процедуру периодического информирования. Эти действия, скорее, поддержка ООН и повышение имиджа организации, чем необходимость. А вот если предполагается операцию провести за пределами территории государств — членов СКБ, получение мандата обязательно.

Важным в рассматриваемом ряду документов является «Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года», принятая в 2016 г. Очевидно, что в документе присутствуют положения, касающиеся всех этапов урегулирования конфликтов. Для нас важно понятие «зона ответственности ОДКБ»; по сути, это территории государств — членов Организации. Таким образом, совершенно четко определено пространство, где не требуется и где требуется решение Совета Безопасности ООН для проведения миротворческой операции. С одной стороны, эти положения еще раз подтвердили приверженность международному праву, а с другой — желание более активно участвовать в укреплении международной безопасности. В реализации этого направления, через совместные учения, принял участие Китай.

В последнем армяно-азербайджанском конфликте ОДКБ не участвовала, четко придерживаясь положения о «зоне ответственности». В сентябре 2020 г. ситуация в Нагорном Карабахе резко обострилась. Начались военные действия. Несмотря на подписанные соглашения о прекращении огня, войну удалось остановить только в ноябре. Текст Соглашения глав трех государств Азербайджана, Армении и России включал в том числе пункты, связанные с развитием самого процесса миротворчества:

- отслеживание выполнения договоренностей миротворческим центром по контролю за прекращением огня;
- разблокирование экономических и транспортных связей в регионе, контроль за этим российскими пограничниками⁴.

¹ Контрреволюционные оперативные силы [Электронный ресурс] // Газета.ру. 30.08.2011. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2011/08/30_a_3749261.shtml (дата обращения: 01.12.2022).

² Главы стран ОДКБ обсуждают в Кремле документы по статусу сил и средств системы коллективной безопасности [Электронный ресурс] // Интерфакс. URL: <https://www.interfa.ru/russia/168536> (дата обращения: 01.12.2022).

³ Соглашение о миротворческой деятельности Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902160000> (дата обращения: 01.12.2022).

⁴ О чем договорились по Карабаху Россия, Армения и Азербайджан [Электронный ресурс] // РИА Новости. 10.11.2020. URL: <https://ria.ru/20201110/soglashenie-1583858954.html> (дата обращения: 01.12.2022).

Президент Азербайджана И. Алиев заявил, что эти договоренности ставят точку в урегулировании карабахского конфликта, который длится с 1988 г.¹ В тот же день Минобороны РФ сообщило, что приступило к разворачиванию контингента миротворцев в Карабахе². Несмотря на то, что ОДКБ не принимала участие в этой фазе кризисного урегулирования, ее влияние на деятельность и развитие Организации очевидно.

Во-первых, это связано с проведением самой миротворческой операции; если не считать Молдавию, то такой формат на постсоветском пространстве не использовался с прошлого века. Во-вторых, боевой опыт, который мог пригодиться в дальнейшем. В 2022 г. ОДКБ провела быструю и эффективную миротворческую операцию по оказанию помощи Республике Казахстан по восстановлению законности и порядка. Именно это и позволило в короткий срок разрешить политический кризис. И наконец, это было немаловажным для повышения безопасности в Центральной Азии, где в 2021 г., через двадцать лет после начала военной операции, США бежали из Исламской Республики Афганистан после вторичного прихода к власти «Талибана»³. «Уход» американцев создал новые условия во всем мире. Но, разумеется, основные сложности появились у ближайших соседей и географически близких государств, в первую очередь стран Центральной Азии и Евразии.

Специалисты и эксперты были едины во мнении, что приход талибов не вызвал особого беспокойства ни в Москве, ни в государствах Центральной Азии (ЦА)⁴. За тридцатилетие независимости у стран ЦА появилась уверенность в возможности и необходимости самим решать свои внутренние проблемы. Немаловажный фактор и то, что афганцы живут в условиях непрерывной войны, тогда как в ЦА в это время «культ мирного неба возведен в абсолют, ради которого общества готовы жертвовать своими свободами»⁵. Таким образом, и влияние, и прямая агрессия были маловероятны. Тем не менее в столице Таджикистана Душанбе последовательно прошли заседания ШОС, ОДКБ и совместное заседание глав государств — членов обеих организаций. Афганистан не был представлен на саммите ШОС. Руководители стран согласились с тем, что перед организациями остро стоит задача по выработке и проведению в жизнь согласованной линии с учетом создавшейся в регионе ситуации, вызванной уходом США из Афганистана. Были приняты соответствующие документы, обсуждены вопросы сотрудничества двух организаций по выстраиванию координации действий с учетом специфики и полномочий ШОС и ОДКБ. Но в целом заседания были посвящены текущим вопросам. Они прошли в обычной деловой обстановке. Были выражены надежды, что новые афганские власти выполнят собственные обещания об установлении мира, нормализации общественной жизни и обеспечении безопасности для всех⁶.

Нормализация жизни и обеспечение безопасности если и происходит в Афганистане, то практически незаметно. Страна на грани гуманитарной катастрофы. Что, безусловно, создает нервную обстановку в приграничных государствах. Об этом говорили лидеры этих стран в Ереване на Саммите ОДКБ⁷. Россию беспокоит состояние безопасности в Центральной Азии и в связи с проведением специальной военной операции на Украине. США, безусловно, попытаются оказать давление на страны ЦА, для них это продолжение политики сдерживания Китая и противодействие России. Но и другие внерегиональные акторы пытаются «проникнуть» в регион. Бывает, центральноазиатские страны ставят принципы многовекторности внешней политики выше союзнических. Например, Казахстан и Киргизия, будучи членами ЕАЭС и ОДКБ, проявляют высокую активность в Организации тюркских государств (ОТГ) под эгидой Турции. Так, на саммите ОТГ в Самарканде 12 ноября 2022 г., прошедшем под лозунгом «Новая

¹ Там же.

² Десять самолетов с российскими миротворцами вылетели в Карабах [Электронный ресурс] // Коммерсант. 10.11.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4565622> (дата обращения: 01.12.2022).

³ Запрещенная в России организация.

⁴ Какими будут отношения России и Центральной Азии с Афганистаном талибов [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. 30.08.2021. URL: <https://carnegie.ru/commentary/85223> (дата обращения: 01.12.2022).

⁵ Умаров Т. Унесенные «Талибаном». Падут ли режимы Центральной Азии [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. 01.09.2021. URL: <https://carnegie.ru/commentary/85243> (дата обращения: 01.12.2022).

⁶ Путин призвал стимулировать талибов к выполнению обещаний [Электронный ресурс] // Коммерсант. 17.09.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4988348> (дата обращения: 01.12.2022).

⁷ Саммит ОДКБ [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69922> (дата обращения: 01.12.2022).

эра тюркской цивилизации: на пути к общему развитию и процветанию», разрабатывался механизм для продвижения своих интересов в рамках всего мусульманского мира и Евразии в целом. По завершении работы саммита прошли военные учения, где участвовали военные подразделения Казахстана и Киргизии, которых не беспокоит, что они остаются и членами ОДКБ. Не будем забывать, что на предыдущем саммите, проходившем 12 ноября 2021 г., была принята программа «Видение тюркского мира — 2040» как стратегия сотрудничества тюркских государств во всех ключевых областях, где у них есть общие интересы, некоторые из которых идут вразрез с национальными интересам России. Безусловно, безопасность — важный стимул, но есть разные способы ее повышения.

В мае 2021 г. в Сиане (Китай) состоялась встреча министров иностранных дел центральноазиатских стран и КНР. Результатом встречи явилось учреждение формата «5+1», страны Центральной Азии плюс Китай. Это стало результатом взаимодействия руководителей МИДов шести стран. Встречи руководителей внешнеполитических ведомств позволили согласовать общую цель — продвижение взаимовыгодного сотрудничества в современных условиях. Согласованный формат позволил перейти к формированию механизмов. Они не отличаются от других подобных форматов (с Северным союзом и Европейским союзом). Уровень достаточно высокий — заместители министров МИД, координационный орган. Создан механизм поддержания регулярного диалога на академическом и экспертном уровнях. Определены приоритетные направления сотрудничества. На данном этапе их двенадцать, однако их число может обновляться по мере развития ситуации¹.

Формат через свои механизмы призван увеличить отдачу от участия стран в продвижении инициативы «Один пояс — один путь» (ОПОП) в увеличении транспортного потенциала и развития торговли, решении социальных проблем и т. д. Но нельзя забывать, что огромные инвестиции Китая в проекты ОПОП заставляют его создавать механизмы безопасности. И он занимается этим очень активно на разных уровнях: от создания частных военных компаний (ЧВК) до многонациональных ограниченных военных контингентов противотеррористической направленности². Известно, что в 2017 г. китайские власти официально признали наличие в проекте ОПОП вектора безопасности, замыкающегося на Министерство национальной обороны КНР³. Что, конечно, повышает и общую безопасность в регионе, и одновременно помогает Китаю стать более значимым игроком в Центральной Азии, но это может вызывать некоторое сожаление лишь у России, а в целом ложится в концепцию многовекторности.

Один из вариантов давления США на страны Центральной Азии — возможность применить вторичные экономические санкции. Это справедливо беспокоит страны региона, а неизвестность и возможность применения нервирует их руководство. Формат «5+1» может снять некоторые проблемы региона. Наличие этих проблем в регионе и региональных проблем оценивается по-разному.

Но, к сожалению, на фоне сложной общей международной обстановки, при «беспрецедентном обострении военно-политической обстановки на Евразийском континенте», — так определил ситуацию в регионе президент А. Лукашенко⁴, лидеры центральноазиатских стран ведут себя чрезмерно взвешенно и малоактивно. В отличие от них президент Белоруссии предлагает активизацию Организации во всех присущих ей направлениях.

В определенной мере это коррелирует со взглядами лидера Армении Н. Пашиняна. Правда, он рассматривает происходящее в ОДКБ более узко, сквозь призму армяно-азербайджанского конфликта. Его предложение (если говорить в самом общем виде) — усовершенствовать систему кризисного реагирования. Это стало одним из предложений / направлений армянского председательства в этой

¹ Совместное Заявление по итогам Консультативной встречи глав государств Центральной Азии [Электронный ресурс] // Turkmenportal. 06.08.2021. URL: <https://turkmenportal.com/blog/38734/sovместnoe-zayavlenie-po-itogam-konsultativnoi-vstrechi-glav-gosudarstv-centralnoi-azii> (дата обращения: 01.12.2022).

² Используемый механизм безопасности, так называемая «модель Меронга». См.: Securing the Belt and Road: Initiative China's Evolving Military Engagement Along the Silk Roads [Электронный ресурс] // The National Bureau of Asian Research. URL: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/sr80_securing_the_belt_and_road_sep2019.pdf (дата обращения: 01.12.2022).

³ Russel D. R., Berger B. H. Weaponizing the Belt and Road Initiative [Электронный ресурс] // A Report of the Asia Society Policy Institute. URL: https://asiasociety.org/sites/default/files/2020-09/Weaponizing%20the%20Belt%20and%20Road%20Initiative_0.pdf (дата обращения: 01.12.2022).

⁴ Для чего Белоруссия активизирует свою деятельность в ОДКБ? [Электронный ресурс] // EADaily. 26.11.2022. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/11/26/dlya-chego-belorussiya-aktiviziruet-svoyu-deyatelnost-v-odkb> (дата обращения: 01.12.2022).

Организации в 2022 г. Уже в первой половине года Генеральный секретарь ОДКБ С. В. Зась говорил о том, что «с учетом обсуждения вопросов оперативного реагирования на вызовы и угрозы наших государств секретариат ОДКБ готовит пакет нормативно-правовых актов по усовершенствованию системы кризисного реагирования. Пакет документов будет представлен на осенней сессии заседания Комитета и сессии Совета коллективной безопасности». Так все и произошло¹.

В предложениях Белоруссии тоже есть вопрос о совершенствовании этой системы. Урегулирование кризисных ситуаций и недопущение дальнейшей дестабилизации в зоне ответственности ОДКБ должно оставаться в центре нашего внимания². Поскольку председательство в Организации переходит к Белоруссии, в скором времени можно ожидать решение этой проблемы. Другим направлением может стать более плотное взаимодействие с СНГ, ШОС и Китаем. Кстати, Китай тоже согласен усилить такое взаимодействие³.

Упоминание о нормативно-правовой составляющей в деятельности ОДКБ — повод сказать несколько слов о межпарламентских институтах, на постсоветском пространстве это институт гармонизации национальных законодательств.

В русле общей деятельности в сфере безопасности работали миротворческие механизмы, созданные в рамках Межпарламентской Ассамблеи СНГ (МПА СНГ). Были созданы несколько межпарламентских миротворческих групп: по проблеме мирного урегулирования вокруг Нагорного Карабаха, по урегулированию грузино-абхазского конфликта, по разрешению конфликта в Приднестровье. Наибольший вклад внесла Группа по урегулированию вокруг Нагорного Карабаха — подписание Бишкекского протокола⁴. Преемницей этой повестки дня стала Парламентская ассамблея ОДКБ. Сегодня «органом межпарламентского сотрудничества является Парламентская ассамблея Организации» (ст. 11 Устава ОДКБ⁵).

Диалог, взаимодействие парламентариев стран ОДКБ сегодня очень важны. Одно из главных направлений деятельности Ассамблеи — совершенствование национальных законодательств в сфере обеспечения безопасности, их гармонизация. Выше было рассказано о том, что Армения настаивает на пакете нормативно-правовых актов по усовершенствованию системы кризисного реагирования. Но это лишь одно из предложений. Активизация деятельности ПА ОДКБ в последнее время привлекла к решению проблем гармонизации и совершенствованию законодательства научное сообщество наших стран. Так, по инициативе Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по безопасности и противодействию коррупции и Секретариата Парламентской ассамблеи ОДКБ была проведена конференция «Модельное законодательство государств — членов ОДКБ и государств — участников СНГ как инструмент обеспечения безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам»⁶.

В штаб-квартире ПА ОДКБ в Санкт-Петербурге регулярно проходят заседания Экспертно-консультативного совета при Совете Парламентской ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности. Экспертами совета разрабатывается большое количество проектов, именно проектов

¹ Протокольное решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности «О совершенствовании системы кризисного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5868> (дата обращения: 01.12.2022).

² Участие в саммите ОДКБ в Ереване [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-23-noyabrya-primet-uchastie-v-sammite-odkb-v-erevane> (дата обращения: 01.12.2022).

³ МИД КНР: усиление сотрудничества ШОС и ОДКБ будет содействовать стабильности в регионе [Электронный ресурс] // ТАСС. 10.02.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13674951> (дата обращения: 01.12.2022).

⁴ *Торопыгин А. В.* Бишкекский протокол. Как это было: воспоминания и комментарии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 1 (27). С. 71.

⁵ Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года (с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений в Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года, подписанным 10 декабря 2010 года, Вторым протоколом о внесении изменений в Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года, подписанным 8 ноября 2018 года, Третьим протоколом о внесении изменений в Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года, подписанным 8 ноября 2018 года) [Электронный ресурс] // ПА ОДКБ. URL: <https://paodkb.org/documents/ustav-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 01.12.2022).

⁶ Конференция на тему «Модельное законодательство государств — членов ОДКБ и государств — участников СНГ как инструмент обеспечения безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам» [Электронный ресурс] // Университет прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://www.agprf.org/news/2018/konferentsiya-na-temu-modelnoe-zakonodatelstvo-gos/> (дата обращения: 01.12.2022).

модельных законов и рекомендаций. И только пройдя этот этап (не все предложения его проходят), проект попадает в Постоянную комиссию ПА, которая решает, стоит ли его разрабатывать.

Совет работал над проектами модельных законов и рекомендациями, касающимися миротворческой деятельности и миротворческих сил, гармонизации законодательств о статусе военнослужащих и приравненных к ним категорий государственных служащих, о государственной службе, сходной по статусу с военной службой, и другими моделями этой тематики¹.

Заключение

Как и любая военная структура, ОДКБ достаточно закрытая организация. И опираясь только на открытые источники, можно составить только самое общее мнение о ее деятельности. Нами был рассмотрен лишь один кейс, связанный с кризисным регулированием, а именно какими механизмами можно оказать помощь стране — члену ОДКБ, которая попала в кризисную ситуацию. На протяжении времени эти механизмы менялись / совершенствовались. ОДКБ была сформирована для обеспечения безопасности в двух направлениях: военная безопасность (защита суверенитета и территориальной целостности) и противодействие т. н. новым угрозам (терроризм, наркотрафик, незаконная миграция и т. п.). Механизмы противодействия второго направления стали включать миротворчество и кризисное реагирование. В рамках СНГ это было единое направление, опирающееся на теоретические положения «Концепции предотвращения и урегулирования конфликтов на территории государств — участников СНГ». Указанные направления в рамках ОДКБ, несмотря на ряд позитивных моментов, не удовлетворяют участников Организации и будут совершенствоваться в самое ближайшее время. По сути дела, речь идет о стабильности одного из полюсов формируемого нового многополярного мирового порядка.

Об авторе:

Торопыгин Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, профессор;
e-mail: toropygin-av@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0678-3347>

About the author:

Andrey V. Toropygin, Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Professor;
e-mail: toropyginav@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0678-3347>

¹ Материалы заседания Экспертно-консультативного совета при Совете Парламентской ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности. Санкт-Петербург, Парламентский центр, 2021, 2022.

07.10.2022

ЕАЭС успешно противостоит беспрецедентным вызовам коллективного Запада

Об этом заявили участники Евразийского делового форума «Интеграция», который состоялся 7 октября в «Президент-отеле» в Москве. Пленарное заседание форума прошло в формате открытого бизнес-диалога с акцентом на поиск прорывных проектов и бизнес-идей в сложившихся экономических условиях.

Как подчеркнул министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, модератор дискуссии Сергей Глазьев, Евразийский экономический союз успешно прошел через пандемические испытания и сегодня успешно развивается, несмотря на санкции в отношении Беларуси и России. Он добавил, что утвержденная в 2020 г. главами государств ЕАЭС Стратегия-2025 реализуется строго по плану. *«Наше интеграционное объединение зарекомендовало себя как эффективное, сочетающее конкурентные преимущества стран-участниц. Не теряя темпов, мы успешно развиваем взаимную торговлю. Растет и торговля со странами вне ЕАЭС — в прошлом году экспорт вырос почти в полтора раза, в этом году также ожидаем рост. Несмотря на санкции, внешняя торговля в этом году просела не так сильно, мы быстро наращиваем торговлю с южными и восточными соседями, особенно с Китаем и Индией»*, — сказал Сергей Глазьев.

По словам Председателя Коллегии ЕЭК Михаила Мясникова, экономика стран ЕАЭС работает в беспрецедентно сложных условиях в связи с санкциями и другими недружественными действиями в отношении государств и предприятий Союза. В этой ситуации надо находить новые варианты развития экономик. И прежде всего обратить внимание на инвестиционную деятельность. *«Кредитные ресурсы дорогие, и их мало. Основные фонды стареют, новых мало. Если не изменить ситуацию, завтра будет еще хуже»*, — заявил глава Коллегии ЕЭК. — *Комиссия подготовила конкретные предложения по мерам поддержки и финансирования кооперационных проектов в ЕАЭС. Полагаем, что нужно серьезное субсидирование процентных ставок по кредитам. Мы предлагаем интеграционными проектами считать 3+, то есть представители трех государств как минимум должны участвовать в этих проектах. Можно направить на эти цели порядка 10% от взимаемых специальных, антидемпинговых и компенсационных пошлин. В прошлом году эта сумма составила порядка 200 млн долл. США. Надо определить приоритетные отрасли и виды деятельности и в первую очередь обратить внимание на микроэлектронику, фармацевтическую промышленность, авиастроение»*. Вторым фактором ускорения экономического роста, по мнению Михаила Мясникова, является стимулирование научно-технологического развития. *«Чтобы эффективно торговать, надо иметь конкурентоспособные товары, в основе которых новые технологии, а их создание требует фундаментальных знаний»*, — заявил он. Третьим ключевым направлением Михаил Мясников назвал формирование Большого Евразийского партнерства и объединение усилий с Шанхайской организацией сотрудничества по развитию транспортно-логистической сферы.

Президент Российского союза промышленников и предпринимателей Александр Шохин, в свою очередь, заявил об интенсификации взаимодействия бизнес-сообщества с ЕЭК, особенно в работе над созданием евразийских компаний. *«Проработка правового статуса евразийских корпораций в формате 3+ позволит сформировать новый класс юрлиц, которые смогут реализовывать сложные, но перспективные высокотехнологичные проекты, например в области микроэлектроники»*, — подчеркнул Александр Шохин.

Заместитель руководителя Федеральной таможенной службы Российской Федерации Владимир Ивин, в свою очередь, выделил три ключевых таможенных направления: активизация работы по внесению поправок в Таможенный кодекс ЕАЭС, развитие транзитного потенциала ЕАЭС и выработка единых мер регулирования экспорта.

Министр по энергетике и инфраструктуре ЕЭК Арзыбек Кожошев заявил, что фундаментальной основой процветания и благополучия стран Союза должны стать энергомощности и транспортные коридоры. *«Важно сфокусироваться на комбинированных транзитных транспортных коридорах «Восток — Запад», в направлении Ближнего Востока, Индии, расширить взаимодействие в регионе Каспийского моря, проработать вопрос использования инфраструктурного потенциала в пределах транспортного коридора «Север — Юг» и Транскаспийского маршрута», — считает министр ЕЭК.*

Министр по техническому регулированию ЕЭК Виктор Назаренко заявил о необходимости создания в ЕАЭС евразийской системы обеспечения качества продукции. По его словам, Комиссия принимает серьезные меры, чтобы защитить рынок от опасной продукции. При этом необходимо консолидировать усилия всех стран Союза. *«Наша продукция должна быть не только безопасной, но и качественной, конкурентоспособной, чтобы она могла поставляться на рынки третьих стран», — сказал Виктор Назаренко.*

Представители бизнеса высказали свои предложения по работе в сложившихся экономических условиях. Генеральный директор АО «Объединенной транспортно-логистической компании — Евразийский железнодорожный альянс» Алексей Гром рассказал о развитии этого уникального интеграционного проекта Беларуси, Казахстана и России. В настоящее время компания имеет более 550 маршрутов, транзитное время между границами ЕАЭС с ЕС и КНР составляет шесть суток, при этом показатель сохранности грузов достигает 99,99%. Он добавил, что работа Комиссии, в частности по внедрению навигационных пломб, значительно способствует развитию евразийской транспортной инфраструктуры. Генеральный директор АО «Объединенная судостроительная корпорация» Алексей Рахманов обратил внимание на проблемы, возникшие с введением санкций, и возможности, которые в связи с этим открываются. *«Внутренние водные пути открывают для нас огромные возможности. Мы начали проектирование контейнеровозов, которые позволят нам с юга Каспия до Санкт-Петербурга доставлять грузы за восемь дней», — отметил Алексей Рахманов.*

На пленарном заседании выступили с видеообращениями Председатель Совета ЕЭК, первый заместитель Председателя Кабинета Министров Кыргызской Республики Адылбек Касымалиев, член Совета ЕЭК, заместитель Премьер-министра Республики Беларусь Игорь Петришенко, а также директор ООО «ЛВО» (Республика Беларусь) Олег Кондратенко, руководитель Росстандарта Антон Шалаев и другие.

Организаторами форума выступили Научный совет Российской академии наук по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, АНО по содействию экономической активности предпринимателей «Корпорация Альфа».

Источник: <https://eec.eaeunion.org/news/eaes-uspeshno-protivostoit-bespretsedentnym-vyzovam-kollektivnogo-zapada/> 07.10.2022

22.10.2022

РЕЗОЛЮЦИЯ

VII Научно-практической конференции аналитиков России

Участники VII Научно-практической конференции аналитиков в ходе пленарных заседаний, секций, круглых столов и презентаций:

- *обсудив* сложившуюся глобальную ситуацию, ключевые проблемы, риски и возможности в сфере политического, социально-экономического, инновационно-технологического, международно-правового, научно-образовательного и гуманитарного сотрудничества стран Большой Евразии;
- *оценивая* текущую напряженную глобальную ситуацию как кризисное проявление фундаментальной трансформации миропорядка, неизбежно вызывающей противоборство прежних и возрастающих центров силы и всеобъемлющее давление на Россию со стороны коллективного Запада;
- *учитывая*, что радикально расширились сферы противоборств, в которых совершаются упреждающие враждебные действия, что впервые официально признаны сферами войн противоборства в сфере дипломатии, внутривнутриполитические гражданские конфликты, информационные войны, финансово-экономические войны, жесткое технологическое противоборство, поведенческие войны, что новым фактором войны является предельно циничное стратегическое целеполагание США и НАТО, основанное на замысле достижения победы в войне путем «цивилизационного стирания противника»;
- *констатируя*, что информационное противоборство в настоящее время стало инструментом государственной политики западных стран, направленной на разрушение традиционных ценностей России, на блокирование достоверной информации, на разрушение внутривнутриполитической стабильности и российской государственности;
- *полагая* неизбежной мобилизацию всего научно-аналитического потенциала России, ее союзников и всех здравомыслящих сил на победное противостояние реализации античеловеческих и гегемонистских проектов будущего, на всемерное совершенствование государственного управления, прогнозирования и аналитики, стратегического планирования как ключевых факторов обеспечения национальной безопасности;
- *признавая* потребность объединения усилий в выборе приоритетов работы, в интеграции компетенций и информационных ресурсов, в разработке методологий, методик, систем поддержки решений, в подготовке профессиональных кадров и других сферах взаимодействия;
- *обращаясь* к организациям — участницам Евразийского информационно-аналитического консорциума и другим аналитическим, научно-исследовательским, методологическим, информационным центрам государств — членам ЕАЭС, СНГ и стран-партнеров;
- *осознавая* свою общую и личную ответственность за осуществление на практике данных намерений и проектов;
- *отмечая* весомое представительство научно-аналитических организаций государств — членов ЕАЭС и СНГ в работе конференции, конструктивный обмен мнениями и построение актуального массива информации и знаний на конференции, а также
- *формулируя* перечень препятствий, стоящих на пути разрешения проблем в сфере развития сотрудничества стран Большой Евразии,

- *выражают свою готовность к совместному с заинтересованными сторонами инициированию и реализации ряда проектов и формированию нового поколения методологии, методов и кадров аналитической деятельности (Аналитика 3.0).*

Среди них проекты по:

- прогнозированию и всестороннему осмыслению глобального, регионального и национального развития и формированию эффективной системы долгосрочного прогнозирования, стратегического планирования и научно-практической экспертизы на уровне ЕАЭС и перспективных союзных коалиций в рамках и за пределами СНГ, ОДКБ и ШОС;
- развертыванию и всемерной поддержке успешного перехода России и ее союзников к новому технологическому и мирохозяйственному укладу;
- сохранению и защите в новых условиях принципов неприменения силы, мирного разрешения споров, территориальной целостности государств, нерушимости границ, суверенного равенства, невмешательства во внутренние дела, равноправия и самоопределения народов, сотрудничества государств, уважения прав человека, добросовестного выполнения международных обязательств, являющихся предпосылкой и необходимой основой для международного сотрудничества;
- научно-практическому обоснованию реформирования всего пакета государственных программ РФ, имея в виду соотнесение таких программ с реализацией стратегических национальных приоритетов на основе принципа «одна цель (приоритет) — один документ стратегического целеполагания — один программно-плановый документ — один (головной) ответственный исполнитель»;
- формированию новой системы критериев и показателей национальной безопасности России, имея в виду соотнесение их с действующими стратегическими национальными приоритетами с учетом формирования пакета единых исходных данных, используемых участниками стратегического планирования, а также унификации методологии расчетов показателей, их целевых и предельно допустимых (критических) значений;
- выявлению резервов и инструментов укрепления кадрового, финансового, организационного потенциала для развития России и союзников;
- подготовке и внедрению профессиональных и образовательных стандартов аналитической работы;
- продвижению экспертно-аналитических знаний по проблемам социально-экономического развития и сотрудничества стран ЕАЭС, СНГ, ШОС в СМИ и Интернете;
- созданию новой методологической и единой цифровой платформы с применением искусственного интеллекта для поддержки сотрудничества и динамичного формирования междисциплинарных коллабораций из представителей стран Большой Евразии.

Участники Форума, члены Ассоциации «Аналитика», в частности, *обязуются:*

- провести исследование и подготовить специальный том «Аналитика национальной безопасности» в рамках многотомного проекта «Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты»;
- на основе современных методов математического моделирования и прогнозирования глобальных процессов разработать сценарный прогноз мирового развития в XXI веке;
- разработать предложения по российскому проекту мироустройства и мерам по его реализации с последующим обсуждением на различных научных, общественных площадках и в органах государственного управления;
- разработать программный документ «Стратегия партнерства цивилизаций в XXI веке» для обсуждения на международных площадках;
- разработать обновленную концепцию гуманитарного образования в РФ и базового учебника истории цивилизаций и России как государства-цивилизации;
- разработать концепцию построения методологической и единой цифровой платформы синтеза управленческих решений и генерации научных открытий на основе применения методов искусст-

венного интеллекта, интеллектуальных технологий, моделей и динамичного формирования международных междисциплинарных коллабораций;

- обеспечить проведение постоянной экспертизы государственных и общественных проектов на основе создания новой методологической и единой цифровой платформы синтеза управленческих решений и генерации научных открытий;
- способствовать созданию международных региональных центров управления развитием на основе единой цифровой платформы синтеза управленческих решений и построения международной системы распределенных ситуационных центров, работающих по единому регламенту взаимодействия;
- создать систему распределенных общественных аналитических центров страны с целью совершенствования механизмов общественного участия в обеспечении жизнедеятельности, безопасности и развития страны, консолидации государства, общества и бизнеса на основе идеологии солидарного общества, механизмов проектной идентификации и постнеклассической методологии саморазвивающихся полисубъектных сред;
- в целях укрепления научно-методической базы образования и самообразования аналитиков во взаимодействии с академическими институтами и высшими учебными заведениями подготовить учебное пособие по аналитике для учащихся вузов, преподавателей, специалистов и экспертов, практикующих аналитиков;
- привлечь к мониторингу и контролю эффективности бюджетных расходов на реализацию национальных проектов (программ), федеральных проектов, ведомственных проектов и региональных национальных проектов информационно-аналитические ресурсы общественных и экспертных советов при профильных министерствах и ведомствах, органах регионального и местного управления, реализующих соответствующие национальные проекты, финансово-экономических структур Общественных палат регионов;
- выработать единый подход к формированию исполнительных и программно-плановых документов стратегического планирования, пересмотреть системы государственных программ с учетом фактора пространственного развития и исходя из стратегических национальных целей развития;
- разработать проект национальной стратегии антисетевых действий и сетевой / антисетевой войны;
- разработать прогноз развития стратегий и инструментария ведения информационного (в том числе информационно-психологического и когнитивного) противоборства, применения технологий глубоких фейков и цифровых двойников в военных и гражданских целях на ближайшие десять лет, провести сравнительный анализ зарубежной и отечественной практики по использованию технологий информационного противоборства в социальной и военной сферах, государственном и муниципальном управлении, экономике и бизнесе;
- разработать и внедрить в практику порядок взаимодействия государственных уполномоченных структур с частными аналитическими организациями, частными военными компаниями, независимыми аналитиками в создании единого аналитического экспертного пространства информационного противоборства в условиях создания глобального цифрового мирового информационного пространства;
- на базе образовательных организаций, осуществляющих подготовку специалистов по государственному управлению и национальной безопасности, провести всероссийскую деловую игру по информационному противоборству с последующей подготовкой специалистов.

Для успешной реализации предложений конференции требуется плодотворное взаимодействие не только внутри аналитического сообщества, но и с государственными и интеграционными структурами. Для этого Ассоциация намерена обратиться к ряду органов государственной власти с предложениями о развитии научно-экспертного и международного сотрудничества.

Участники конференции единогласно поддерживают предложение о выдвижении председателя Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума, Почетного

работника Министерства иностранных дел Российской Федерации, Чрезвычайного и Полномочного Посла в отставке Бордюжи Николая Николаевича в состав Общественной палаты Российской Федерации VIII созыва.

По всем заявленным позициям будут установлены сроки (графики) исполнения решений и ответственные за их реализацию. Контроль за исполнением настоящей резолюции возлагается на Исполнительный комитет Ассоциации «Аналитика».

*Принята на итоговом пленарном
заседании Научно-практической конференции аналитиков России
22 октября 2022 г.*

Справка:

17 апреля 2018 г. в Общественной палате РФ с участием Евразийской экономической комиссии прошло учредительное собрание Евразийского информационно-аналитического консорциума (ЕИАК). Организаторами выступили: Ассоциация содействия развитию аналитического потенциала личности, общества и государства «Аналитика», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации и Институт научной информации по общественным наукам РАН. Цель создания Консорциума — содействие повышению эффективности интеграционных процессов стран ЕАЭС на основе их качественного информационно-аналитического обеспечения. Для участия в работе Консорциума подписали меморандум о сотрудничестве 56 ведущих научных организаций, учебных заведений, государственных (негосударственных) аналитических центров, в том числе 21 организация из стран ближнего зарубежья. Кроме этого, свою заинтересованность в совместной информационно-аналитической работе в рамках Консорциума выразили 612 ведущих специалистов, в том числе 177 зарубежных. Председателем Координационного совета ЕИАК избран Председатель Исполкома Ассоциации «Аналитика» Николай Николаевич Бордюжа.

С информацией о Консорциуме можно ознакомиться на сайте «Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество» по адресу: <http://ukros.ru>

02.12.2022

Евразийская экономическая перспектива в новой экономической реальности

1–2 декабря 2022 г. в Таврическом дворце Санкт-Петербурга прошел X Международный форум «Евразийская экономическая перспектива», организатором которого традиционно выступает Санкт-Петербургский государственный экономический университет. Соорганизаторами выступили Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга и Евразийская ассоциация университетов. В работе форума приняли участие представители органов законодательной и исполнительной власти стран — участниц ЕАЭС, члены Коллегии Евразийской экономической комиссии, исполнительного комитета СНГ, ректоры, ученые и эксперты из ведущих вузов Евразийской ассоциации университетов, экономисты, представители бизнеса, общественные деятели.

Ключевая тема форума в этом году — «Развитие евразийской интеграции в новой экономической реальности». На пленарном заседании и в рамках сессий участники обсудили перспективы новых проектов и партнерств в макрорегионе Большой Евразии в условиях внешних вызовов, развитие региональных цепочек производств, энергетическую безопасность Евразии и ее финансовой инфраструктуры, а также вызовы для таможенно-логистической системы ЕАЭС.

Генеральный секретарь Совета МПА СНГ Дмитрий Кобицкий в своем приветствии заявил, что «приоритетом парламентского измерения задачи евразийской интеграции является сближение и гармонизация законодательства в области экономики, гуманитарной сфере и в вопросах безопасности с целью преодоления препятствий, возникающих из-за различий национальных систем правового регулирования».

Ректор СПбГЭУ, Председатель Экспертного совета по экономике при МПА СНГ Игорь Максимцев открыл пленарную сессию форума, указав на то, что «с точки зрения развития Большой Евразии как экономической системы важнейшее значение приобретает поток товаров, капиталов, взаимодействие межфирменных сетей и уровень развития необходимой инфраструктуры (физической и нефизической). Степень связанности пространства Большой Евразии станет ключом к приобретению и удержанию конкурентных преимуществ мегарегиона в международной среде».

Далее на пленарном заседании с докладами выступили Председатель Коллегии ЕЭК Михаил Мясникович, главный экономист ВЭБ РФ Андрей Клепач, председатель Делового совета Россия–АСЕАН Иван Поляков, Заместитель Генерального секретаря Ассамблеи народов Евразии Станислав Королев, ведущий научный сотрудник СЗИУ РАНХиГС, заместитель главного редактора журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» Игорь Кефели, Заместитель Председателя Правления Евразийского банка развития Тигран Саркисян.

В рамках форума были проведены шесть сессий. Первая из них была посвящена вопросам развития региональных цепочек производства в Евразии, обсудили проблемы и возможности, возникающие у евразийского бизнеса, и в первую очередь у несырьевых неэнергетических компаний, а также рекомендуемые к развитию актуальные модели экономического взаимодействия. Участники отметили, что по сравнению с прошлым годом в евразийском регионе произошли кардинальные изменения направлений торговых и инвестиционных потоков. Российские компании модифицируют собственные внешнеэкономические стратегии, предприятия других стран ЕАЭС, СНГ и Евразийского региона, в целом локализуют собственные цепочки производства в условиях роста региональной конкуренции, новых рисков международной логистической системы и угроз вторичных санкций. Вторая сессия форума была посвящена вопросам энергетической безопасности Евразии. В настоящее время происходит формирование новых транспортных коридоров, главным образом ориентирующихся на международные рынки Азии, Африки и Латинской Америки, что не может не отразиться на развитии внешнеэкономических приоритетов политики России. Внедрение технологий доставки и использования сжиженного

природного газа (СПГ) обуславливает изменения не только в энергетике, но и в ряде отраслевых комплексов, обеспечивающих экономическую, энергетическую, продовольственную и экологическую безопасность отдельных регионов России и стран Каспийского макрорегиона. Происходящие изменения требуют корректировки существующей стратегии социально-экономического развития прикаспийских стран и их позиционирования как на внутренних рынках Каспийского макрорегиона, так и во внешнеэкономических взаимоотношениях. Участники обсудили конкретные транспортно-логистические маршруты, порты, формирующиеся международные связи и основу международного сотрудничества в сфере энергетики. Третья сессия была посвящена вопросам развития финансовой инфраструктуры ЕАЭС, ключевым институтам и инструментам, обеспечивающим развитие. В настоящее время формирование общего финансового рынка ЕАЭС и создание общего биржевого пространства в рамках ЕАЭС являются приоритетными направлениями интеграционного взаимодействия на евразийском пространстве. Растущие потребности в развитии крупных проектов транспортно-логистической инфраструктуры, жизнеспособных механизмов взаиморасчетов в национальных валютах и электронных платежных систем требуют от банков и корпораций развития государств ЕАЭС дальнейшего совершенствования механизмов проектного финансирования, развития регуляторных «песочниц», синдицированного кредитования и других инвестиционных решений с учетом распределения рисков. Участники сессии обсудили современные инвестиционные возможности банков и корпораций развития стран ЕАЭС и Евразии, решения, предложенные финансовым сектором для ускорения цифровизации на евразийском пространстве, пути и способы развития финансовых инструментов, номинированных в национальных валютах государств ЕАЭС. Основной темой четвертой сессии форума стали проблемы технического регулирования, стандартизации и оценки соответствия в формировании евразийского экономического пространства. Участники обсудили проблемы формирования единой системы технического регулирования на уровне ЕАЭС, основные вызовы и пути их преодоления, цифровизации национальной системы технического регулирования, возможности гармонизации законодательства государств — членов ЕАЭС в части установления ответственности за нарушение обязательных требований к продукции, правил и процедур проведения обязательной оценки соответствия. Внимание было уделено и важным вопросам обеспечения национальной системы технического регулирования и стандартизации, включая кадровое, научное и информационное, был поставлен вопрос совершенствования статистического учета данных в области нарушений обязательных требований к продукции. Были рассмотрены конкретные меры и пути их реализации в сфере поддержки российских субъектов предпринимательской деятельности в условиях новых санкционных ограничений за счет применения инструментов технического регулирования и стандартизации. Обсудили и требования системы к уровню и качеству государственного контроля (надзора) за соблюдением обязательных требований к продукции, в том числе возможность снижения уровня административных и технических барьеров в торговле. Пятая сессия была посвящена глубинной цифровизации евразийской интеграции. К пяти основным направлениям цифровизации, обеспечивающим интеграцию проектов, относятся цифровая прослеживаемость движения продукции, товаров, услуг и цифровых активов; цифровые транспортные коридоры Союза; соглашение об обороте данных в ЕАЭС; цифровая промышленная кооперация Союза; развитие системы регулятивных «песочниц» Союза. В 2022 г. ЕЭК совместно с государствами-участниками приступила к разработке международного соглашения об обороте данных в Союзе, включая вопросы защиты персональных данных. Участники обсудили пока еще нерешенные вопросы для реализации актуальных задач цифровой повестки, влияние ориентиров по развитию импортозамещения в России и новых технологических ограничений со стороны США по отношению к России и Китаю на реализацию поставленных задач. В рамках шестой сессии форума были обсуждены современные вызовы для таможенно-логистической системы ЕАЭС. Международные транспортные коридоры, в особенности «Север — Юг», нуждаются в совершенствовании логистики и ее инфраструктуры, завершении строительства железнодорожных путей для эффективной доставки грузов с севера Европы до государств Персидского залива и Индийского океана через Россию, Кавказ, Центральную Азию и обратно. Явный недостаток транспортно-логистических мощностей обнаруживается на Азово-Черноморском направлении. «Бутылочные горлышки» погран-

переходов между Россией и Китаем приводят к дополнительным рискам и затратам грузополучателей и транспортно-логистических компаний. Разрыв партнерских взаимоотношений с рядом глобальных логистических провайдеров требует реструктуризации евразийского рынка транспортно-логистических услуг. Ввиду обозначенных вызовов участники обсудили перспективы и пути дальнейшего развития экосистемы мультимодальной логистики грузоперевозок и цифровых транспортных коридоров в рамках ЕАЭС и на евразийском континенте в целом, требуемые инвестиционные проекты, институциональные условия, принимаемые и реализуемые в настоящее время решения в области таможенно-тарифного регулирования и оплаты таможенных платежей, меры, необходимые для сохранения устойчивости евразийского рынка транспортно-логистических услуг.

Помимо пленарного заседания и сессий в рамках форума «Евразийская экономическая перспектива» 30 ноября прошел Молодежный день. Евразийскую экономическую комиссию на Молодежном дне представлял начальник отдела международного взаимодействия Департамента развития интеграции ЕЭК Дмитрий Ежов, который в своем выступлении рассказал о международной повестке ЕАЭС и реализации Стратегии-2025, а также о взаимодействии ЕАЭС с университетами государств Союза и поддержке мероприятий со стороны ЕЭК по молодежной тематике.

Максимцев И. А.,

ректор СПб ГЭУ, д-р экон. наук, профессор

Горбашко Е. А.,

проректор по научной работе СПб ГЭУ, д-р экон. наук, профессор

16.12.2022

Евразийский научный форум 2022 года

15–16 декабря 2022 г. в Санкт-Петербурге прошел XIV Евразийский научный форум, приуроченный к 10-летию деятельности Евразийской экономической комиссии. Пленарное заседание приветственным словом открыл вице-губернатор Санкт-Петербурга В. Н. Княгинин, подчеркнувший важнейшую роль науки и общественное значение Евразийского научного форума. С приветствиями перед участниками выступили представители научной общественности Армении, Белоруссии, Казахстана. Был зачитано приветствие от Председателя Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума (ЕИАК) Н. Н. Бордюжи.

В ходе заседания прозвучали доклады, вызвавшие живой интерес присутствовавших. Сосновым докладом выступил научный руководитель Университета при МПА ЕврАзЭС, академик РАН С. Ю. Глазьев. Активную реакцию присутствовавших вызвали выступления советника генерального директора ООО «Газпром энергохолдинг», члена-корреспондента РАН В. П. Чичканова и ректора Восточно-Европейского института психоанализа, доктора медицинских наук, профессора М. М. Решетникова. В. П. Чичканов охарактеризовал текущие проблемы российской действительности, обратив внимание прежде всего на молодежь и ее духовно-нравственное воспитание. М. М. Решетников поделился своей оценкой воздействия информационно-коммуникативных технологий на массовое сознание. Интереснейший доклад о перспективах развития международных отношений в странах Большой Евразии подготовил для форума первый вице-президент Академии геополитических проблем, доктор философских наук, профессор И. Ф. Кефели. Завершилось пленарное заседание докладом ректора Университета при МПА ЕврАзЭС И. Ж. Исакова о развитии научно-образовательного сотрудничества с вузами и научно-исследовательскими учреждениями Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и др. в рамках созданного в 2022 г. Евразийского сетевого университета. В ходе форума прошли научные сессии «Осуществление приоритетных интеграционных проектов в Большой Евразии в условиях нового мирохозяйственного уклада: формы и инструменты» и «Культурно-идеологические основы евразийства: ретроспективный взгляд и современные реалии», симпозиум «Консорциум “Евразийский сетевой университет” как форма реализации стратегических приоритетов государств ЕАЭС в сфере науки и образования». В формате круглого стола состоялось заседание Северо-Западного отделения Академии геополитических проблем на тему «Судьбы геополитической интеграции Большой Евразии: история, современность, перспективы». Заседание круглого стола вел Н. П. Кирсанова, декан факультета бизнес-коммуникаций Университета при МПА ЕврАзЭС. Молодежное мероприятие форума привлекло наибольшее число участников и докладчиков, в число которых были включены победители конкурса научных работ студентов, магистрантов, аспирантов на тему «Евразийская интеграция — XXI век».

В форуме приняли участие более шестисот представителей почти пятидесяти регионов Российской Федерации и десяти зарубежных стран, что позволило в очередной раз показать результативность развития научно-образовательных контактов стран — участниц ЕАЭС и привлекательность евразийского интеграционного проекта. По итогам форума будут изданы сборники научных работ международной серии «Труды Евразийского научного форума». Евразийский научный форум, ежегодно проводимый в Санкт-Петербурге, способствуя формированию научного сопровождения евразийской экономической интеграции, регулярно доказывает целесообразность и плодотворность сотворчества науки, образования и культуры как основы дальнейшей эволюции интеграционных процессов на евразийском пространстве.

М. Ю. Спирина,

проректор по научной работе
Университета при МПА ЕврАзЭС

Рецензия на монографию

А. А. Бартоша «Вопросы теории гибридной войны»

Шевцов Л. П.

Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Review of the Monograph by A. A. Bartosh "Questions of the Theory of Hybrid Warfare"

Leonty P. Shevtsov

Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Бартош А. А. Вопросы теории гибридной войны. М. : Горячая линия-Телеком, 2022. 324 с.

Внимательно прочитал новую монографию постоянного автора НВО («Независимое военное обозрение» — еженедельное приложение к «Независимой газете». — *Примеч. ред.*) Александра Александровича Бартоша «Вопросы теории гибридной войны».

Сегодня в условиях проведения специальной военной операции на Украине представляется весьма актуальной основная научная идея работы: знание и использование в политике и военном деле законов и принципов гибридной войны будет способствовать разработке и практическому применению наступательной и оборонительной стратегии этого вида военного конфликта в интересах обеспечения национальной безопасности России.

Автором книги проведен всеобъемлющий анализ гибридной войны, которая с началом XXI в. превратилась в новый вид межгосударственного противоборства, основанный на комплексном применении силовых и несиловых форм и способов воздействия на противника. Несмотря на расширение практики применения стратегий гибридных войн, теория этого вида вооруженного конфликта пока разработана недостаточно полно.

Впервые предпринята попытка сформулировать законы и принципы гибридной войны, проанализированы ключевые факторы конфликта и разработаны модели взаимодействия, исследованы направления развития техносферы гибридной войны, вопросы ведения разведки, информационно-психологической войны и сдерживания, что представляет собой важный научный вклад в разработку темы.

Выделены особенности гибридного военного конфликта, который предусматривает создание обстановки неопределенности, меры экономического воздействия, захват инициативы и лишение противни-

ка возможностей маневра силами и средствами, манипуляции сознанием населения в ходе так называемой «когнитивной, информационно-психологической, ментальной войны» для воздействия на сознание людей. В этих целях используются как традиционные, так и асимметричные средства и способы борьбы.

Обосновывается необходимость качественного переосмысливания характеристик современных военных конфликтов нового поколения, их стратегий и способов взаимодействия с учетом следующих особенностей.

Во-первых, реализуется тенденция перехода от линейной к нелинейной модели войны, основанной на применении не прямых асимметричных действий, что позволяет за счет весьма ограниченного воздействия добиться существенных, нередко стратегических результатов.

Во-вторых, меняются системообразующие элементы, определяющие содержание самой философии войны как гуманитарной составляющей учения о войне: существо войны, основные идеи, с этим существом связанные, пути к познанию войны, науку о войне в ее целом и ее классификацию.

В-третьих, с учетом комплексного характера гибридной войны особую значимость приобретает задача организации всестороннего взаимодействия всех сил и средств, задействованных в военном конфликте.

Сформулированы уникальные измерения гибридной войны как скрытого и не имеющего определенного статуса конфликта, обладающего сложной внутренней структурой, протекающего в виде интегрированного военно-политического, экономического, информационно-психологического противоборства. Гибридная война играет важную роль в формировании современной операционной среды, на конфигурацию которой оказывают влияние следующие взаимосвязанные тенденции:

- противники оспаривают все области, включая киберпространство, космос и информационную среду, где не гарантировано доминирование отдельных держав;
- меньшие армии сражаются на расширенном поле боя, которое становится все более смертоносным и гиперактивным;
- национальным государствам труднее навязывать свою волю в политически, экономически, культурно, технологически и стратегически сложной среде;
- ряд государств умело конкурируют ниже уровня вооруженного конфликта, что затрудняет сдерживание;
- геополитическими противниками России широко применяются технологии когнитивной войны и войны «чужими руками» как эффективные инструменты гибридной войны.

На «лестнице» эскалации военного конфликта гибридной войне отводится роль своеобразного «поворотного пункта», достигнув которого стороны могут принять решение о переходе от несиловых форм противоборства к наращиванию интенсивности военных действий вплоть до глобального конфликта. Гибридные угрозы как инструменты гибридной войны представляют собой гибкое адаптивное средство управления эскалацией / деэскалацией вооруженного конфликта.

Анализ перечисленных и некоторых других факторов позволил перейти к задаче формулирования законов и принципов гибридной войны.

На содержание группы законов гибридной войны США и НАТО против России оказывают определяющий характер следующие особенности военного конфликта:

- ✓ глобальный геополитический характер конфликта, поскольку США стремятся разгромить Россию как одного из своих главных и сильных геополитических противников, единственного, который может уничтожить Америку вооруженным путем;
- ✓ цивилизационный характер конфликта, так как США стремятся в первую очередь ослабить Россию, Китай и Иран как своих наиболее значимых мировоззренческих противников, которые в рамках собственной культурно-мировоззренческой парадигмы создали принципиально отличные от американских мировоззренческих проектов глобализации и либерализации;
- ✓ перманентный и всеобщий характер конфликта, что обусловлено применением в гибридной войне стратегии изнурения, которая предусматривает постепенный переход от ненасильственных действий в политической, экономической, информационно-психологической сферах

к военно-силовым операциям. Стратегия рассчитана на длительное время и реализуется с разной интенсивностью в специально созданных «серых зонах» как театрах гибридной войны;

- ✓ диффузный (гибридный) характер гибридного военного конфликта, так как в нем используются все известные на сегодня неядерные средства и методы войны, включая обусловленную интеграционным фактором взаимодействия способность использовать технологии «цветной революции» в качестве катализатора операций гибридной войны с целью ускорения развала государства. Использование в роли катализатора цветной революции представляет собой синтез стратегий изнурения и сокрушения;
- ✓ опосредованный характер конфликта за счет использования стратегии войны «чужими руками» или прокси-войны в качестве важного инструмента, позволяющего замаскировать государство, заинтересованное в победе в гибридной войне.

Автор указывает, что с учетом временных рамок продолжительности гибридной войны (многие годы и десятилетия) в планировании гибридной войны определяющая роль принадлежит долгосрочным стратегиям, построенным на прогнозировании возможных вариантов исхода ситуации, на умении создавать и использовать опережающее отражение действительности, связанное с заблаговременной, ускоренной подготовкой к будущим возможным изменениям операционной среды. Опережающее отражение при разработке стратегии гибридной войны — это перспективное видение развития военного конфликта, основанное на четко выстроенной последовательности действий, которые следует выполнить для того, чтобы достигнуть поставленной цели.

К законам гибридной войны как нового вида межгосударственного противоборства автор относит:

- ◆ закон использования продажных местных элит в качестве важного инструмента ослабления и развала государства;
- ◆ закон формирования серой зоны как театра гибридной войны;
- ◆ закон отрицания факта ведения гибридной войны;
- ◆ закон многосферного сдерживания;
- ◆ закон скрытности применения против противника комплекса гибридных угроз;
- ◆ закон всеобъемлющего охвата территории государства при проведении операций гибридной войны, включая космическое и киберпространство;
- ◆ закон опережающего отражения при разработке стратегии гибридной войны, основанного на перспективном видении развития военного конфликта;
- ◆ закон приоритетности операций по оказанию когнитивного разрушительного воздействия на сознание и психику людей с целью манипуляций сознанием и ускорения развала государства;
- ◆ закон специфичности развития военной техносферы гибридного военного конфликта.

Законы отражают относительную новизну феномена гибридной войны, стратегия которой строится на способности противника синхронизировать по месту, времени, видам и интенсивности использование рукотворных гибридных угроз против уязвимостей государства-жертвы на всей его территории. Синхронизация угроз осуществляется с учетом нелинейного характера гибридной войны и во взаимодействии с современными технологиями информационно-психологического и кибернетического воздействия.

С законами гибридной войны неразрывно связаны принципы, которые используются при планировании и ведении военного конфликта и представляют собой наиболее общие, основополагающие правила и рекомендации, которыми должны руководствоваться при разработке и реализации стратегии гибридной войны.

К числу принципов, имеющих важную роль при разработке и реализации стратегии гибридных военных конфликтов, относятся:

- принцип полноты учета факторов, обуславливающих возможности противника, в том числе стратегической культуры государства / коалиции, узких и уязвимых мест, оружия, форм и способов проведения военных операций;
- принцип взаимодействия;
- принцип непрерывности взаимного информирования об обстановке;

- принцип непрерывного контроля за выполнением задач на исполнительском уровне, оказания содействия в организации взаимодействия;
- принцип устойчивого, гибкого и непрерывного управления операциями;
- принцип единства взглядов на замысел, цель и задачи гибридной войны в целом и отдельных операций обеспечивается соблюдением единоначалия и организацией взаимодействия всех сил и средств гибридной войны на основе единого замысла и плана;
- принцип единоначалия;
- принцип ведения непрерывной разведки противника и оперативного доведения ее результатов до заинтересованных сил и средств;
- принцип упреждения действий противника;
- принцип прогнозирования развития обстановки и гибкой адаптации собственных действий к изменениям.

На различных этапах гибридной войны значимость и содержание определенных принципов могут изменяться в зависимости от остроты противоборства, использования инновационных приемов борьбы, появления новых союзников или распада существовавших коалиций, трансформации военной техносферы.

Важное методологическое значение имеет вывод о гибридной войне как инструменте эскалации военных конфликтов. Обстоятельно исследован комплекс важнейших факторов гибридной войны: временного, пространственного, фактора внезапности, а также фактор стратегической мобильности. Впервые обоснована ключевая роль использования фактора критичности при разработке стратегии гибридной войны и ее отдельных операций в административно-политической, финансово-экономической, культурно-мировоззренческой и военной сферах. Применительно к теории гибридной войны введено понятие «узлов критичности» и показана роль гибридных угроз как инструмента воздействия на узлы критичности. Показана роль фактора опережающего отражения вероятных военно-политических ситуаций как системообразующего для всего комплекса законов гибридной войны и планирования военного конфликта.

Обосновано определение «серых зон» как театров гибридной войны. Сформулированы специфические требования к операциям в «серой зоне» при управлении критичностью. Это, прежде всего, тщательная синхронизация различных способов военного и невоенного насилия, применение которых осуществляется постепенно, скрытно и неожиданно для противника. Сделан вывод об угрозах «серых зон» как территорий управляемой критичности для национальных интересов нашей страны. Показано, что наряду с формированием надежного щита против военных операций для мониторинга обстановки и организации противодействия подрывным операциям противника требуется создать в России единый межведомственный национальный центр, способный объединить меры по противодействию гибридным угрозам и оценке уровня критичности в военной, административно-политической, дипломатической, информационно-психологической (когнитивной), экономической, кибернетической, космической сферах.

Разработаны впервые модели взаимодействия в гибридной войне: модель гибридной войны, включающая матрицу системных компонентов, и модель синхронизации гибридных угроз, алгоритм управления критичностью, предложены подход к оценке зависимости состояния международной безопасности от уровня военного потенциала государства, интегративная и концептуальная модели обеспечения национальной и международной безопасности РФ.

Последние две модели отражают возможности гибкого сочетания национальных интересов России и интересов широкого круга других международных участников: отдельных государств, коалиций, международных организаций в условиях гибридного противоборства.

Исследован ряд других важных теоретических вопросов, правильное решение которых позволит добиться успеха при реализации стратегий гибридной войны:

- ✓ организация разведки в гибридной войне, включая требования к разведке, взаимодействие дипломатии и разведки, «гибридную» составляющую в деятельности разведок современных государств;

- ✓ трансформация военной техносферы, включая вопросы прогнозирования ее развития, развитие концепций боевого применения сил и средств современных государств и их коалиций в гибридной войне, действия в кибернетическом пространстве;
- ✓ когнитивная война как третье боевое измерение гибридной войны;
- ✓ доктрины сдерживания в гибридной войне, включая принуждение и сдерживание посредством отрицания, разработана модель «многослойного» сдерживания.

Заключение

Работа А. А. Бартоша «Вопросы теории гибридной войны» представляет собой фундаментальный военно-теоретический труд по вопросам обеспечения обороны страны и безопасности государства, а также строительства Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск. Работа основана на проведенном автором в период 2015–2022 гг. комплексном анализе трансформации военных конфликтов современности и особенностей развития гибридной войны.

Конкретная научная новизна, отличающая работу, заключается:

- ◆ в исследовании характерных особенностей современных военных конфликтов и феномена гибридной войны;
- ◆ в формулировке и обосновании законов и принципов гибридной войны;
- ◆ в исследовании факторов гибридной войны и обосновании решающей роли использования фактора критичности в стратегии гибридного военного конфликта;
- ◆ в разработке вопросов использования «серой зоны» как театра гибридной войны;
- ◆ в разработке моделей обеспечения международной и национальной безопасности России в условиях гибридного противоборства;
- ◆ в исследовании особенностей разведки и техносферы гибридной войны, проблем сдерживания в гибридной войне и ведения когнитивной войны как ее инструмента.

Хочу отметить, что настоящая работа, как и другие научные труды автора по вопросам теории гибридной войны, составившие основу исследования, соответствуют передовому мировому уровню.

Об авторе:

Шевцов Леонтий Павлович, советник директора Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), заслуженный военный специалист, генерал-полковник

About the author:

Leonty P. Shevtsov, Advisor to the Director of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), Honored Military Specialist, Colonel-General

Публикации в журнале «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» в 2022 г.

От главного редактора	№ 1	Глазьев С. Ю. Идеология новой эры	с. 9
	№ 2	Глазьев С. Ю. Свой путь	с. 9
	№ 3	Глазьев С. Ю. Мобилизацией — по инерции либеральной лени	с. 9
	№ 4	Глазьев С. Ю. Акценты на опережающее развитие	с. 9
ГЛАВНОЕ	№ 1	Глазьев С. Ю., Кефели И. Ф. К вопросу об идеологии Евразийского экономического союза	с. 10
	№ 1	Случевский В. В., Торопыгин А. В. Российско-китайские отношения в контексте взаимовлияния интеграционных процессов	с. 22
	№ 2	Мясникович М. В., Ковалёв В. С. Евразийский экономический союз: переосмысливая суверенный путь развития	с. 11
	№ 3	Глазьев С. Ю. Проблемы развития евразийской экономической интеграции: как их разрешить?	с. 11
	№ 3	Киселев С. Г., Кефели И. Ф., Опокин А. Б. Из-за железного занавеса в сети гибридной войны (эхо Фултонской речи Черчилля)	с. 24
	№ 4	Малков С. Ю. Россия в условиях мирового кризиса	с. 11
ЭКОНОМИКА	№ 1	Ворона А. А., Калмыков С. П., Ляшенко М. В. Совершенствование сферы таможенного администрирования в России на основе китайского опыта	с. 31
	№ 1	Жиряева Е. В., Наумов В. Н. К вопросу о свободном движении финансовых услуг и капитала в Евразийском экономическом союзе	с. 43
	№ 1	Перминова Е. А. Стимулирование инновационного развития регионов Российской Федерации в рамках стратегических инвестиционных проектов	с. 57
	№ 2	Кудаяров У. Б., Матазимов А. М. Концепция «государство развития» в контексте евразийской интеграции	с. 18
	№ 2	Куклина Е. А., Наумов В. Н. Программы «двойной магистратуры» как инструмент формирования единого образовательного пространства ЕАЭС	с. 28
	№ 2	Мигалева Т. Е., Подбиралина Г. В., Разумнова Л. Л. Сближение позиций государств — членов ЕАЭС по вопросам климатической повестки и углеродного регулирования	с. 41
	№ 2	Давыдова Ю. А., Каргаполова Е. В. Сотрудничество России и Казахстана как вектор евразийской интеграции	с. 51
	№ 2	Погодин С. Н., Ягья Т. С. К вопросу о развитии китайского рынка электронной коммерции	с. 60
	№ 2	Полийчук А. С. О некоторых исторических особенностях легализации незаконных доходов в России и Китае	с. 70
	№ 2	Мамытов У. Э. Внешние факторы ускоренной модернизации Японии в конце XIX века	с. 77
	№ 3	Мисько О. Н., Рубцов Г. Г. Влияние унификации политик стран ЕАЭС и их союзников на долгосрочные социально-экономические процессы внутри Евразийского союза	с. 34
	№ 3	Журавлев О. М., Матвеев И. А. Государственный капитализм в России: состояние исследований (часть 2)	с. 47
	№ 3	Ли Ин. Проблемы и трудности в процессе энергетического сотрудничества КНР и РФ	с. 58
	№ 3	Орлова И. С., Цинченко Г. М. Победа Китая над бедностью: миф или реальность?	с. 66
	№ 4	Горбунова М. Л., Комаров И. Д., Белащенко Д. А. К вопросу о стратегии формирования трансрегионального интеграционного контура ЕАЭС	с. 26
	№ 4	Ворона А. А., Губина М. А. Фармацевтический рынок ЕАЭС: тенденции и перспективы развития	с. 43
	№ 4	Смирнов С. А., Сорокин Г. С. Применение бережливого производства в российских компаниях	с. 55
ПРАВО	№ 1	Березина Е. К. Особенности политико-правовых документов о сотрудничестве между ЕАЭС и третьими странами	с. 68
	№ 1	Кириленко В. П., Молоковский Д. С. Международно-правовые аспекты контроля за оборотом новых психоактивных веществ	с. 77
	№ 1	Комилбек А. Ё. Состояние и перспективы развития современной системы государственного управления Республики Таджикистан	с. 86
	№ 1	Курочкина Е. М. Правовой режим исполнения иностранных судебных и арбитражных решений в Евразийском экономическом союзе	с. 93
	№ 2	Кириленко В. П., Алексеев Г. В., Чаава М. З. Международная защита прав трудящихся-мигрантов и миграционное законодательство	с. 84
	№ 3	Мишальченко Ю. В., Зорян С. Г., Довбуш Т. Н. Публичные, международно-правовые и экономические аспекты создания системы исследования коррупции в государствах — членах ЕАЭС	с. 75
	№ 3	Кириленко В. П., Мишальченко Ю. В., Васильева Е. В. Особенности международно-правового регулирования внешнеторговых контрактов	с. 84

	№ 4	<i>Кириленко В. П., Алексеев Г. В.</i> Роль цифровой трансформации в борьбе с преступностью на море	с. 68
	№ 4	<i>Фурман Ф. П.</i> Стоит ли реформировать ООН?	с. 82
	№ 4	<i>Семянникова Д. А.</i> Правовые нормы социального обеспечения военнослужащих — участников специальной военной операции	с. 89
	№ 4	<i>Атнашев В. Р.</i> Правовое регулирование брачных отношений с иностранными гражданами (на примере Вьетнама)	с. 98
ПОЛИТИКА	№ 1	<i>Арсентьева И. И.</i> Курс на здоровье: китайская инициатива «Пояс и путь» в условиях пандемии COVID-19	с. 101
	№ 1	<i>Ван Цзюньтао, Любина Д. Е.</i> Китайско-российское сотрудничество на территории бассейнов рек Янцзы и Волги	с. 111
	№ 1	<i>Ильина М. Ю.</i> Перспективы сотрудничества государств — членов ЕАЭС в области информационной безопасности	с. 119
	№ 1	<i>Леденева В. Ю.</i> Отражение проблем межэтнических отношений в российских СМИ	с. 128
	№ 1	<i>Шевчук Н. В., Сачик А. А.</i> Подходы Германии к урегулированию современных международных конфликтов на постсоветском пространстве	с. 138
	№ 2	<i>Сальников В. И., Котов Е. В.</i> Особенности политического транзита на постсоветском пространстве (на примере ПМР и ДНР)	с. 95
	№ 2	<i>Кок Севги.</i> Культурная политика на городском уровне в контексте формирования национальной идентичности (на примере Нур-Султана)	с. 107
	№ 2	<i>Ху Яньли, Плебаник О. В.</i> Два взгляда на одну проблему: Евразийский проект и «Один пояс — один путь»	с. 118
	№ 2	<i>Веселова Д. Н.</i> Государственная экологическая политика России и Китая в Арктике: общее и особенное	с. 130
	№ 2	<i>Выходец Р. С.</i> Стратегия Китая в области искусственного интеллекта	с. 140
	№ 2	<i>Грибанова Г. И., Магдалюк А. В.</i> Арктическая стратегия Японии и национальные интересы России	с. 148
	№ 2	<i>Храмова А. В.</i> Разрешение противоречия между национальными и наднациональными интересами как инструмент раскрытия потенциала региональной интеграции	с. 158
	№ 2	<i>Журавлев О. М., Матвеев И. А.</i> Государственный капитализм в России: состояние исследований (часть 1)	с. 169
	№ 3	<i>Титович А. М., Торопыгин А. В.</i> О применении многомерных статистических процедур в анализе перспектив сотрудничества ЕАЭС и АСЕАН	с. 95
	№ 3	<i>Выходец Р. С.</i> Политики стран ЕАЭС в области искусственного интеллекта	с. 106
	№ 3	<i>Долженкова Е., Мохорова А. Ю., Данышина Н. А., Клиницкий А. И.</i> Противодействие экстремизму и терроризму в молодежной среде — эпоха цифровизации	с. 118
	№ 3	<i>Шумилов М. М., Шумилов Ю. М.</i> Внешние факторы армяно-азербайджанского конфликта в контексте второй карабахской войны	с. 126
	№ 3	<i>Ван Лулу.</i> Некоторые аспекты партийного сотрудничества между Казахстаном и Китаем	с. 137
	№ 4	<i>Белая Е. К., Кашина М. А.</i> Сравнительный анализ южнокорейской и американской практики мягкой силы в мировой политике	с. 106
	№ 4	<i>Козьменко С. Ю.</i> Современный гамбит в евразийской версии «Большой игры»	с. 121
	№ 4	<i>Марабян К. П.</i> Особенности современной политики Турции на Южном Кавказе	с. 130
	№ 4	<i>Выходец Р. С., Панцеров К. А.</i> Сравнительный анализ современных концепций информационного противоборства	с. 139
	№ 4	<i>Торопыгин А. В.</i> Организация Договора о коллективной безопасности: реалии и перспективы кризисного реагирования	с. 149
ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА	№ 3	Новости ЕАЭС и ЕЭК	с. 145
	№ 4	Новости ЕАЭС и ЕЭК	с. 157
РЕЦЕНЗИИ	№ 4	<i>Шевцов Л. П.</i> Рецензия на монографию А. А. Бартоша «Вопросы теории гибридной войны»	с. 167
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	№ 1	Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век (к 100-летию образования СССР и становления евразийства) : коллективная монография / под ред. доктора филос. наук, проф. И. Ф. Кефели; предисловие академика РАН С. Ю. Глазьева. СПб. : ИД «ПЕТРОПОЛИС», 2022. 532 с.	с. 21
	№ 1	10 лет в глобальном мире : сборник интервью / гл. ред. И. С. Иванов; [сост. А. В. Кортунов, И. Н. Тимофеев, Е. О. Карпинская]; Российский совет по международным делам (РСМД). М. : НП РСМД, 2021. 668 с.	с. 100
	№ 2	Цифровизация общества и система социального кредита: проблемы, перспективы : монография / колл. авт.; науч. ред. И. А. Ветренко. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. 352 с.	с. 176

ПРАВИЛА
оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией
международного научно-аналитического журнала
«ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию электронную версию статьи в формате Microsoft Word.

Объем представляемых для публикации статей должен быть не более 40 000 знаков, но не менее 16 000 знаков с пробелами.

Оригинальность статьи должна быть не менее 65%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

2. Каждая статья должна быть сопровождена сведениями об авторе(-ах) (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

3. Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова.

Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются.

Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем — 250–300 слов. В реферате обязательно указываются: **Цель, Задачи, Методология, Результаты, Выводы** (по 1–2 предложения для каждого пункта), в английском варианте, соответственно, **Aim, Tasks, Methods, Results, Conclusion**.

4. Рукопись статьи должна содержать ключевые слова — 5–7 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов.

5. Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

6. Список литературы в конце статьи дается в алфавитном порядке. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод. В тексте дается ссылка в квадратных скобках, например [7, с. 625].

7. Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

8. Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов WordArt в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования).

Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация Заведующий кафедрой

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон: (только для внутреннего пользования)

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

– монографии:

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

– статьи в научных сборниках:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы.

М. : Прогресс, 1972.

– публикации в многотомных изданиях:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

– статьи в научных журналах:

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

– статьи в газетах:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

– правовые акты:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

– **архивные документы** (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

– электронные ресурсы оформляются следующим образом:

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии.

Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler MediaGroup. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2022. Том 16, № 4

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**

Международный научно-аналитический журнал

Выходит 4 раза в год

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Выпускающий редактор
Е. А. ЛЫСУНЕЦ
lysunets-ea@ranepa.ru

Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНОК

Сдано в набор 15.12.2022.

Подписано к печати 30.12.2022.

Формат 84×108 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 11,0. Тираж 100 экз.

Заказ № 4/2022.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72803 от 25 мая 2018 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72

«ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА» – профессиональный журнал государственных и политических деятелей, сотрудников научных и образовательных учреждений, аналитиков и экспертов. Публикуются статьи, посвященные состоянию и перспективам развития ЕАЭС и стран Большого Евразийского пространства. Партнером журнала является Евразийская экономическая комиссия.

“EURASIAN INTEGRATION: ECONOMICS, LAW, POLITICS” is a professional journal of state and political figures, employees of scientific and educational institutions, analysts and experts. Articles on the state and prospects for the development of the EAEU and the countries of the Greater Eurasian space are published. The journal's partner is the Eurasian Economic Commission.

《欧亚一体化：经济、法律、政治》是國家和政治人物、科學和教育機構員工、分析師和專家的專業期刊。發表有關歐亞經濟聯盟和大歐亞空間國家的狀況和發展前景的文章。該雜誌的合作夥伴是歐亞經濟委員會。